W 54/256

W 54/256

Сав. 9267.

СЕМЬ ХЕРСОНСКИХЪ АРХІЕПИСКОПОВЪ.

Біографіи съ приложеніемъ портретовъ, выполненныхъ фототипіей.

Священникъ С. Петровскій.

БИБЛІОТЕКА МОСКОВСКОЙ ДУХОВНОЙ АКАДЕМІИ.

ОДЕССА.

Типографія Е. И. Фесенко, Ришельевская ул., с. д. № 47.

1894.

Отъ С.-Петербургскаго Духовнаго Цензурнаго Комитета печатать дозволяется.
С.-Петербургъ, 2 августа 1894 года. Цензоръ Протоіерей *А. Автономовъ*.

Ф 5328-37

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Архіепископъ Гавріилъ Розановъ. 9 мая 1837—1 марта 1848.

Архіепископъ Иннокентій Борисовъ. 22 февр. 1848—26 мая 1857.

Архіепископъ Димитрій Муретовъ. 11 іюня 1857—2 октября 1874; 20 февраля 1882—14 ноября 1883.

Архіепископъ Леонтій Лебединскій. 25 октября 1874—19 ноября 1875.

Архіепископъ Іоанникій Горскій. 16 ноября 1875—28 февраля 1877.

Архіепископъ Платонъ Городецкій. 25 апрѣля 1877—6 февраля 1882.

Архіепископъ Никаноръ Бровковичъ. 12 декаб. 1883—27 декаб. 1890.

БИБЛІОТЕКА МОСКОВСКОЙ ДУХОВНОЙ АКАДЕМІИ

Гавріилъ Архіепископъ

Архіепископъ Гавріилъ Розановъ.

9-го мая 1837 г. — 1-го марта 1848 г.

БИБЛІОТЕКА
МОСКОВСКОЙ ДУХОВНОЙ
АКАДЕМІИ

Первый Архіепископъ Херсонскій и Таврическій—Преосвященный Гавріилъ, въ мірѣ Василій Ѳеодоровичъ Розановъ, родился 26-го января 1781 года. Отецъ его былъ священникомъ одного изъ глухихъ селъ Костромской губерніи. Извѣстій объ его раннемъ дѣтствѣ, о первыхъ впечатлѣніяхъ, вынесенныхъ изъ семейной обстановки, о вліяніи отца и ближайшихъ родственниковъ, о начальномъ обученіи, никакихъ не сохранилось. Въ своей автобіографіи онъ вспоминаетъ только молодые юношескіе годы и первые служебные шаги. «Первоначальное образованіе получилъ я —пишетъ онъ—въ Костромской семинаріи, питалъ всегда пламенное рвеніе къ ученью, и страхъ къ наставникамъ, отъ своихъ сверстниковъ поэтому никогда не отставалъ. За то и наставники меня отмѣнно любили. Ученье семинарское кончилъ при преосвященномъ митрополитѣ Платонѣ въ Свято-Троицкой Сергіевой лаврѣ 1803 года. Выбылъ оттуда съ аттестастомъ, въ коемъ названъ примѣрнымъ, въ Костромскую семинарію, изъ которой и въ лавру поступилъ, и опредѣленъ учителемъ, съ преподаваніемъ первой части реторики, собственно поэзіи, и другихъ предметовъ, при-

ватными именовавшихся. Жалованья получалъ на первый разъ не болѣе 90 рублей. Былъ потомъ учителемъ-же реторики, наконецъ и философіи и физики, съ прохожденіемъ между тѣмъ должности префекта, соотвѣтствующаго, по теперешнему разряду, инспектору, съ такимъ прибавленіемъ, что на префектѣ лежала тогда главная по экономіи семинарской отвѣтственность. До 1811 года шелъ я симъ поприщемъ; въ 1811 отправился въ вакаціальное время въ Санктпетербургъ, почти безъ особой цѣли. Но особое участіе во мнѣ возъимѣли преосвященные покойные, Санктпетербургскій митрополитъ Амвросій и епископъ Вологодскій Евгеній, бывшій потомъ митрополитомъ Кіевскимъ. Лишь только появился я въ С.-Петербургъ, представился преосвященному митрополиту Амвросію, съ письмомъ отъ преосвященнаго Евгенія, бывшаго послѣ митрополитомъ Кіевскимъ, и съ поднесеніемъ слабыхъ своихъ опытовъ труда на поприщѣ наукъ, предложено мнѣ было поступить въ монашество. По согласіи моемъ, къ которому я убѣжденъ былъ другими благодѣтелями моими, каковы, напримѣръ, о. архимандритъ Сергій, бывшій тогда ректоромъ академіи С.-Петербургской, а потомъ и епископомъ Костромскимъ, и Филаретъ, митрополитъ Московскій, бывшій тогда баккалавромъ академіи и архимандритомъ, покойный главный благотворитель мой Амвросій митрополитъ самъ на себя принялъ трудъ снестись съ Костромскимъ преосвященнымъ Евгеніемъ объ отпускѣ меня изъ Костромской семинаріи въ Невскую лавру. Сіе безпрекословно и сдѣлано было. Я изъ Костромы уволенъ съ самымъ благодѣтельнымъ отъ преосвященнаго Костромскаго засвидѣтельствованіемъ, въ коемъ сказано было: поведенія благороднаго и т. д.

Самъ митрополитъ Амвросій ходатайствовалъ у св. синода, чтобы дѣло о постриженіи моемъ рѣшено было скорѣе; и дѣйствительно, въ 25 день сентября 1811 года онъ, мой

милостивецъ, привезши съ собою изъ св. сунода указъ, призвалъ меня и сказалъ: вотъ ты у преподобнаго Сергія учился. Сергій преподобный и разрѣшаетъ твою судьбу— быть въ монашествѣ! Дѣло по сему предмету кончилось.

Но надобно было придумать для меня, имѣющаго постричься, и должность ученую. Что-жъ тутъ? Меня назначаютъ баккалавромъ С.-Петерб. дух. академіи по предмету философскому къ профессору Горну; и хотя я не возведенъ еще былъ на сію должность: однакожъ самимъ министромъ духовныхъ дѣлъ, княземъ Голицынымъ, лично и ясно былъ поздравленъ. Внезапно послѣдовало возраженіе со стороны другаго архіерея, преосвященнаго Рязанскаго Ѳеофилакта, совсѣмъ не по недоброжелательству ко мнѣ, но по другимъ случаямъ, касающимся до личныхъ отношеній митрополита съ архіепископомъ. И дабы, при такой встрѣчѣ, не почиталъ я себя напрасно обиженнымъ, — вдругъ въ св. сунодѣ поставляютъ опредѣленіе быть мнѣ архимандритомъ и состоять настоятелемъ третьеклассnаго Спасокаменскаго въ Вологдѣ монастыря, съ возведеніемъ притомъ меня въ званіе префекта Вологодской семинаріи, который въ обязанности еще состоялъ и преподавать тамо философію. Итакъ въ 15-й день октября 1811 года въ Невской лаврѣ, за утренею постригли меня въ монашество, а за литургіею въ тотъ же день посвятили во іеродіакона. Въ 17 день того же октября въ Исакіевскомъ соборѣ преосвященный Іоасафъ, викарій С.-Петербургскій, рукоположилъ меня во іеромонаха, и въ 24 число того же октября, въ церкви всѣхъ скорбящихъ Богоматери, самъ митрополитъ Амвросій поставилъ во архимандрита. Сколько слезъ я пролилъ при самомъ рукоположеніи въ первый чинъ,— сего не объяснить, равно какъ и не постигаю, что подобное дѣлалось со мною при хиротоніи во епископа! По произведеніи меня во архимандрита Спасокаменскаго монастыря, прибылъ я изъ С.-Петербурга въ Вологду въ 1-й день декабря

1811 года, и во 2-й день, по обряду настоятеля, вступилъ въ упомянутую обитель. Въ то же время отъ благодѣтеля моего, преосвященнаго Евгенія Вологодскаго, удостоенъ и другихъ почестей: я сдѣланъ былъ присутствующимъ въ Вологодской духовной консисторіи, а по семинаріи возведенъ въ званіе префекта, съ должностью учителя философіи. Здѣсь-то предстоялъ мнѣ особый подвигъ и случай заслужить упомянутыя почести, доставшіяся мнѣ, судя по моимъ сверстникамъ столь поспѣшно и будто рано, по крайней мѣрѣ, по моему сознанію. Монастырь Спасокаменскій достался мнѣ въ самомъ разстроенномъ по хозяйству состояніи; неотложно мнѣ слѣдовало приняться за поправку церквей и келлій, гдѣ жилъ самъ я и изъ которыхъ, по ветхости ихъ, морозъ нерѣдко выгонялъ меня вонъ. 12-й годъ прошелъ однако, по причинѣ несчастной всеобщей годины, безъ особой дѣятельности, тѣмъ паче, что монастыри Вологодскіе заняты были пріѣзжимъ изъ Москвы духовенствомъ съ ихъ церковными и частными принадлежностями. 1813-го года выбылъ изъ Вологды и благодѣтельствовавшій мнѣ архипастырь Евгеній на Калужскую каѳедру; а въ слѣдъ за нимъ потребованъ въ С.-Петербургъ, для разныхъ порученій, и ректоръ семинаріи Вологодской Спасоприлуцкаго въ Вологдѣ-же второклассnаго монастыря архимандритъ Ѳеофилактъ. Должность ректора по семинаріи, безъ отмѣны префектской, поручена мнѣ, равно какъ и Спасоприлуцкій монастырь ввѣренъ во управленіе мнѣ, безъ перемѣщенія изъ Спасокаменскаго. Такимъ образомъ и по консисторіи, и по семинаріи, и по монастырямъ сдѣлался я первенствующимъ въ одномъ лицѣ.

Должность ректора, съ званіемъ префекта, носилъ я по 1814 годъ. Въ этотъ годъ кончился первый академическій курсъ въ С.-Петербургѣ, и коммиссія духовныхъ училищъ, возведши меня на степень дѣйствительнаго ректора семинаріи, съ званіемъ профессора богословскихъ наукъ, пору-

чила мнѣ образовать семинарію со всѣми подвѣдомственными ей училищами по новому уставу. Для сей цѣли изъ С.-Петербурга въ Вологду присланы были тогда и профессоры различныхъ классовъ. Порученіе мнѣ достодолжно и исполнено мною. Семинарія съ училищами преобразована; учащіе и учащіеся, послѣ многихъ вещественныхъ передѣлокъ въ семинарскомъ зданіи, водворены; открыто общежитіе; началось ученіе, какому быть слѣдовало, и корабль, оснащенный въ полной исправности, пустился въ пространное море.

Въ то-же время, какъ удостоенъ я званія ректора и профессора, перемѣщенъ я былъ изъ третьекласснаго Спасокаменскаго монастыря во второклассный Спасоприлуцкій, котораго и былъ я настоятелемъ до востребованія меня на чреду проповѣданія слова Божія въ С.-Петербургъ. Это послѣдовало въ 1819 году. Тогда отправился я въ столицу и тамъ, кромѣ проповѣди слова Божія, возложена была на меня должность законоучителя въ первомъ кадетскомъ корпусѣ. Тамъ мое было и пребываніе, пока я оставался въ С.-Петербургѣ. 1821 года изъ Спасоприлуцкаго монастыря переведенъ я св. сунодомъ въ первоклассный Ярославскій Толгскій монастырь, куда изъ кадетскаго корпуса, давъ относительно воспитанниковъ моихъ въ корпусѣ торжественный и счастливый притомъ отчетъ, и отправился въ февралѣ упомянутаго 1821 года, съ порученіемъ мнѣ управленія не только монастыря Толгскаго, но и Ярославской семинаріи, за отбытіемъ изъ оной ректора ея архимандрита Неофита въ С.-Петербургъ.

Въ томъ же 1821 году Божій промыслъ указалъ мнѣ новый путь въ Орелъ; по повелѣнію Государя Императора и по благословенію св. Сунода я назначенъ епископомъ Орловской паствы. Для принятія сего сана отправляюсь въ Москву и тамъ, съ чувствомъ сердечнаго неописаннаго умиленія посвящаюсь въ 18 день сентября 1821 года архипастырями уже упомянутыми».

9-го октября, епископъ Гавріилъ вступилъ въ управленіе Орловскою Паствою. Автобіографія, касаясь этого періода въ служебной дѣятельности Преосвященнаго Гавріила, сообщаетъ два случая встрѣчи имъ Императора Александра Благословеннаго. Въ первый разъ Государь посѣтилъ Орелъ для произведенія смотра войскамъ, собравшимся здѣсь въ числѣ 80.000. Онъ изволилъ прибыть 3 сентября 1823 г. въ 12 часовъ ночи. На другой день 4-го сентября, имѣли счастье представиться Государю Императору всѣ сословія города,— между прочими лицами и Епископъ, съ почетнѣйшимъ духовенствомъ. Но архипастырь Высочайше былъ отличенъ сравнительно съ другими тѣмъ, что Государь изволилъ пригласить его одного въ кабинетъ свой. «Не знаю, говоритъ самъ преосвященный, описывать-ли мнѣ, какимъ Его я тогда видѣлъ, о чемъ былъ нашъ разговоръ, что онъ спрашивалъ и что я отвѣчалъ? Скажу только, что Государь осыпалъ меня своимъ благоволеніемъ, коего удостоилъ и всѣхъ прочихъ, мною ему представленныхъ». 5-го сентября въ день тезоименитства Государыни Императрицы Елисаветы Алексіевны, торжественное богослуженіе архіерейское происходило въ Архангельской церкви, а Государь, спѣша на предположенныя манёвры, слушалъ литургію въ другой небольшой церкви. Послѣ обѣдни преосвященный осчастливленъ былъ приглашеніемъ къ столу Государя. «Когда я явился,— продолжаетъ владыка описаніе сихъ отраднѣйшихъ минутъ своей жизни, — Императоръ опять потребовалъ меня въ кабинетъ свой и началъ разговоръ о воинствѣ, которое онъ хвалилъ и сказалъ между прочимъ: что многочисленное войско нужно теперь для Россіи по ея пространству и что впрочемъ теперь намъ пріобрѣтать не для чего, а надлежитъ только сохранить пріобрѣтенное. Подробности сей интересной бесѣды потребовали бы многихъ строкъ: но довольно»... Второй разъ преосвященный Гавріилъ имѣлъ свиданіе съ „благословеннымъ Александромъ“ въ городѣ Сѣвскѣ, 1825 г.,

на пути его Величества въ Таганрогъ, гдѣ опредѣлено было ему кончить земное поприще. «Мнѣ послѣднему изъ архіереевъ суждено было, — говоритъ преосвященный,—узрѣть угасавшую жизнь великаго Государя. Чрезъ пять мѣсяцевъ, именно въ январѣ 1826 г., я имѣлъ прискорбную честь срѣтить того же Государя, но уже не живаго, а окончившаго свой вѣкъ, Котораго провожалъ отъ границы до границы своей паствы (Орловской Епархіи)».

Въ томъ же 1826 году, преосвященный имѣлъ счастье «срѣтить въ своей паствѣ и блаженныя памяти Благочестивѣйшую Императрицу Елисавету Алексіевну» на возвратномъ пути Ея изъ Таганрога въ С.-Петербургъ. Это событіе архипастырь описываетъ такъ: «въ понедѣльникъ, въ 3-й день мая 1826 года, по предварительномъ совѣщаніи съ княземъ Волконскимъ, я представился Ея Величеству въ 9 часовъ утра. Государыня была очень слаба, едва держалась на ногахъ; но приняла меня совершенно матерински. Мнѣ очень жаль, сказала Императрица, что, по слабости своей, не могу быть въ церквахъ и выходить къ народу. Я старался утѣшить скорбящую»...

Около 7 лѣтъ преосвященный Гавріилъ управлялъ Орловскою Епархіею; въ 1828 году, мая въ 22 день, онъ былъ Высочайше назначенъ на Екатеринославскую архіепископскую каѳедру, на мѣсто скончавшагося архіепископа Онисифора, при которомъ (онъ) состоялъ въ Вологдѣ ректоромъ семинаріи.

Въ Екатеринославъ преосвященный Гавріилъ прибылъ 1-го августа. Нѣтъ нужды подробно останавливаться на его Екатеринославской дѣятельности. Устройство новаго каѳедральнаго собора и двухъ городскихъ церквей—Успенской и Свято-Троицкой, устройство семинаріи и духовнаго училища, заботы о подъемѣ уровня семинарскаго образованія, объ улучшеніи быта духовенства, о благолѣпіи богослуженія, о подготовкѣ цѣлаго класса опытныхъ чтецовъ и пѣвцовъ достаточно показываютъ, какъ широка и разно-

образна была дѣятельность преосвященнаго Гавріила за 9 лѣтъ управленія имъ обширнымъ Новороссійскимъ краемъ.

За отличное усердіе и примѣрные труды въ исполненіи всѣхъ пастырскихъ обязанностей въ Екатеринославѣ, преосвященный Гавріилъ Всемилостивѣйше сопричисленъ былъ 5 января 1829 г. къ ордену Св. Анны 1-й степени, а 31 декабря 1832 г. Высочайше пожалованъ въ архіепископа.

Въ 1837 г. состоялось опредѣленіе Св. Синода о раздѣленіи громадной по пространству его епархіи на двѣ каѳедры: Екатеринославскую и Херсонскую. Въ составъ первой вошли церкви одной Екатеринославской губерніи, въ составъ второй—губерніи: Херсонская и Таврическая; мѣстопребываніе архіепископа Херсонскаго назначено въ Одессѣ. 9-го мая докладъ Св. Синода Высочайше былъ утвержденъ съ назначеніемъ на новую каѳедру архіепископа Гавріила, *какъ пастыря опытнаго*, по выраженію указа Св. Синода. Трогательно было прощанье архипастыря съ паствою, которую онъ любилъ, какъ заботливый другъ. Со слезами на глазахъ, въ простыхъ, но искреннихъ выраженіяхъ, онъ высказалъ всю душу предъ духовными дѣтьми, на послѣднемъ своемъ священнослуженіи. „Исповѣдуюсь не лицемѣрно, говорилъ онъ, что съ душевнымъ прискорбіемъ оставляю васъ; потому что я привержен къ вамъ, привыкъ къ Екатеринославу, который да сохранится неврежденнымъ, неподвижнымъ, доколѣ свѣтитъ луна и сіяетъ солнце... Градъ вашъ непространенъ, но тихъ, украшенъ смиреніемъ; не пышенъ, не великолѣпенъ; зато отличенъ любовію къ образованію христіанскому; потому-то я привержен къ вамъ, достопочтенные, потому-то и самые берега быстротекущаго Днѣпра столь веселятъ меня, что желалъ-бы здѣсь и умереть“ и проч.

Слезы слушателей были отвѣтомъ на послѣднюю бесѣду архипастыря, который девять лѣтъ «плѣнялъ ихъ отеческою нѣжностью, восхищалъ пламенною ревностію къ

благолѣпію св. храмовъ, привлекалъ сердца всѣхъ радушнымъ обхожденіемъ».

24-го іюля 1837 года архипастырь нашъ въ Одесскомъ каѳедральномъ соборѣ, по принесеніи первыхъ молитвъ, преподалъ миръ и благословеніе; затѣмъ торжественно, въ присутствіи графа Воронцова, открыта была Духовная Консисторія; преосвященный вступилъ въ управленіе. Не смотря на то, что въ составъ новой каѳедры вошли только три уѣзда Херсонской губерніи: Одесскій, Тираспольскій и Ананьевскій, кругъ пастырской дѣятельности его здѣсь оказался такъ же обширенъ, какъ и въ Екатеринославѣ. Кромѣ организаціи каѳедры, образованія приличной свиты, пріобрѣтенія ризницы, усовершенствованія хора и т. п., предстояло возвысить, оживить церковный бытъ Одессы, вовсе не отвѣчавшій, внѣшнему ея процвѣтанію. Неутомимо стремясь къ этой цѣли, въ теченіи 11-тилѣтняго пребыванія въ Одессѣ, преосвященный Гавріилъ, наконецъ, имѣлъ утѣшеніе видѣть результатъ своихъ трудовъ. Одинъ изъ просвѣщенныхъ одесситовъ, внимательно наблюдавшій за успѣхами пастырскихъ заботъ Гавріила, писалъ: «принадлежа къ числу Одесскихъ старожиловъ, я могу судить вслухъ о перемѣнахъ къ лучшему: о благотворномъ вліяніи, какое мы ощущаемъ со времени учрежденія у насъ епархіи Херсоно-Таврической».

Прежде чѣмъ перейти къ описанію епархіально-административной дѣятельности преосвященнаго, утвердившей за нимъ память въ Одессѣ, припомнимъ два обстоятельства, совпавшія съ его перемѣщеніемъ изъ Екатеринослава на Херсонскую каѳедру. Первое,—это прибытіе въ Одессу блаженной памяти Государя Императора Николая Павловича съ Государынею Александрою Ѳеодоровною, ровно черезъ два мѣсяца, по пріѣздѣ сюда преосвященнаго Гавріила. 5-го октября, Ихъ Величества изволили посѣтить каѳедральный соборъ, гдѣ архипастырь имѣлъ счастіе встрѣтить Августѣйшихъ Гостей съ крестомъ и св. водою. На другой день,

въ 11 часовъ, Монархъ изъявилъ желаніе видѣть архіепископа въ своей квартирѣ. Преосвященный явился вмѣстѣ съ находившемся тогда въ Одессѣ греческимъ митрополитомъ Герасимомъ. Его Величество спросилъ преосвященнаго Гавріила: „вы здѣсь недавно, преосвященный?“—„Точно такъ, Ваше Величество“, отвѣчалъ архипастырь. „Помню, помню,“ сказалъ Государь, потомъ продолжалъ: „наблюдайте строго за религіею и нравами здѣшнихъ жителей“. Этимъ и кончилось свиданіе архіепископа съ Государемъ.

Второе обстоятельство, которое мы имѣемъ въ виду,— Одесская чума 1837 г. Въ свое время было отмѣчено, что Архипастырь не отнесся пассивно къ этому народному бѣдствію, напротивъ принялъ всѣ зависѣвшія отъ него мѣры, чтобы возбудить въ населеніи упавшій духъ, вѣру въ Бога и надежды на лучшее будущее. Получивъ отъ Одесскаго гражданскаго начальства извѣщеніе о необходимости закрыть храмы, чтобы скопленіе народа не усилило заразы, преосвященный Гавріилъ обратился къ паствѣ своей прежде всего съ воззваніемъ: «1) Убѣждаю всѣхъ вѣрныхъ чадъ св. православныя церкви повиноваться отъ Бога установленнымъ властямъ свято, ненарушимо и отъ всего сердца, какъ самому Богу; ибо нѣтъ власти и начальства, которыя не были-бы учреждены самимъ Богомъ; и тотъ, кто противится, противится Богу и ропщетъ на Него». «2) Приглашаю всѣхъ чадъ паствы моей смириться предъ Господомъ и очистить души постомъ и покаяніемъ, ибо бѣды, отъ Бога посылаемыя, суть посѣщенія Божіи за грѣхи наши». «3) Православное духовенство здѣшняго города готово на всякую духовную помощь и утѣшеніе по первому требованію». «4) Къ сподобленію Св. Таинъ въ домахъ, поелику нуженъ предварительный постъ: то особенно внушая оный на все продолженіе заразы, мы, по долгу архипастырской любви и праву, сокращаемъ время поденія для пріобщенія Св. Тайнамъ, ограничивая оное для здоровыхъ,

благоговѣйно ищущихъ въ томъ и предохраненія и утѣшенія, тремя днями; кромѣ сего, предаемъ сей предметъ и разсужденію духовныхъ отцовъ». «5) Предложивъ сіе возлюбленнымъ моимъ о Христѣ чадамъ, я твердо уповаю, что Господь Богъ не попуститъ намъ искушатися свыше мѣры, дастъ намъ зрѣти благая еще въ настоящемъ животѣ, по множеству щедротъ своихъ; паче же по ходатайству къ Нему Единороднаго Сына Господа и Бога нашего Іисуса Христа и ради неусыпныхъ молитвъ о насъ Пресвятыя Дѣвы Богородицы, покровомъ коея и да прекратится всегубительное зло».

Затѣмъ архіепископъ предложилъ Одесскому населенію бесѣду о необходимости усиленной молитвы и о способѣ совершать ее. Бесѣда эта заканчивалась такимъ ободряющимъ призывомъ: »Станемъ прилежно, усердно, недремлю, неусыпно и съ вѣрою молиться Господу Богу; присовокупимъ къ тому исправленіе нравовъ своихъ, злыхъ обычаевъ и привычекъ...; помолимся объ избавленіи отъ напасти; а, когда исчезнетъ поражающій насъ мечъ, тогда не полѣнимся прибѣгнуть въ храмъ Божій, отверзтися имѣющій, и возблагодарить Господа Вседержителя, что наказавъ, смерти насъ не предалъ, но милостиво грѣхи наши простилъ и отъ бѣды избавилъ. О, какой тогда, представляю, у насъ о Господѣ будетъ праздникъ!»

Во все время чумы (съ половины октября по февраль), городъ былъ на карантинномъ положеніи; храмы стояли закрытыми; однако, по распоряженію преосвященнаго, религіозное утѣшеніе преподавалось всякому, безъ замедленія, особо назначенными священниками. Даже умиравшимъ преподавалъ Животворящія Тайны священникъ, по особенному убѣжденію Архипастыря, согласившійся запереться въ карантинъ на все время бѣдствія. Съ новаго (1838) года признаки чумы стали мало-по-малу исчезать; мѣры властей, молитвы святителя, не разъ выступавшаго съ проповѣдью

предъ обществомъ, не разъ посѣщавшаго карантинъ, сдѣлали свое дѣло. Зараза прекратилась и Государь Императоръ повелѣлъ снять оцѣпленіе города. 24-го февраля архіепископъ служилъ первую послѣ чумы литургію, совершилъ крестный ходъ изъ Покровской церкви въ Каѳедральный соборъ, въ которомъ участвовало все духовенство; впереди процессіи несена была икона святителя и чудотворца Митрофана Воронежскаго, присланная преосвященному Гавріилу архіепископомъ Воронежскимъ Антоніемъ «въ память избавленія града Одессы». На другой день князь Михаилъ Семеновичъ Воронцовъ благодарилъ Архипастыря за его пастырскую дѣятельность въ продолженіе печальнаго времени. «Принесши вчерашній день благодарственное молебствіе Богу за избавленіе насъ отъ чумы и отдавъ окончательный отчетъ Государю обо всемъ случившемся»,—писалъ онъ,—«я спѣшу удовлетворить одному изъ живѣйшихъ желаній моего сердца: принесеніемъ Вашему Высокопреосвященству моей искренней признательности за благодѣтельныя ваши содѣйствія во время минувшаго бѣдствія. Мѣстныя власти, подкрѣпленныя усиліемъ почетнѣйшихъ здѣшнихъ гражданъ, могли противупоставить злу однѣ только слабыя, отъ силъ человѣческихъ зависящія, преграды, но молитвы благочестиваго Пастыря призываютъ благословеніе Господне, и поученія вѣры поддерживаютъ духъ человѣка въ затруднительныхъ обстоятельствахъ жизни. Внезапное появленіе заразы среди многолюднаго города и закрытіе храмовъ Божіихъ, сопровождавшее карантинныя предосторожности, произвело по необходимости общее уныніе, но Ваше Высокопреосвященство, явясь предъ народомъ съ достойнымъ Васъ чувствомъ благочестія, ободряли и утѣшали его Пастырскими Вашими поученіями и въ минуты величайшей опасности пріискали средства къ безостановочному отправленію необходимѣйшихъ обрядовъ Православія. Самыя жертвы губительной заразы, заключенныя во внутренности карантина,

лично Вами посѣщеннаго, чувствовали благодѣянія вѣры, чрезъ полученіе отъ Васъ особаго пастыря, который, слѣдуя примѣру Вашего самоотверженія, предался видимымъ опасностямъ. Наилучшую земную награду попеченій Вашихъ обрететe Вы безъ сомнѣнія въ Высочайшемъ одобреніи Монарха, до свѣденія котораго довелъ я труды Ваши, но если къ этому можно присоединить еще что-либо, то я пріятнѣйшимъ долгомъ поставляю увѣрить Васъ, Милостивый Государь и Архипастырь, что всѣ сословія здѣшняго города умѣютъ вполнѣ чувствовать попеченія Ваши о ввѣренной Вамъ паствѣ, и что примѣры высокаго Вашего благочестія запечатлены навсегда въ ихъ памяти». 2-го апрѣля 1838 года Государь причислилъ преосвященнаго къ ордену святаго Равноапостольнаго князя Владиміра 2-й степени большаго креста. Въ грамотѣ Монарха сказано: «съ особеннымъ благоволеніемъ усмотрѣли Мы назидательный образъ Вашего дѣйствованія въ трудные дни города Одессы. Посему и признали за благо, сопричислить Васъ къ ордену...» и т. д.

Прошли грозные мѣсяцы; населеніе Одессы успокоилось: все вошло въ обычную колею; архипастырь приступилъ къ устройству ввѣренной ему епархіи. Первымъ изъ важнѣйшихъ его предпріятій, въ хронологическомъ порядкѣ, было устройство архіерейскаго дома и при немъ Крестовой церкви.

По прибытіи въ Одессу, преосвященный Гавріилъ помѣстился сперва въ Успенскомъ монастырѣ. Настала зима, сообщеніе между монастыремъ и городомъ стало затруднительно; владыка переселился въ Одессу. Временная квартира была однако тѣсна и неудобна и неприлична. Явилась мысль пріобрѣсть домъ внутри города. По просьбѣ преосвященнаго и по ходатайству князя Воронцова, Государь повелѣлъ, впредь до построенія архіерейскаго дома «помѣстить архіерея въ домѣ графа Потоцкаго», а впослѣдствіи соизволилъ уступить этотъ домъ епархіальному начальству на-

всегда, для избѣжанія расходовъ, необходимыхъ на постройку новаго зданія. Заботы о домѣ этимъ впрочемъ не окончились; надо было приспособить пожалованное зданіе къ новому назначенію, построить въ немъ Крестовую церковь, помѣщеніе для консисторіи и проч. Къ счастью, Святѣйшій Сунодъ ассигновалъ требуемую сумму на всѣ эти дополнительныя постройки, и онѣ произведены были безъ замедленія. 4-го апрѣля 1842 года происходило освященіе Крестовой архіерейскаго дома церкви во имя Святителя и Чудотворца Николая. Архипастырь, по окончаніи первой литургіи въ новой церкви, произнесъ назидательное слово на текстъ: «возвеселихся о рекшихъ мнѣ: въ домъ Господень пойдемъ». Дѣйствительно, былъ серьезный поводъ душевно порадоваться: съ архіерейскимъ домомъ являлся прочный, устойчивый центръ епархіальной жизни; функціи церковной администраціи сдѣлались сосредоточенными; новый (Крестовый) храмъ, увеличивъ число Одесскихъ церквей, могъ на случай нужды замѣнять для архіереевъ даже Каѳедральный соборъ.

Среди заботъ объ устройствѣ своего дома и Крестовой церкви въ немъ, преосвященный употреблялъ всѣ мѣры, чтобы расширить и украсить Одесскій Преображенскій соборъ, который въ 1837—1842 годахъ былъ не только крайне тѣсенъ, особенно во время архіерейскихъ службъ, но и не доконченъ. Архипастырь предположилъ совершенно возобновить его, придать ему бо́льшую величину и размѣръ посредствомъ правильной пристройки, устроить въ немъ теплые придѣлы, обновить стѣнную живопись... Работы эти были начаты въ 1842 году. Пристройка состояла въ соединеніи колокольни съ храмомъ такъ, что все обширное пространство между первымъ и послѣднимъ зданіемъ обращено въ средній храмъ, поражающій своею величественностью. Въ 1848 году отдѣлка новоустроенной части кончилась и архипастырь имѣлъ радость 3-го февраля освятить

правый придѣлъ собора во имя праведныхъ Симеона и Анны. Оставалось обновить старый соборъ, но это дѣло взялъ на себя знаменитый преемникъ Гавріила Иннокентій. Всѣ указанныя переправки, равно какъ и устройство приличной архіерейской ризницы для новой святительской каѳедры, архипастырь произвелъ безъ всякаго денежнаго пособія отъ казны

Но одинъ-ли Соборъ былъ предметомъ вниманія и заботъ преосвященнаго? Всѣ церкви Одессы приняли при немъ новый видъ, а значительное число ихъ построено вновь: такъ, въ 1839 году докончена, по настоянію Архипастыря, Петро-Павловская церковь; въ 1846 году сооружена церковь на Пересыпи во имя Казанской Божіей Матери; въ 1842 году начата, а въ 1847 году освящена Срѣтенская; въ 1844 году — церковь при женскомъ монастырѣ во имя праведныхъ Захарія и Елисаветы; въ 1846 году — Кладбищенская во имя Воскресенія Христова; перестроены и поновлены совершенно Греческая и Михайловская на Молдованкѣ. Нельзя не привести здѣсь правдиваго отзыва объ этой отрасли дѣятельности преосвященнаго Гавріила, сдѣланнаго по случаю освященія Срѣтенской церкви: «нынѣ,—говоритъ реффератъ,—все сѣверное поморье Чернаго моря, недавно еще столь негостепріимное подъ властію мусульманскою, представляетъ рядъ Православныхъ храмовъ,— символъ незыблемаго здѣсь владычества христіанскаго и русскаго. Число этихъ храмовъ увеличивается ежегодно и они повсюду становятся благолѣпнѣе; утѣшительное это явленіе стало особенно учащаться въ нашемъ краю и въ нашемъ городѣ со времени учрежденія здѣсь архіерейской каѳедры; первый возсѣдающій на ней достойный архипастырь, преосвященный Гавріилъ, неутомимо и ревностно печется о умноженіи числа и лѣпоты церквей Божіихъ во ввѣренной ему разноплеменной и разноязычной паствѣ, — и усилія его видимо благословляются Богомъ»...

Но гдѣ храмы, тамъ и проповѣдь, тамъ и проповѣдники, наставники Православнаго населенія. Для образованія такихъ проповѣдниковъ и вообще для подготовки ученыхъ священнослужителей преосвященный Гавріилъ сдѣлалъ если не болѣе, то во всякомъ случаѣ такъ же много, какъ и его знаменитые предшественники: Евгеній Булгарисъ, Никифоръ Ѳеотоки, Аѳанасій. Ученый Евгеній, при первоначальномъ образованіи епархіи (въ 1775 году) положилъ основаніе Семинаріи, въ которой могли обучаться дѣти лицъ духовнаго и свѣтскаго званія. Преемникъ его Никифоръ открылъ въ разсадникѣ Евгенія классы риторики, философіи и богословія; архіепископъ Аѳанасій, съ перемѣщеніемъ Новороссійской епархіи въ 1803 году изъ Новомиргорода въ Екатеринославъ, перевелъ туда и семинарію, утвердилъ ее на прочныхъ основаніяхъ, и около 35 лѣтъ это заведеніе служило единственнымъ средоточіемъ духовнаго просвѣщенія не только для Новороссійскаго края, но и для Черноморской области. Преосвященному Гавріилу выпалъ жребій основать вторую новую—Одесскую духовную семинарію. 1-го октября 1838 года, въ день Покрова Пресвятой Богородицы — она была открыта. Въ даръ начинавшему жить учрежденію преосвященный принесъ нѣсколько богословскихъ сочиненій и привѣтствовалъ начальниковъ и наставниковъ ея рѣчью—программой, которая осталась навсегда неизгладимою въ ихъ умахъ и сердцахъ.

Насадитель, естественно, любитъ свое насажденіе: такимъ образомъ нѣтъ ничего удивительнаго, что архипастырь — основатель Одесской семинаріи неутомимо слѣдилъ за развитіемъ ея, входилъ во всѣ мелочи ея устройства и благосостоянія, давалъ стройное гармоническое направленіе всѣмъ частямъ воспитанія—учебной, нравственной и физической. Поэтому, на первыхъ-же порахъ существованія Одесская семинарія обратила на себя вниманіе высшей духовной власти. Два года спустя по ея открытіи (въ 1840 году), ре-

визоръ—ректоръ Кіевской духовной академіи, архимандритъ Іеремія доносилъ въ отчетѣ, что Одесскій разсадникъ по постановкѣ учебнаго и воспитательнаго дѣла стоитъ на желательной высотѣ, а «Его Преосвященство, Архіепископъ Гавріилъ, истинный отецъ и благодѣтель заведенія входитъ во всѣ подробности питомцевъ, особенно сиротъ».

Въ 1839 г., по ходатайству архіепископа, СвятѣйшійСинодъ, въ виду дороговизны содержанія въ Одессѣ, возвысилъ оклады семинаріи, поставя ее въ 1-й разрядъ учебныхъ заведеній въ отношеніи къ штатамъ. Историческая записка о состояніи заведенія, читанная послѣ открытаго испытанія воспитанниковъ, въ 1841 г., замѣчаетъ относительно этого факта: «Содержаніе учениковъ за минувшіе 3 года было весьма хорошее и вообще экономическая часть семинаріи, при непосредственномъ и неусыпномъ отеческомъ надзорѣ Высокопреосвященнѣйшаго нашего, приведена въ отлично-благоустроенное положеніе». Въ 1841 году изъ Херсонской семинаріи были вызваны въ С.-Петербургскую духовную академію два воспитанника, какъ обладающіе удовлетворительными практическими свѣдѣніями въ современномъ греческомъ языкѣ. Этою честью семинарія обязана была также своему основателю—преосвященному Гавріилу, который учредилъ при ней практическій классъ греческаго языка, имѣя въ виду мѣстныя потребности своей разноплеменной епархіи. Классъ открытъ былъ при семинаріи сперва въ видѣ опыта, и «съ 1-го января до сентября 1839 года учитель получалъ жалованье не изъ семинарскихъ суммъ, но непосредственно отъ Его Высокопреосвященства, а съ 1-го сентября того-же года опредѣленъ былъ особый наставникъ новогреческаго языка, съ производствомъ ему отъ казны жалованья». По распоряженію преосвященнаго, преподаваніе языковъ нѣмецкаго и французскаго также имѣло характеръ практическій; наставники этихъ предметовъ назначены были изъ природныхъ иностранцевъ.

Благодаря такимъ мѣрамъ и усиліямъ, благодаря постоянному надзору и сообразной съ мѣстными нуждами постановкѣ воспитанія духовнаго юношества, число образованныхъ священниковъ въ епархіи годъ отъ году стало увеличиваться. Не менѣе усердно заботился преосвященный и объ умноженіи въ своей епархіи духовенства съ высшимъ академическимъ образованіемъ. Въ 1837 году онъ засталъ въ Одессѣ только одного священника со степенью магистра и трехъ кандидатовъ богословія; десять лѣтъ спустя здѣсь было четыре магистра и до одиннадцати кандидатовъ по разнымъ мѣстамъ епархіи.

Другое учебное заведеніе, обязанное своимъ основаніемъ архіепископу Гавріилу — Одесское училище дѣвицъ духовнаго званія, преимущественно сиротъ, учрежденное при женскомъ Архангело-Михайловскомъ монастырѣ, имъ же устроенномъ. Монастырь заложенъ 31-го мая 1842 года, а открытъ 9-го мая 1844 года. Менѣе чѣмъ за два года построены прекрасный домъ со всѣми удобствами для помѣщенія монахинь, послушницъ и воспитанницъ; разведенъ вокругъ зданій садъ, устроена ограда. Государыня Императрица Александра Ѳеодоровна пожертвовала на эту обитель 3000 руб., Наслѣдникъ Цесаревичъ,—покойный Государь Александръ Николаевичъ, — 2.200 руб., сборъ по сосѣднимъ съ Таврическою епархіямъ далъ 22.000 руб.; всего употреблено было на устройство монастыря и духовнаго училища 83.680 руб. Цѣль монастыря на первыхъ-же порахъ опредѣлилась какъ исключительно педагогически-просвѣтительная: онъ долженъ былъ содержать учениць, доставлять средства на ихъ обученіе, складомъ жизни, нравами, обычаями воспитывать образцовыхъ матерей христіанокъ, будущихъ женъ приходскихъ священниковъ. По типу Одесское училище дѣвицъ духовнаго званія походило на современныя епархіальныя женскія училища, но въ свое время, въ 1844 году оно было оригинальное, единственное не только въ Новороссіи, а и во всей Россіи—учрежденіе.

Отеческія заботы владыки Гавріила, его рѣдкое вниманіе къ дѣтямъ-ученицамъ, его педагогическіе пріемы и уроки въ этомъ «Разсадникѣ» такъ описываетъ одинъ очевидецъ. «Архипастырь удѣлялъ на обозрѣніе Разсадника, обыкновенно, субботу всякой недѣли; чтобы успѣть вникнуть подробно въ состояніе его, пріѣзжалъ въ монастырь рано, въ 9 часовъ и прежде всего требовалъ отъ наставниковъ отчета въ успѣхахъ питомицъ по наукамъ. Для этого съ отеческою снисходительностью и привѣтливостью каждую изъ нихъ испытывалъ; особенно восхищался ясными и удовлетворительными отвѣтами дѣтей по Св. Исторіи; тутъ часто самъ становился преподавателемъ, толкуя имъ простымъ, общедоступнымъ языкомъ трогательныя событія ветхаго и новаго завѣта и извлекая изъ нихъ нравоученія, примѣнительно къ возрасту и состоянію ихъ. Любилъ также бесѣдовать съ малолѣтними слушательницами своими о поучительныхъ событіяхъ русской исторіи. Затѣмъ разсматривалъ опыты писанія ихъ, рисованія и рукодѣлія. На послѣдній предметъ Владыка, имѣя въ виду существенныя потребности воспитанницъ, обращалъ преимущественное вниманіе; обозрѣніе успѣховъ въ предметахъ ученія заключалось испытаніемъ дѣвицъ въ церковномъ пѣніи, которое онѣ должны были изучать со всякимъ вниманіемъ, дабы славословія Господу благодѣющему совершались ими съ возможною чинностью и умиленіемъ. Послѣ этого архипастырь-отецъ входилъ подробно въ состояніе экономіи пріюта и обители; разсматривалъ внимательно итоги недѣльныхъ расходовъ, рѣшалъ доклады настоятельницы, относительно хозяйственныхъ распоряженій по монастырю, посѣщалъ общую трапезу, отвѣдывалъ пищу и питіе дѣтей; нерѣдко входилъ въ самую кухню, наказывая служительницамъ соблюдать всевозможную чистоту и опрятность въ приготовленіи пищи, приказывалъ пріучать къ хозяйству и дѣтей (старшихъ), которыя поочередно должны были прислуживать при трапезѣ».

9-го мая, каждый годъ, при Преосвященномъ Гавріилѣ, въ женскомъ духовномъ училищѣ происходилъ публичный экзаменъ. Сироты, поступавшія въ заведеніе нерѣдко въ дикомъ, въ высшей степени грубомъ видѣ, выступали на общій судъ существами цивилизованными, облагороженными, какъ съ нравственно-умственной, такъ и съ физической стороны. «Не могу», пишетъ участникъ одного подобнаго экзамена (въ 1847 году), «не могу умолчать о томъ чувствѣ умиленія, которое невольно испытывала душа, при видѣ достойнаго архипастыря, предлагавшаго воспитанницамъ вопросы съ отеческою нѣжностью, просвѣтлявшею его чело: то былъ не судія, требующій отчета, а отецъ, радующійся успѣхамъ своихъ дѣтей. Если кому-либо изъ лицъ духовнаго званія въ его паствѣ суждено прежде-временно оставлять дѣтей въ сиротствѣ, то мысль о попечительномъ пастырѣ должна успокоивать его въ минуту кончины: отцы и матери не оставляютъ дѣтей своихъ круглыми сиротами, при существованіи подобнаго заведенія, которое охраняется неутомимою бдительностью архипастыря и его достойныхъ сподвижниковъ. Въ училищѣ находится теперь до 70 воспитанницъ; онѣ живутъ въ помѣстительномъ домѣ, пользуются прекраснымъ содержаніемъ и находятся подъ совершенно родительскимъ надзоромъ».

Какъ представитель исконнаго православія и церковной власти на отдаленной Русской окраинѣ, переполненной въ 1840 гг. раскольниками, сектантами, иновѣрцами, архіепископъ Гавріилъ знаменитъ своей широкой миссіонерской дѣятельностью. Одинъ сухой перечень того, что имъ достигнуто на этомъ поприщѣ, можетъ убѣдить, какая въ лицѣ его крупная несокрушимая сила заправляла церковными дѣлами юга.

Еще въ 1836 году, вслѣдствіе увѣщаній преосвященнаго Гавріила, обратились въ единовѣріе часовенные раскольники города Николаева, принявъ назначеннаго къ нимъ священ-

ника. Въ 1838 г. примѣру ихъ послѣдовали Херсонскіе безпоповцы, которыхъ убѣдили простыя, но кроткія и искреннія наставленія святителя. Въ 1841 году раскольники Бобринецкаго уѣзда, селенія Ровнаго, въ числѣ 3537 душъ обоего пола, обратились къ епархіальному начальству съ просьбой присоединить ихъ къ православію и дать имъ право имѣть при своемъ храмѣ священно-и церковно-служителей изъ среды ихъ общества; просьба ихъ была уважена. Въ 1845 году обратились раскольники города Новогеоргіевска и селенія Клинцовъ. Въ отчетѣ Оберъ-Прокурора Святѣйшаго Синода за этотъ годъ сказано: «преосвященный самъ отправлялся къ нимъ и наставленія его не оставались безплодными; по просьбѣ раскольниковъ, церкви ихъ преобразованы въ единовѣрческія церкви и получили священниковъ». Вскорѣ потомъ обращены были и раскольники селенія Калиновки. Въ 1846 году приняли единовѣріе раскольники Елисаветградскіе; затѣмъ жители селенія Краснаго-Яра. Часовня ихъ обращена въ церковь, прислань къ нимъ священникъ изъ Москвы и антиминсъ древняго освященія. Изъ духоборцевъ при преосвященномъ Гавріилѣ обращены жители села Терпѣніе въ 1844 году и къ церкви ихъ опредѣленъ священникъ съ двумя причетниками; около этого времени приняли православіе до 200 душъ молоканъ. Изъ греко-уніатовъ Херсонской епархіи, ранѣе общаго присоединенія уніатовъ имперіи, въ 1838 году присоединились жители селенія Снигуровки и Явкино, въ числѣ 945 душъ; преосвященный самъ ѣздилъ къ нимъ, убѣждалъ ихъ, почти училъ православію и наконецъ увидѣлъ результатъ своихъ трудовъ.

Интересна характеристика личныхъ миссіонерскихъ пріемовъ преосвященнаго Гавріила, которую находимъ въ его біографіи Серафимова и въ сочиненіяхъ А. С. Стурдзы. «Усердный дѣлатель винограда Божія, говоритъ первый, Святитель съ ревностью удобрялъ нивы сердецъ христіанскихъ посредствомъ сѣянія на нихъ животворя-

щаго сѣмени слова Божія; проповѣдывалъ въ мѣру силъ и способностей своихъ, проповѣдывалъ съ убѣжденіемъ, что не превосходство словеси назидаетъ души христіанскія, но явленіе Духа и силы; (1 Коре. 11, 1 — 5) и горе пастырю, если онъ не благовѣствуетъ подъ тѣмъ предлогомъ, что не обладаетъ блистательнымъ даромъ витійства. Съ раскольниками говорилъ совершенно просто, понятно и вмѣстѣ съ тѣмъ доказательно. Когда всѣ доводы и убѣжденія были безсильны, преосвященный, по заповѣди Апостола, прибѣгалъ къ умоленію: „Христа ради, братцы, образумьтесь, оставьте вашу гордость.... Если вы не желаете чужаго, изберите изъ своего общества, кого находите достойнымъ священства, я посвящу его.... Подумайте, возлюбленные, не упрямьтесь“.... Такія слова, высказанныя съ теплотою пастырской любви, производили желанное дѣйствіе на умы и сердца заблуждающихъ“. „Преосвященный Гавріилъ, по отзыву Стурдзы, неусыпное имѣлъ попеченіе о своей епархіи, готовя и строя будущее ея благоденствіе, —епархіи, гдѣ германецъ селится возлѣ ногайца, а греки и болгары перемѣшаны съ татарами, караимами и швейцарцами, и онъ является всяческимъ для всѣхъ, объемля всѣхъ и каждаго изъ жителей любовію истинно - пастырскою, обращаясь ко всѣмъ съ радушіемъ, чуждымъ всякаго предразсудка».

Наконецъ, какъ частность, но частность рѣдкую, характерную нельзя не отмѣтить въ широкой и разнообразной дѣятельности преосвященнаго Гавріила—его заботы о преступникахъ, изгояхъ общества.

„Утѣшаемся,—писалъ въ 1828 году одинъ изъ членовъ Орловскаго Тюремнаго комитета по поводу перевода епископа Гавріила въ Екатеринославъ,—утѣшаемся мыслію, что нашъ добродѣтельный архипастырь грядетъ въ ту землю, гдѣ почиваетъ прахъ благодѣтельнаго Говарда, что его преосвященство по примѣрному своему человѣколюбію и

тамъ въ новой настѣ своей будетъ столько же попечителенъ о несчастныхъ". Въ Одессѣ преосвященный Гавріилъ занималъ мѣсто вице-президента тюремнаго комитета съ 1839 по 1848 годъ. Въ 1846 году по слабости здоровья и въ виду множества занятій онъ пожелалъ сложить съ себя это званіе. Однако желаніе его не осуществилось; комитетъ убѣдительно просилъ владыку отмѣнить намѣреніе и на отношеніе его отвѣтилъ слѣдующимъ образомъ: „Дѣла комитета доказываютъ, и мы нижеподписавшіеся, вполнѣ убѣждены, что если Одесскій тюремный замокъ находится теперь въ отличнѣйшемъ порядкѣ; если арестанты имѣли и имѣютъ улучшенную пищу и не имѣли недостатка въ одеждѣ, обуви и постеляхъ; если больнымъ оказываемо было усерднѣйшее пособіе и леченіе, если церковь замка обновлена и имѣетъ красоту и благолѣпіе, если за поведеніемъ арестантовъ не прекращался строгій надзоръ и улучшивалась ихъ нравственность и наконецъ, если комитетъ при ограниченности суммъ отъ казны, поступившихъ на содержаніе заключенныхъ, составилъ довольно значительный экономическій капиталъ и дѣйствительно достигъ цѣли своего учрежденія: то всѣмъ этимъ добромъ обязаны мы неусыпнымъ, усерднымъ попеченіямъ и благоразумной распорядительности вице-президента своего—высокопреосвященнѣйшаго Гавріила. Не взирая на преклонныя лѣта свои и слабое здоровье, онъ еженедѣльно по нѣскольку разъ посѣщалъ тюремный замокъ, входилъ съ особеннымъ вниманіемъ въ нужды онаго, обозрѣвалъ камеры арестантовъ, выслушивалъ благосклонно просьбы ихъ, ходатайствовалъ о скорѣйшемъ разрѣшеніи участи узниковъ, и въ то же время не переставалъ усерднѣйше заботиться о пріисканіи для нихъ благотворителей; однимъ словомъ, христіанскіе неутомимые подвиги преосвященнаго Гавріила, въ продолженіе 7-милѣтняго постояннаго управленія дѣлами тюремнаго комитета неисчислимы и пріобрѣли ему

справедливое право на званіе благодѣтеля страждущаго человѣчества и совершенную благодарность и уваженіе сотрудниковъ его.... Комитетъ, съ прискорбіемъ принявши отзывъ преосвященнаго объ увольненіи его отъ должности вице-президента, не видитъ средствъ къ удовлетворенію онаго.... И чтобы не привести въ разстройство истинно-образцоваго учрежденія, здѣшній тюремный Комитетъ находитъ необходимостью: убѣдительнѣйше и покорнѣйше просить его высокопреосвященство отмѣнить свое намѣреніе оставить званіе вице-президента тюремнаго комитета и продолжать въ ономъ дальнѣйшее, столь достохвальное и полезное служеніе“....

Высочайшимъ указомъ 1-го марта 1848 года архіепископъ Гавріилъ переведенъ изъ Одессы въ Тверь на одну изъ старѣйшихъ каѳедръ Русской церкви, украшенную нетлѣнными мощами Святителей Арсенія и Варсонофія, благовѣрнаго князя — мученика Михаила и преподобнаго Нила, на каѳедру, видѣвшую у себя такихъ знаменитыхъ столповъ православія, какъ Ѳеофилактъ, Платонъ, Филаретъ и Григорій.

Судить о томъ, насколько это новое, высокое назначеніе было преосвященному по душѣ, конечно трудно; но, несомнѣнно, разстаться съ Одессой, гдѣ такъ много пришлось положить душевныхъ силъ, гдѣ за одиннадцать лѣтъ жизни все стало дорого и мило, гдѣ образовался кругъ вѣрныхъ, преданныхъ друзей, разстаться съ Одессой ему было тяжело.

«Горько мнѣ разлучаться съ вами, говорилъ онъ въ прощальной своей проповѣди, — тяжко оставить здѣшній благодатный край,... люблю Одессу и всѣхъ здѣсь обитающихъ, люблю въ немъ святые алтари, люблю святилища наукъ, общества и совѣщанія просвѣщенныхъ мужей: люблю знатныхъ и худородныхъ, сильныхъ и немощныхъ, богатыхъ и убогихъ.... Не предайте меня забвенію, о чемъ прося васъ со слезами, падаю на выю каждаго и лобызаю лобзаніемъ

свитымъ, которое и да будетъ неизгладимою печатью вѣчной моей къ вамъ любви и преданности».

2-го мая 1848 г. архіепископъ Гавріилъ оставилъ Одессу.

Предъ нашими глазами рядъ писемъ преосвященнаго изъ Твери къ горячо любившей его Одесской семьѣ Ля—выхъ. Попытаемся возстановить, на основаніи этихъ документальныхъ данныхъ его привлекательный нравственный образъ, его теплое отзывчивое сердце, которое усиленно начинало биться всякій разъ, когда приходили на умъ минувшіе годы жизни въ Одессѣ.

---

19 іюля 1848 г.

Милостивый благодѣтель Филиппъ Иларіоновичъ!

«Статью Вашу, въ газетахъ напечатанную, читалъ я и не могъ не прослезиться снова, плакалъ по Одессѣ почти во всю свою дорогу. Написанное Вами можно было-бы сочесть за политику: но какъ политика хвалитъ обыкновенно тѣхъ, отъ коихъ себѣ ожидаетъ чего-либо; а вы, мой другъ, отъ меня ожидать ничего не могли и не можете, то излитыя вами чувствованія ваши и чту за самыя искреннія. Чѣмъ-же и какъ возблагодарю? Возопію ко Господу, да долголѣтенъ будеши со всею доброю своею семьею».

«Не сбылось мое сердечное желаніе, видѣться съ извѣстнымъ мнѣ и тебѣ Владыкою. Цѣль сію предполагалъ себѣ единственнымъ утѣшеніемъ и отрадою: но по дорогѣ моей поелику вездѣ нашелъ я разсыпанные слухи, что ждутъ меня, ждутъ въ Твери, сюда и поворотилъ прямо, успѣвъ только побывать въ Москвѣ и Сергіевой Лаврѣ».

«Въ Лаврѣ видѣлъ множество старинѣйшихъ рукописей, о коихъ сообщилъ уже нѣкоторое понятіе Николаю Никифоровичу *). По Твери для археолога быть можетъ много также

*) Мурзакевичу.

занятія, къ которому однако я еще и пальца не придвинулъ, крайне утѣсненъ будучи епархіальными дѣлами съ присовокупленіемъ къ тому непрестаннаго почти священнослуженія. Уже если не болѣе тысячи, то не менѣе того перечиталъ бумагъ консисторскихъ. Судите, есть семинаристы, кои шатаются, конча курсъ еще въ 1839 году и когда мѣсто откроется, по пять и по шесть человѣкъ вдругъ просятся. Тѣмъ-же утруждаютъ и вдовы съ сиротами».

«Дабы видѣть Владыку, я думалъ тотчасъ отправиться на границу къ нему: но страшная, вездѣ свирѣпствующая холера и въ этомъ чинитъ мнѣ препону. Въ Твери не малое число погибло и особъ духовныхъ, не исключая каѳедральнаго Собора. Мой домъ бережетъ еще Господь. Вмѣсто чаемаго изобилія нашелъ я и здѣсь скудость. Не мудрено быть сей въ домѣ Херсонскомъ, ибо существованіе его простирается не далѣе десяти лѣтъ; а здѣшній домъ существуетъ цѣлыя столѣтія. Слышно однако-же, что преемникъ мой большое имѣетъ предубѣжденіе относительно меня; и если правда, вы, какъ безпристрастный свидѣтель, защитите меня, гдѣ можете».

«Прося Васъ одолжить меня рукописаніемъ своимъ, семь и пребуду Вашего высокородія

Препокорный слуга, почитатель и богомолецъ
Гавріилъ А. Тверской и Кашинскій».

---

17 Августа 1848 г.

Филиппъ Иларіоновичъ!

«Говорятъ: старый другъ лучше новаго. Въ тебѣ не сходится сія пословица съ правдой. Съ тобою познакомился я не такъ давно: но ты превзошелъ уже старыхъ друзей любовью ко мнѣ. И да благо ти будетъ!...

По сію минуту я здоровъ; и холера миновала, не только меня грѣшнаго, но и дому моего не коснулась. Успокоилось волненіе и въ городѣ.

Мурзакевичъ что-то ко мнѣ не пишетъ и не отвѣчаетъ. Если точно печатаются мои замѣчанія о церквахъ Херсонскихъ: то подобную вѣдомость я потщусь составить и о церквахъ теперешней моей паствы, въ коей много, много есть древняго.

Прося памятованія вашего, кое одно утѣшительно, есмь и буду покорнѣйшій Вашъ слуга

Г. А. Тверскій».

---

20 Февраля 1850 г.

Дражайшій Филиппъ Иларіоновичъ!

«Не получивъ отъ меня до сей минуты отвѣта на письмо свое, при которомъ прислана и книжка трудовъ почтенной вашей дочери, чего не могли вы думать о мнѣ? Но успокойся, мой другъ. Прилпѣ душа моя по тебѣ; и не отстану, пока дышу. Ибо и ты, какъ вижу, любишь меня постоянно, чего ради par pari et gaudent».

«Сколь пріятна, сколь полезна упомянутая книжица. Судъ мой былъ-бы малъ для нея. Свѣтъ оной да просвѣтится предъ цѣлымъ міромъ. Къ переводчицѣ и издательницѣ да будетъ милостивъ Богъ...., да ознаменуетъ, украсивъ главу ея вѣнцемъ отъ камней драгихъ».

. . . . . .

Преданнѣйшій Вамъ Гавріилъ А. Тверскій.

Генваря 6, 1855 г.

Любезный другъ Филиппъ Иларіоновичъ!

«Уже бьетъ 8 часовъ утра, а мракъ ночной не сходитъ съ нашего горизонта. Глаза тупы, свѣча имъ не помогаетъ и десная дрожитъ. Вотъ почему пишу къ Вашему Высокородію не своею рукою. Въ этомъ простить меня и да соизволено будетъ».

«Рука чужая, но чувство мое собственное. Оно не иное, какъ искренняя признательность, непринужденная, непритворная, и нелицемѣрная благодарность Вамъ за любовь ко мнѣ, столь постоянную, что ни мѣсто, ни время не охлаждаютъ оной. Дабы доказать Вамъ мою признательность чрезъ личное Васъ цѣлованіе, я пошелъ-бы пѣшкомъ въ Одессу: но судьба не стелетъ для меня никакой дороги туда. Да и Одесса не въ веселіи, будучи окружена непріятелями, отъ которыхъ чтобы Господь избавилъ насъ, да будетъ общая молитва утро и вечеръ. Не даромъ, не даромъ съ плачемъ взывалъ я: прощай Одесса, прощай Таврида, когда съ Херсонскою паствою разставался. Умъ мой, видно, не проразумѣвалъ тогда, но сердце предвѣщало.»

«Отрадно, по крайней мѣрѣ, мнѣ, что Николай Никифоровичъ собирается въ С.-Петербургъ и увѣренъ я до подлинности, что онъ меня посѣтитъ: тогда вся о всѣхъ».

Между тѣмъ есмь совершенно преданный Вамъ

Г. А. Т.

26 Іюля 1856 г.

Дражайшая о Христѣ Н. Ф.!

«Вы замѣчаете, что я рѣдко къ вамъ пишу и на письма не отвѣчаю. Достойно, достойно! но что мнѣ дѣлать? Старость и дряхлость постигли меня внезапно, такъ что и руки худо меня слушаютъ, чтобы писать. Одно главное помышленіе: Господи! пріими духъ. Впрочемъ да здравствуетъ надежда. Ею я питаюсь и оживляюсь. Если-бы я остался въ Одессѣ, можетъ-быть свѣжѣе былъ-бы отъ вліянія тамошняго климата и воды евксинской; а здѣсь климатъ суровъ. Зима была холодна, весна такая-же. Нынѣ, лѣтомъ проглянули дни жаркіе и скрылись. Зима опять уже грозитъ всѣмъ вообще, кольми паче мнѣ.

«Жалуете-ли Вы, ходите-ли въ Михайловско-архангельскій монастырь? Не помрачился-ли онъ, не отцвѣлъ-ли, скажите на просторѣ времени».

«Въ заключеніи всего сказаннаго, прошу Васъ какъ донынѣ, такъ и впредь не забывать меня; а я есмь и пребуду Вашъ преусердный почитатель и Богомолецъ»,

Гавріилъ А. Тверскій.

Это письмо въ имѣющейся у насъ коллекціи (всѣхъ писемъ 9) предпослѣднее. 17-го апрѣля 1858 года преосвященный Гавріилъ еще разъ извѣстилъ о себѣ Л—выхъ. «Радуюсь я», писалъ онъ, «что Вы, какъ вижу изъ письма, здоровы; а я грѣшный боленъ, все боленъ. Отъ того на многія изъ писемъ Вашихъ не отвѣчалъ, да и теперь пишу не иначе какъ самымъ краткимъ образомъ. Но простя другъ другу опущенія, воскликнемъ: Христосъ воскресе! Се посылая Вамъ, остаюсь навсегда преусердень».

А. Гавріилъ.

8-го сентября 1858 года его не стало. Преосвященный Гавріилъ скончался на 78 году жизни въ Тверскомъ Желтиковѣ монастырѣ, гдѣ жилъ на покоѣ. Въ тамошнемъ соборномъ храмѣ онъ и погребенъ. По выраженію очевидца — настоятеля монастыря архимандрита Платона, кончина его была тихая, какъ засыпанье младенца. Предъ смертью больной старецъ-владыка два раза пріобщился св. Христовыхъ Таинъ и соборовался. Угасавшій взглядъ его былъ обращенъ на св. иконы, а послѣднія слова—слова любви и заботливой дружбы касались другаго, давно уже тоже закатившагося, свѣтила русской церкви, Московскаго митрополита Филарета. Узнавъ предъ болѣзнью, что митрополитъ боленъ, умирающій архіепископъ спросилъ, какъ его здоровье. Когда отвѣтили, что чувствуетъ себя лучше, скончался, произнося: «слава Богу»!

Литтературные труды архіепископа Гавріила.

Историческая записка о Самарскомъ пустынно-Николаевскомъ монастырѣ. Изд. дважды: въ Одессѣ 1838 г. и въ Москвѣ въ 1854 г., въ полномъ собраніи сочиненій.

Устное повѣствованіе Никиты Леонтьевича Коржа. Изд. въ 1842 г. въ Одессѣ. Отрывки печатались въ Журналѣ министерства народнаго просвѣщенія 1838—1839 г.г.

Переселеніе грековъ изъ Крыма въ 1779 году въ Азовскую губернію. Записки Од. Общ. Исторіи и Древностей т. I, 1844 г.

Историческая записка о заложеніи въ Екатеринославѣ соборнаго храма и началѣ самаго города. Одесса 1846 г.

Хронологическое и историческое описаніе церквей Херсонской епархіи. Записки Од. Общ. Исторіи и Древностей т. II, 1848 г.

Очеркъ повѣствованія о Новороссійскомъ краѣ изъ оригинальныхъ источниковъ почерпнутый. Записки Од. Общ. Исторіи и Древностей т. III 1853 г. и т. V 1863 г.

Историческая записка объ Одесскомъ женскомъ Михаило-Архангельскомъ монастырѣ съ училищемъ для дѣвицъ духовнаго званія. Херсонск. Епарх. Вѣдом. 1877 г. № 16 и 17. стр. 444—465; 489—515.

Письмо о древностяхъ, найденныхъ въ гор. Мценскѣ (Орловской губерніи). Полное собраніе сочиненій, ч. II, Москва 1854 г.

О достопамятностяхъ Свѣнскаго монастыря. Записки Одес. Общ. Исторіи и Древностей, т. I, 1844 г.

Остатки христіанскихъ древностей въ Крыму, именно въ Ѳеодосійскомъ уѣздѣ. Полное собраніе сочиненій, ч. II. Москва 1854 г.

Сочиненія Гавріила, Архіепископа Тверскаго и Кашинскаго, т. 1—2. Москва 1854 г.

Слово о таинствѣ покаянія. Москва 1833 г.

Слова: въ день Рождества Христова, Обрѣзанія Господня, въ день памяти Преп. Димитрія Вологодскаго. Одесса 1841—1842 г.

Поучительныя слова, въ разное время преподанныя. Москва 1848 г.

Нѣкоторые отрывки моей біографіи. Херс. Епарх. Вѣдом. Прил. ч. IV, стр. 399—412, 1861 г.

Письма Преосвященнаго Гавріила. Херс. Епарх. Вѣдом. Прил. ч. I, 1860 г. стр. 473 и 1877 г. стр. 443.

Литература о преосвященномъ архіепископѣ Гавріилѣ. Некрологъ. Протоіерея Серафимова. Зап. Од. Общ. Исторіи и Древностей т. V, 1863 г., стр. 919—953.—Его-же: Воспоминанія о Преосвященномъ Гавріилѣ. Одесса 1859 г. — Его-же: Воспоминаніе о пастырскихъ путешествіяхъ Преосвящ. Гавріила, Архіепископа Екатеринославскаго, Херсонскаго и Таврическаго. Херс. Епарх. Вѣдом. 1861 г. Прил. ч. IV, стр. 336—346. — Мурзакевичъ: Епархіальные Архіереи Новороссійскаго края. Зап. Одес. Общ. Исторіи и Древн., т. IX, 1875 г., стр. 297—302. — Его-же: Матерьялы для исторіи Новороссійской іерархіи. Гавріилъ Розановъ. Херс. Епарх. Вѣдом. 1879 г. Прилож. стр. 547—558. — Труды Кіевской Духовной Академіи 1863 г., 3 кн., стр. 316—328. — Тверскіе іерархи, стр. 184—211. — Троицкая семинарія, стр. 523—524.

Архіепископъ Иннокентій Борисовъ.

22-го февраля 1848 г.—26-го мая 1857 года.

Высочайшимъ повелѣніемъ 22-го февраля 1848 года на Херсонскую епархію былъ переведенъ Харьковскій архіепископъ Иннокентій Борисовъ. Синодальный указъ о томъ-же послѣдовалъ 10-го марта. Оффиціальныя извѣстія о новомъ владыкѣ, полученныя въ Одессѣ, сообщали, что архіепископъ Иннокентій — сынъ священника г. Ельца Орловской губерніи, Алексѣя Борисовича, родился 15 декабря 1800 г., обучался въ Воронежской, потомъ Орловской семинаріи и въ Кіевской академіи, гдѣ въ 1823 г. окончилъ курсъ первымъ магистромъ, и 23-го сентября того-же года принялъ должность инспектора Петербургской семинаріи и (съ 15-го ноября) ректора Александро-Невскаго духовнаго училища; 10 декабря 1823 г. постриженъ въ монашество и рукоположенъ въ іеродіакона, а 29-го декабря въ іеромонаха; съ 16 октября 1824 г. онъ—соборный іеромонахъ, съ 13-го декабря того-же года баккалавръ Петербургской академіи, съ 2-го сентября 1825 года инспекторъ той-же академіи и съ 24-го сентября дѣйствительный членъ академической конференціи; съ 7 января 1826 г. онъ экстраординарный профессоръ и 16 марта того-же года возведенъ въ санъ архи-

мандрита; съ 9-го мая 1827 года членъ комитета духовной цензуры, съ 3-го сентября 1829 года докторъ богословія за богословскіе уроки и напечатанныя въ «Христіанскомъ Чтеніи» сочиненія: 1) жизнь св. священномученика Кипріана, епископа карѳагенскаго, 2) жизнь св. апостола Павла и 3) послѣдніе дни земной жизни Іисуса Христа. Съ 27-го августа 1830 г. ректоръ Кіевской академіи. Въ 1836 г., 21 ноября, хиротонисанъ въ С.-Петербургскомъ Казанскомъ соборѣ въ епископа Чигиринскаго, викарія Кіевской митрополіи, съ сохраненіемъ ректорской должности, которую сложилъ съ себя 10-го октября 1839 года; въ 1840 году перемѣщенъ въ Вологду и вскорѣ затѣмъ въ Харьковъ, гдѣ въ 1845 г. возведенъ въ санъ архіепископа; имѣлъ драгоцѣнный наперсный крестъ съ 1827 г., ордена: св. Анны 2 степ. (1829 г.), Владиміра 2 ст. (1835 г.), св. Анны 1 степ. (1839 г.) и съ 1841 года былъ ординарнымъ академикомъ академіи наукъ.

Въ 1848 году архіепископу Иннокентію было 48 лѣтъ. Переводъ въ Одессу засталъ его въ Петербургѣ, гдѣ онъ присутствовалъ, какъ членъ Святѣйшаго Синода. Новое назначеніе, по словамъ Боде, было принято Иннокентіемъ „не безъ радости“, но „не безъ горечи душевной онъ простился и съ Харьковской паствой, къ которой“, по собственнымъ его словамъ, „былъ привязанъ многими неразрывными узами вѣры и любви о Христѣ“.

Одесса ждала новаго архіепископа съ нетерпѣніемъ. Особенно волновался духовный міръ. Среди священниковъ и протоіереевъ было не мало, знавшихъ его по Кіевской духовной академіи. Вспоминались знаменитыя проповѣди Иннокентія въ Кіевскомъ братскомъ монастырѣ, слушать которыя сходился, — съѣзжался весь городъ. Разсказывали объ его великой учености, феноменальной памяти, простотѣ, обходительности, невзыскательности. Слѣдившіе за судьбой Иннокентія передавали, что его лекціи въ Петербургѣ отли-

чались смѣлостью мысли и своеобразнымъ отношеніемъ къ богословскимъ вопросамъ, такъ что находились лица, подозрѣвавшія Иннокентія въ неологизмѣ. Очевидцы съ увлеченіемъ сообщали, какъ онъ профессоромъ читалъ свои лекціи всегда наизусть, съ жаромъ, чистымъ звучнымъ голосомъ, общепонятно и въ то-же время изящно и увлекательно; какая огромная библіотека у него была; какъ онъ, уже архипастыремъ, вездѣ и въ Вологдѣ и въ Харьковѣ, старался высоко держать знамя православной вѣры и русской народности, возстановлялъ святыни, исправлялъ, улучшалъ, былъ добръ, не терпѣлъ дрязгъ и кляузъ... Въ семинарскомъ и лицейскомъ кружкахъ Одессы, въ кружкѣ А. С. Стурдзы, который съ Иннокентіемъ переписывался, Иннокентія называли «свѣтомъ, свѣтящимъ и согрѣвающимъ, зиждительнымъ духомъ, который, куда ни появлялся, во все вносилъ жизнь: приниженное поднималъ, разрушенное возстановлялъ, унывавшее ободрилъ и воодушевлялъ». Въ обществѣ ходили слухи, какъ Иннокентій всегда и вездѣ импонировалъ своимъ необыкновенно глубокимъ умомъ, пламенной душой, сердечной общительностью. Слышавшіе его находили, что никто не обладалъ такой замѣчательной способностью самыя отвлеченныя истины упростить, придать имъ осязательный образъ или форму, заставить слушателя сказать себѣ: какъ это просто и какъ я самъ не додумался до такихъ простыхъ вещей!—какой обладалъ Иннокентій. Военные утверждали, что онъ замѣчательный тактикъ; медики съ удивленіемъ отзывались объ его свѣденіяхъ по физіологіи и паталогіи, естествоиспытатели и физики объ его колоссальныхъ познаніяхъ въ математикѣ, астрономіи, географіи, статистикѣ, химіи и др. наукахъ.

«И вотъ, въ 1848 г. этотъ безспорно замѣчательнѣйшій изъ архипастырей россійскихъ», говоритъ одинъ очевидецъ прибытія Иннокентія въ Одессу, — «сдѣлался нашимъ. Свѣтило, котораго такъ долго и нетерпѣливо ждали,

взошло. Пріѣздъ Иннокентія послѣдовалъ предъ самымъ праздникомъ Троицы, въ полночь, съ пятницы на субботу. Въ субботу часовъ въ одиннадцать представлялось новому своему владыкѣ городское духовенство. Знавшіе его по Кіеву не нашли въ немъ тої свѣжести и крѣпости, которыми прежде свѣтлѣло лицо его. Лѣта, пастырскіе и кабинетные труды и еще недавнее пребываніе въ Петербургѣ, который, по собственнымъ словамъ его, всегда разрушительно дѣйствовалъ на его здоровье,—много измѣнили его... Всенощное бдѣніе того дня было первымъ служеніемъ его въ Одессѣ и первымъ вхожденіемъ въ каѳедральный соборъ. Бывши въ то время седмичнымъ, я предначиналъ всенощную и, по кажденіи церкви, сталъ, какъ было въ обычаѣ при прежнемъ владыкѣ, по лѣвую сторону престола. Движеніемъ руки преосвященный указалъ мнѣ мѣсто предъ престоломъ. Далѣе: на входѣ вечернемъ, который обыкновенно совершается однимъ священникомъ, онъ велѣлъ облачиться еще двумъ священникамъ,— и входъ совершенъ былъ соборнѣ. По его-же слову шестопсаліе читалъ ключарь собора; канонъ, кажется, архимандритъ. Припоминаю эти особенности перваго присутствія преосвященнаго Иннокентія въ Одесскомъ каѳедральномъ соборѣ потому, что ихъ не могли не замѣтить и предстоявшіе въ храмѣ, внимательно слѣдившіе за дѣйствіями новаго владыки. Въ самый день Троицы, къ встрѣчѣ преосвященнаго, по его приказанію, были приготовлены букеты цвѣтовъ. При встрѣчѣ у входа въ храмъ, подходя ко кресту, служащіе принимали изъ рукъ владыки цвѣты, и съ ними, равно какъ и самъ владыка, шли къ царскимъ дверямъ для совершенія входной молитвы. На малый входъ священно-служители также выходили съ цвѣтами въ рукахъ. Подобное сему наблюдалось потомъ и въ другихъ случаяхъ, напримѣръ, въ недѣлю Ваій. Во всемъ этомъ виденъ былъ Иннокентій, который не бывалъ безъ особенностей. Всегда въ дѣйствіяхъ онъ являлъ нѣчто новое и особенное».

Совершивъ въ Одесскомъ каѳедральномъ соборѣ въ день св. Пятидесятницы первое священнослуженіе, преосвященный Иннокентій тогда же произнесъ въ немъ и первое свое слово къ новой паствѣ. Жители Одессы толпами, говорятъ, стекались внимать и священнослуженію, и проповѣданію своего знаменитаго архипастыря.

Первыя недѣли правленія Херсонской епархіей архіепископъ употребилъ на ознакомленіе съ Одессой: осматривалъ соборъ и положилъ его обновить, произвелъ экзаменъ въ семинаріи, памятный тѣмъ, что мѣстомъ испытанія назначена была крестовая архіерейская церковь, познакомился съ семинарской корпораціей, при чемъ, обнаружилось, какой онъ радушный хозяинъ даже для подчиненныхъ, посѣтилъ церкви и монастыри, не разъ былъ въ женскомъ духовномъ училищѣ, и все это,—не прекращая своихъ разнообразныхъ ученыхъ занятій, не опуская изъ вида массы консисторскихъ дѣлъ, которыя къ тому-же за нѣсколько лѣтъ оказались запущенными. Въ іюлѣ онъ отправился по епархіи. Какъ ознакомился Иннокентій съ своею епархіею при обозрѣніи ея, мы узнаемъ изъ воспоминаній о немъ одного благочиннаго, которыя первоначально были напечатаны въ Херсонскихъ епархіальныхъ вѣдомостяхъ 1862 года. «Изучая и исправляя, при обозрѣніи епархіи, духовенство, — разсказывается въ этихъ воспоминаніяхъ, — онъ изучалъ вмѣстѣ и пользовалъ паству свою и мірскую. Какимъ именно образомъ? Если, напримѣръ, предполагалось имѣть служеніе въ какомъ либо городѣ, наканунѣ владыка, какъ бы изъ любопытства, задавалъ благочинному (а онъ долженъ былъ все знать) вопросы: каковъ этотъ городъ? Изъ какихъ онъ состоитъ сословій? Что вы знаете, напримѣръ, объ этомъ изъ нихъ? а о томъ и томъ? какими здѣсь занимаются ремеслами и промыслами? есть-ли у васъ и общественныя увеселенія — какъ они ведутся? и проч. и проч. Такимъ образомъ доходилъ до всего, какъ говорится, до подноготъ-

ной. Завтра является онъ предъ паствой съ пастырскимъ жезломъ и словомъ и, къ удивленію вашему и самой паствы, бесѣдуетъ съ нею, какъ съ давно и близко ему знакомою. Вотъ, между прочимъ, почему собранія поученій его, напримѣръ, къ паствѣ Вологодской и паствѣ Харьковской, такъ ясно выражаютъ въ себѣ физіономіи самыхъ этихъ паствъ». На что болѣе обращалъ вниманіе преосвященный Иннокентій при обозрѣніи епархіи? — На все, отъ мала до велика. Отъ внѣшняго тотчасъ заключалъ и о внутреннемъ. Входитъ, напримѣръ, въ церковь, окинулъ ее взоромъ, и говоритъ: «Церковь прекрасна, да хозяина въ ней не видно». Прежде всего требовалъ онъ въ храмѣ чистоты и вкуса въ размѣщеніи предметовъ. Если это было, то и бѣдность церкви не совсѣмъ огорчала его. Обыкновенно подробный осмотръ церкви онъ производилъ въ такое время, когда народъ своимъ присутствіемъ не могъ его стѣснять въ этомъ. Тутъ ничего не оставлялъ онъ безъ вниманія — ни стола, за которымъ продаются свѣчи, ни тарелокъ, ни кружекъ, съ которыми ходятъ по церкви, ни окошекъ, на которыхъ не терпѣлъ стеколъ запыленныхъ, тѣмъ болѣе — разбитыхъ или скверныхъ. Дѣлалъ замѣчанія, если хоругви были избитыя или и новыя, но стояли покосившись, если налои и столики были не у мѣста, если книги находилъ слишкомъ подержанныя и разбитыя, если иконы не имѣли должнаго благолѣпія отъ дурно наложенныхъ вѣнчиковъ и проч. и проч. Всего не исчислишь. Былъ онъ и противъ неблаголѣпныхъ серебренныхъ ризъ на иконахъ, или такихъ, за которыми лики святыхъ можно видѣть только въ одни отверстія, сдѣланныя для лицъ и рукъ; не жаловалъ онъ и парчи, каторая, будучи несравненно дороже шелковыхъ и бархатныхъ матерій, по грубости рисунковъ ея, не составляя никакой красы, бываетъ для священно-служителя лишь тягостію неудобоносимою, особенно въ лѣтнее время. Особенно строго ревизовалъ онъ алтарь и тѣ вещи церковныя,

которыя употребляются на домахъ при исправленіи такъ называемыхъ требъ, какъ-то: дароносицы, мурницы, купѣли и проч. Если случалось, что послѣ этой ревизіи, заслуживалъ кто выговора или штрафа, преосвященный зналъ этому мѣсто и время, именно: кому, гдѣ, что и какъ. Не знаю, чтобы онъ дѣлалъ гдѣ благочинному выговоръ при его подчиненныхъ. Всячески онъ щадилъ его, равно какъ и священника въ присутствіи его причта. Послѣ подобной ревизіи моей церкви въ 1850 году, при чемъ все обошлось благополучно, преосвященный велѣлъ мнѣ положить у престола три поклона, и затѣмъ возложилъ на меня пожалованную скуфью. Царскія врата были открыты; успѣли явиться тутъ и лица стороннія, замѣтивъ у церкви экипажъ преосвященнаго. Когда въ слѣдующій день представился я преосвященному въ Бахчисараѣ, то первое, о чемъ онъ спросилъ меня, было слѣдующее: «скажите, пожалуйста, не дѣлалъ-ли кто вчера какихъ вамъ вопросовъ»?—О чемъ, ваше преосвященство?—«Меня обезпокоила мысль, не подумалъ-ли кто, что я штрафовалъ васъ поклонами.» Отличая благочиннаго особымъ вниманіемъ въ глазахъ его подвѣдомыхъ, преосвященный Иннокентій давалъ ему значеніе и въ глазахъ властей свѣтскихъ. Такъ, если, во время обозрѣнія епархіи дѣлалъ онъ гдѣ честь своимъ посѣщеніемъ военачальникамъ и градоначальникамъ: то дѣлалъ это въ сопровожденіи мѣстнаго благочиннаго, имѣя его съ собою въ одномъ экипажѣ. Во время разговоровъ вводилъ непремѣнно и его въ бесѣду, какъ лице ему близкое и довѣренное. Въ одномъ мѣстѣ губернаторъ, желая, можетъ-быть, заявить преосвященному свое личное уваженіе къ сопровождавшему его протоіерею, сказалъ: «это духовникъ мой». Владыка въ отвѣтъ: «да, онъ—и мой духовникъ». Понимай генералъ, какъ хочешь, смыслъ словъ и безъ толкованія понятныхъ.

Въ Богослуженіи преосвященный Иннокентій строго требовалъ чтенія не спѣшнаго, разумнаго и притомъ гром-

каго. Тутъ онъ держался правила: non multa, sed multum. Шестопсалміе и каноны требовалъ, чтобъ читалъ священникъ, если два ихъ при церкви. Не одобрялъ такого соборнаго служенія, въ которомъ литургія совершалась двумя священниками. Но его—или три, или лучше одинъ. Устройству хороша́го пѣнія самъ содѣйствовалъ, гдѣ это было возможно, со всею охотою. Какъ-то въ письмѣ я высказалъ владыкѣ жалобу, что у меня причтъ безголосый, и въ трехъ сряду письмахъ онъ не забываетъ моей нужды въ этомъ. «О пѣніи твоемъ надобно посудить основательно. Нельзя-ли тебѣ побывать у насъ? Иначе жди, пока мы будемъ къ тебѣ.» Въ другомъ: «для пѣвческой вашей пришлемъ скоро людей. Держитесь трехголоснаго пѣнія, — это и просто, и хорошо». И еще въ третьемъ: «живописца тенора возьми себѣ; кажется, для сего нужна бумага, — пришли ее, и я утвержу».

Считалъ Иннокентій своей обязанностью иногда освѣдомляться и о тѣхъ, «иже не суть отъ двора его». Бывъ въ Севастополѣ въ 1853 г., преосвященный приказалъ мнѣ извѣстить кого слѣдуетъ, что онъ намѣренъ быть въ адмиралтейскомъ соборѣ, костелѣ католическомъ и киркѣ лютеранской. Извѣщеніе было сдѣлано наканунѣ, а въ воскресенье, послѣ литургіи въ Петро-Павловской церкви, онъ посѣтилъ со мною и соборъ военный, и костелъ. Въ киркѣ не были за отсутствіемъ изъ города пастора. Отъ католическаго священника мы узнали, что въ приходѣ его считалось до 7 тысячъ душъ. Свѣдѣніе это объяснилось тѣмъ, что тутъ числились всѣ нижніе чины—католики Черноморскаго флота, армейскихъ двухъ полковъ и другихъ военныхъ командъ, имѣвшихъ постоянное пребываніе въ Севастополѣ.»

Изъ поѣздки по епархіи преосвященный Иннокентій вернулся въ половинѣ сентября 1848 г.

Едва-ли хорошее, отрадное впечатлѣніе онъ вынесъ отъ своего путешествія. 27-го сентября Херсонская консисторія

получила отъ владыки такое предложеніе: «Вслѣдствіе обозрѣнія мною значительной части здѣшней епархіи и замѣчаній при семъ сдѣланныхъ, нахожу необходимымъ, чтобы консисторія циркулярно предписала всѣмъ духовнымъ правленіямъ и благочиннымъ слѣдующее:

1) Сдѣлать немедля вездѣ по церквамъ, вокругъ иконостаса и амвона, рѣшетки по силѣ Высочайшаго указа изъ святѣйшаго Синода 1841 г. и никого изъ народа къ стоянію за рѣшетками отнюдь де допускать, по силѣ того-же указа.

2) Купели для крещенія и водосвятныя чаши лудить чаще и содержать въ совершенной опрятности.

3) Лампадки вверху иконостаса съ желѣзными горбилями и веревками упразднить, по силѣ указа 1835 года, яко опасныя для внизу стоящихъ подъ ними.

4) Разбитыя стекла замѣнять новыми, цѣльными, а составленныхъ изъ кусковъ стеколъ въ церквахъ не имѣть, и по временамъ запыленныя промывать.

5) Завести ковчеги для храненія св. мура благопристойные, чистить ихъ, а ножницы освобождать отъ пыли и ржавчины.

6) Паутины въ церквахъ ни подъ какимъ видомъ не терпѣть.

7) Кадушки съ медомъ (изъ кануновъ) по церквамъ строжайше воспретить.

8) Утварь церковную по временамъ чистить, а бархать на Евангеліяхъ устарѣлый перемѣнять.

9) Святыя иконы, жертвуемыя въ церковь, благопристойно разставлять, а не нагромождать ихъ одну на другую, къ безобразію храмовъ.

10) Штофовъ и бутылокъ на жертвенникъ для вина церковнаго отнюдь не имѣть, а завести для сего другаго рода сосуды, не напоминающіе собою о пивныхъ.

11) Хоругви имѣть благопристойныя, а ветхія въ лоскутахъ и ненужныя прибрать.

12) Тарелки для сбора денегъ по церкви обтянуть сукномъ, дабы не происходило неумѣстнаго трезвона, и ходить съ ними не въ самыя важныя минуты совершенія таинства.

13) Вокругъ церквей стараться разводить приличныя деревья, не гоняясь за плодами, коихъ нельзя сберечь, а за тѣнью и благолѣпіемъ.

14) Причетникамъ ходить въ полукафтанахъ съ поясомъ и въ шляпахъ, а не въ картузахъ на бекрень, и не въ кургузыхъ казакинахъ.

15) Священникамъ имѣть, особенно молодыхъ, неопытныхъ причетниковъ подъ особеннымъ отеческимъ надзоромъ, въ надеждѣ благодарности отъ начальства за усовершеніе ихъ, равнымъ образомъ взысканія за противное.

16) Неопустительно совершать по церквамъ чтеніе краткихъ поученій при литургіи, изданныхъ святѣйшимъ Сунодомъ, четьи—минеи и пролога.

17) Исповѣдь въ посты производить съ надлежащимъ усердіемъ, благоговѣніемъ и разсудительностью духовною, памятуя, что это одно изъ самыхъ сильныхъ средствъ къ благотворному дѣйствію на нравственность народа и въ то же время къ снисканію духовнаго уваженія и любви отъ прихожанъ священнику.»

Гораздо опредѣленнѣе писалъ Иннокентій о первомъ своемъ впечатлѣніи въ Петербургѣ Сербиновичу: «Что сказать Вамъ о здѣшнемъ мѣстѣ? Если есть гдѣ и разстроенное, и неустроенное управленіе, то здѣсь. Училища — всѣ три — въ такомъ положеніи, что жалко смотрѣть. По сейже почтѣ я пишу о нихъ и молю о помощи. Надобно учреждать почти все снова. Тоже — съ тремя монастырями. Корсунскій очень наряденъ способами къ содержанію и даже постройками, но въ людяхъ совершенное оскудѣніе. Бизюковъ, съ 26000 десятинъ земли и прочими угодьями, едва имѣетъ до семи человѣкъ и тѣ — то слѣпы, то хромы. Стыдъ и жалость! Близъ самой Одессы — Успенскій въ та-

комъ положеніи, что въ прошедшую зиму вырубили шелковичный садъ свой на отопленіе келій. Въ добавокъ — тоже безлюдье. Посему первымъ долгомъ моимъ было отправить своего іеромонаха въ Харьковъ, Курскъ, Черниговъ и Кіевъ для приглашенія и набора братіи. Присовокупите къ этому женскій монастырь, до половины еще необдѣланный, а между тѣмъ переполненный людомъ всякаго рода; каѳедральный соборъ, требующій для окончанія построекъ большихъ суммъ; дѣла консисторіи, запущенныя за нѣсколько лѣтъ, особенно метрики; несносную пыль съ улицъ, несносный запахъ съ моря, — и вы будете имѣть понятіе о нашемъ положеніи». О семинаріи Иннокентій также писалъ своему другу, что она «требуетъ многихъ попеченій. Самое внѣшнее ея состояніе таково, что нельзя видѣть ее безъ сожалѣнія. Живутъ и тѣснятся въ половинѣ дома, а другая занята пшеницею, или праздна. Гдѣ учатся, тамъ и спятъ. Можете судить о порядкѣ». Самый домъ архіерейскій хотя занималъ и прекрасное мѣстоположеніе, — онъ находился не болѣе, какъ въ полуверстѣ отъ моря и заднимъ фасадомъ своимъ былъ обращенъ къ самому морю,—для жильца своего не представлялъ никакихъ удобствъ, да и не могъ представлять ихъ по своей ветхости. По крайней мѣрѣ, жалуясь на простуду въ письмѣ къ Макарію, Иннокентій писалъ: «эта простуда, господствующая во всей Одессѣ, тѣмъ неожиданнѣе, что у насъ доселѣ нѣтъ зимы, а уже пробиваются признаки весны. Главною виною—плохой домъ, который до того изветшалъ, что началъ падать и разваливаться. При необходимой починкѣ его, опять выйдетъ препятствіе года на два къ домашнему удобству и занятіямъ. Видно, такая доля наша!» — Неудобнымъ казался Иннокентію и самый ходъ епархіальнаго управленія, стѣсненный формальностями, сложностію канцелярскаго дѣлопроизводства. Вотъ что писалъ по этому поводу самъ Иннокентій своему петербургскому другу: «Какая разность

здѣшней епархіи отъ Харькова, Вологды, даже Кіева! Послѣднія три, даже въ сложности, едва равняются первой, такъ что, при всей привычкѣ къ дѣламъ, трудно успѣвать вести ихъ, какъ должно. Главною причиною таковой разности — множество отдѣльныхъ свѣтскихъ управленій, съ коими съ каждымъ нужно вѣдаться, какъ съ особою державою». Добавить къ этимъ словамъ для полной характеристики впечатлѣнія приходится немногое. Объѣзжая свою обширную епархію и, конечно, изучая жизнь населенія съ его интересами, современное положеніе православія и будущія для него здѣсь задачи, Иннокентій ясно видѣлъ, что Одесса — царство евреевъ, иностранцевъ и всякаго иноплеменнаго люда, что на это иноплеменное царство работаетъ, не разгибаясь, спина русскаго человѣка, полуодичалаго въ степяхъ, только по имени христіанина. Видѣлъ онъ цвѣтущія колоніи нѣмцевъ, съ церквами, школами, и рядомъ — землянки русскихъ людей, ведущихъ полуживотную жизнь, годами не бывающихъ въ церкви; видѣлъ, что югъ далеко не весь населенъ кореннымъ русскимъ народомъ, и гораздо больше разными пришельцами и инородцами, которые, хотя въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ и не превосходятъ русскихъ численностію, но господствуютъ надъ ними своими капиталами. Въ Крыму и въ значительной части Таврической губерніи Иннокентій нашелъ полутатарское царство; православныхъ церквей, можно сказать, было ничтожное число и притомъ самыхъ скудныхъ и по внѣшности, и по внутреннему устройству, и не только по селамъ, но и по городамъ; русскій народъ даже мало говорилъ по-русски; школъ народныхъ или церковно-приходскихъ едва-ли было двѣ—три. А съ другой стороны не могло не вызвать въ немъ самыхъ глубокихъ и самыхъ сердечныхъ думъ отдаленнѣйшее прошедшее Крыма. Онъ зналъ, что Крымъ есть самая древняя святыня Россіи, которую она непремѣнно должна возстановить для русскаго народа. Здѣсь были стопы первозван-

наго апостола Андрея; здѣсь пролилась за Христа и освятила будущую христіанскую Россію первая для нея мученическая кровь Климента, ученика апостола Петра и кровь другихъ мучениковъ изъ первыхъ вѣковъ христіанства; здѣсь проповѣдывали слово евангелія наши апостолы Кириллъ и Меѳодій; здѣсь купель равноапостольнаго князя Владиміра. Такимъ образомъ ничего удивительнаго, ничего страннаго если при подобномъ положеніи дѣлъ у пламеннаго Иннокентія, надѣленнаго широкимъ и свѣтлымъ умомъ, душой, отзывавшейся, по выраженію Погодина, «на всѣ вопіющіе вопросы отечества, сердцемъ, болѣвшимъ всѣми ранами родины», у Иннокентія уже послѣ перваго обозрѣнія епархіи стали назрѣвать разныя «затѣи», т. е. мысли о коренныхъ преобразованіяхъ, измѣненіяхъ, возобновленіяхъ, учрежденіяхъ, возстановленіяхъ въ Херсоно-Таврической епархіи. Эти «затѣи» коснулись прежде всего духовно-учебныхъ заведеній и монастырей. «Если-бы можно было какъ-нибудь ускорить постройкою нашей семинаріи, — писалъ онъ Сербиновичу, — то это было-бы большое благо не только для насъ, но и для Востока православнаго, ибо непрестанно является тамъ охота ѣхать учиться у насъ,—а какъ намъ соотвѣтствовать этому, когда самимъ жить негдѣ?» Съ цѣлью помочь епархіи въ надлежащей постановкѣ духовно-учебнаго дѣла, преосвященный Иннокентій въ первое время былъ весьма недалекъ даже и отъ того, чтобы измѣнить назначеніе нѣкоторыхъ монастырей. «До меня дошла вѣсть», пишетъ онъ тому-же Сербиновичу, «что начальникъ нашего Бизюкова монастыря, о. ректоръ Екатеринославской семинаріи, сдѣлался жертвою холеры. Примите, пожалуйста, трудъ доложить его сіятельству (т. е. оберъ-прокурору Святѣйшаго Сунода), чтобы повременили назначать новаго настоятеля къ намъ въ сей монастырь, ибо самый монастырь этотъ, можно сказать, при послѣднемъ издыханіи; такъ онъ обезплодѣлъ, оскудѣлъ благочиніемъ, разстроенъ по всѣмъ

частямъ. Совершенная необходимость поставить его впредь на другомъ основаніи, иначе онъ будетъ служить, какъ уже и служилъ, въ поношеніе духовной чести для всей окрестности. Между тѣмъ у насъ есть способы возстать изъ развалинъ и вещественныхъ, и нравственныхъ, ибо онъ владѣетъ, между прочимъ, 26-ю тысячами десятинъ земли. Первое условіе къ тому—особенный, наличный настоятель, чего онъ не имѣлъ почти съ самаго основанія своего. Въ Бизюковѣ-же мнѣ хочется основать или церковную школу для исключенныхъ учениковъ на приготовленіе ихъ въ причетники,—въ чемъ здѣсь крайній недостатокъ,—или даже перевести туда Елисаветградское училище, коему на своемъ теперешнемъ мѣстѣ недостаетъ дома для помѣщенія.» Въ началѣ 1849 года Иннокентій сообщаетъ А. С. Стурдзѣ: «Трудное житье наше было въ продолженіе прошедшихъ трехъ мѣсяцевъ. Надлежало отписываться и за Одессу, и за Петербургъ, такъ что лѣтняя льгота, намъ дарованная, возмѣщена на насъ десятерицею. Съ семинаріей и училищами положено: быть имъ внѣ Одессы въ Успенскомъ монастырѣ! Но точно-ли это удобное и лучшее помѣщеніе? Желалось-бы слышать ваше окончательное мнѣніе! Меня что-то, признаюсь, тревожитъ помыслъ объ обрывахъ морскаго берега. Для Одессы предположенъ викаріи, но гдѣ лучше помѣстить его — въ самой Одессѣ, въ Херсонѣ, или Крыму? Если въ Одессѣ, то гдѣ именно? Не въ домѣ-ли семинарскомъ? но онъ не скоро будетъ праздевъ. пока не возведутъ зданія для семинаріи въ монастырѣ».

Такимъ образомъ, первый годъ управленія Херсоно-Таврической епархіей былъ для преосвященнаго Иннокентія годомъ усиленныхъ хлопотъ по части благоустройства монастырей и основанныхъ его предшественникомъ учебныхъ заведеній. Если припомнить, что съ этого-же времени начались настойчивыя старанія объ устройствѣ Одесскаго Каѳедральнаго собора, объ увеличеніи числа церковныхъ тор-

жествъ, крестныхъ ходовъ, объ открытіи новыхъ храмовъ, объ учрежденіи викаріатства и т. д., то станетъ ясно, какъ постепенно расширялась дѣятельность архіепископа Иннокентія отъ центра его епархіи къ ея периферіи и почему именно его вниманіе въ 50-хъ годахъ сосредоточилось на этой периферіи — Крымѣ.

Осенью 1848 года преосвященный Иннокентій принужденъ былъ оставить свою епархію, снова отправиться въ Петербургъ для присутствованія въ Святѣйшемъ Синодѣ. Къ сожалѣнію, этотъ второй годъ пребыванія въ С.-Петербургѣ былъ для него крайне неблагопріятенъ: въ это время Иннокентій въ первый разъ занемогъ тяжкимъ недугомъ, который довелъ до положительнаго истощенія всѣ силы его организма. Вслѣдствіе этого, преосвященный Иннокентій, какъ только почувствовалъ нѣкоторое облегченіе тотъ-часъ началъ хлопотать о Высочайшемъ разрѣшеніи возвратиться въ свою епархію для поправленія здоровья. Весною 1849 года, получивъ отпускъ, Иннокентій снова прибылъ въ Одессу, гдѣ его ожидали съ нетерпѣніемъ. Теплый климатъ, путешествіе по прекраснымъ мѣстамъ обширной епархіи, морскія волны, душевное спокойствіе и тихія ученыя занятія нѣсколько его успокоили и исправили здоровье; тѣмъ не менѣе вполнѣ оно уже никогда не возстановлялось: съ этихъ поръ преосвященный Иннокентій сталъ часто подвергаться болѣзнямъ, особенно — простудѣ, и очень часто вообще жаловался и на словахъ и въ письмахъ къ знакомымъ на свои недуги. Но, слабый физически, онъ не переставалъ дѣйствовать съ прежнею энергіей. Осенью 1849 г. Иннокентій въ третій разъ долженъ былъ отправиться въ Петербургъ для присутствованія въ Святѣйшемъ Синодѣ. То-же самое случилось и въ слѣдующемъ 1850 году. Впрочемъ митрополитъ Московскій Филаретъ, видѣвшій его въ этомъ году, писалъ преосвященному Евсевію, ректору С.-Петербургской

духовной академіи, 19-го іюня 1850 года: «преосвященнаго Иннокентія видѣлъ я не какъ больнаго, но носящаго слѣды болѣзни. Мнѣ показалось, что его здоровье возстановилось до прежней силы.» Въ 1852 году преосвященный Иннокентій былъ вызванъ въ Петербургъ для присутствованія въ Свя-тѣйшемъ Сунодѣ въ послѣдній разъ.

Однако эти годы, большая часть которыхъ посвящена дѣятельности въ Сунодѣ, не прошли безслѣдно и для Херсонской епархіи. Палимпсестовъ въ «Воспоминаніяхъ объ Иннокентіи» сообщаетъ, какъ онъ по осени 1851 года обозрѣвалъ Таврическую часть своей епархіи, и, — что болѣе цѣнно, — возстановляетъ процессъ развитія Иннокентіемъ мысли объ основаніи въ Крыму «Русскаго Аѳона». Отъ 1850 г. сохранилась «записка преосвященнаго о возобновленіи древнихъ святыхъ мѣстъ по горамъ Крымскимъ». 15-го августа того-же года былъ торжественно открытъ Успенскій скитъ, находящійся въ Бахчисарайскомъ ущельѣ,—самое древнее христіанское святилище, въ которомъ до времени Иннокентія хранилась чудотворная икона Божіей Матери. Когда въ 1849 г. правительство учредило въ Новороссійскомъ краѣ римско-католическую епархію и въ Херсонѣ сталъ дѣйствовать къ соблазну православныхъ католическій епископъ Головинскій, преосвященный рѣшилъ хлопотать о назначеніи въ Херсонъ викарія. Въ 1851 году, благодаря его настоятельнымъ представленіямъ, Головинскому былъ данъ для пребыванія другой городъ; въ 1852 году «викаріатство», по собственному выраженію преосвященнаго, «идетъ, и, кажется, къ новому году будетъ въ Херсонѣ владыка»; наконецъ въ январѣ слѣдующаго года «дѣло это было кончено»..., «штатъ викаріатства утвержденъ и объ избраніи кандидата послѣдовало Высочайшее повелѣніе». «Прозваніе викарія *Одесскій*»,—писалъ 3-го марта архіепископъ Херсонскому протоіерею Перепелицыну. «По штату ему жалованья 2000 руб. сер. Нѣвчимъ 475 руб. До отведенія

угодій ежегодно 1500 руб. На обзаведеніе дома 7000 рублей единовременно. Видите, какъ все лучше нашего въ Одессѣ! Оттого-то и тянулось долго: надобно было усиливать и спорить».

Мы замѣтили выше, что дѣятельность преосвященнаго Иннокентія постепенно, но очень опредѣленно распространялась отъ Одессы къ периферіи его епархіи — Крыму и наконецъ въ 50 годахъ сосредоточилась главнымъ образомъ на послѣднемъ.

Чтобы вѣрно судить объ исходномъ пунктѣ такой перестановки центровъ дѣятельности, необходимо выйти изъ впечатлѣнія, которое неизгладимо оставалось въ Иннокентіѣ со времени первой его поѣздки по епархіи. Контрастъ между славнымъ прошлымъ и настоящей заброшенностью святынь Крыма, контрастъ между положеніемъ православныхъ и татаръ, которымъ (т. е. татарамъ) главная администрація юга оказывала всяческія поддержки, невольно приводили къ мысли, насколько великое дѣло взяться неотложно за возстановленіе Крымскихъ святынь и за постановку этого края, на строго православный путь для дальнѣйшаго, чисто русскаго его развитія. Въ распространеніи и укрѣпленіи православія, а съ нимъ и русской народности Иннокентій руководился, конечно, только одной любовью къ родинѣ, къ родному народу и царству. Какъ часто этотъ мотивъ высказывался имъ, можно судить по письмамъ къ Романовскому, Сербиновичу и по рѣчи, произнесенной 5-го сентября въ Алупкѣ въ присутствіи князя Воронцова. Вездѣ здѣсь усиленно проводится мысль, что „къ дѣлу основанія среди горъ Таврическихъ русскаго Аѳона влечетъ непреодолимое, внутреннее побужденіе.» По Палимпсестову уже въ 1851 году Иннокентій не разъ замѣчалъ, насколько важно было-бы открыть самостоятельную митрополію на крайнемъ югѣ Россіи. „Этого прямо требуютъ“,—говорилъ онъ—„древнѣйшія святыни края; требуетъ край, чтобы скорѣе походить на чисто русскую землю;

требуетъ сосѣдство юга съ славянскими племенами и даже съ Кавказомъ». «Мало одной митрополіи,—я открылъ-бы здѣсь духовную академію», прибавлялъ Иннокентій, «для которой и мѣсто есть хорошее—Георгіевскій монастырь; но какую академію? Академію миссіонеровъ. Подобное учрежденіе есть въ Римѣ и католичество раскинуло свои сѣти по всему лицу земли; а наша православная Россія ничего подобнаго не имѣетъ, а между тѣмъ поле для проповѣди Христа Распята—цѣлая и притомъ обширнѣйшая часть свѣта—Азія да и своихъ заблудшихъ овецъ много».

Надо знать, что мысли преосвященнаго Иннокентія, особенно мысль о возстановленіи крымскихъ церковно-историческихъ памятниковъ, въ 1850 году не были новостью для русскаго общества. Онѣ высказывались и ранѣе Иннокентія, только никому кромѣ его не суждено было явиться осуществителемъ этихъ мыслей. Особенно много говорили до Иннокентія о необходимости обновленія Херсонеса и о возстановленіи его церковно-историческихъ памятниковъ. Между прочимъ, въ Херсонесѣ долгое время можно было видѣть громадный каменный холмъ, складенный предъ развалинами древняго соборнаго храма и увѣнчанный высокимъ крестомъ. У подошвы храма, въ самыхъ развалинахъ, ясно замѣтны были стѣны святилища и, мѣсто алтаря, ознаменованное крестомъ. Здѣсь нѣкогда совершено было крещеніе великаго князя Владиміра Святаго. Посреди храма указывали на одно углубленіе, какъ на мѣсто, гдѣ спала чешуя съ очей новопросвѣщеннаго. На этихъ самыхъ развалинахъ еще до Иннокентія предполагали соорудить церковь въ византійскомъ стилѣ такого-же размѣра, каковъ былъ древній храмъ. Планъ этого храма былъ утвержденъ; мало того, назначенъ былъ даже крестный ходъ чтобы торжественно заложить первый камень; нѣсколько десятилѣтій производили по всей Россіи усиленный сборъ на сооруженіе въ Херсонесѣ храма; вдругъ, совершенно не-

ожиданно въ 1847 году всѣ эти собранныя деньги получили иное назначеніе и мѣсто древняго Херсонеса, гдѣ положено начало нашего духовнаго просвѣщенія, было предназначено для чумнаго госпиталя.

Иначе поведено было дѣло возстановленія церковно-историческихъ памятниковъ Крымскаго полуострова, когда каѳедру Херсонскаго архіепископа занялъ преосвященный Иннокентій. Вмѣсто словъ и проэктовъ приступлено непосредственно къ самому дѣлу. Заботясь вездѣ о сохраненіи и обновленіи Крымскихъ, церковно-историческихъ, древнихъ памятниковъ, преосвященный не могъ оставить безъ вниманія и развалинъ Херсонеса. Съ цѣлью ихъ возобновленія, или по крайней мѣрѣ охраненія, онъ поспѣшилъ испросить себѣ у намѣстника Кавказскаго эти развалины и устроить тамъ, посреди пустыни, вблизи остатковъ бывшаго соборнаго храма, въ которомъ былъ крещенъ князь Владиміръ, небольшую церковь съ небольшимъ помѣщеніемъ для иноковъ. Въ числѣ этихъ иноковъ, между прочимъ, былъ помѣщенъ преосвященнымъ Иннокентіемъ одинъ достойный и ревностный подвижникъ, благороднаго происхожденія, изъ Донскихъ казаковъ, который, отслуживъ съ честью службу царю и отечеству въ званіи эсаула,—подъ конецъ своей жизни рѣшился посвятить себя на служеніе Богу. На пути въ Іерусалимъ, гдѣ онъ хотѣлъ было остаться навсегда, чтобы дожить свой вѣкъ у подножія священной Голгоѳы, онъ былъ удержанъ преосвященнымъ Иннокентіемъ и, по его убѣжденію, рѣшилъ остаться въ Крыму и заняться надлежащимъ устройствомъ возобновленнаго святилища въ Херсонесѣ.

Преосвященный Иннокентій не могъ также не обратить вниманія и на развалины Инкермана съ греческою башнею и остатками укрѣпленія на верху горы. Въ отдаленныя времена это было самостоятельное греческое владѣніе, принадлежавшее вроду Комниныхъ. Здѣсь-же находилась и каѳедра

Готскаго митрополита. Дни славы Херсонеса были днями процвѣтанія и Инкермана. Внутри скалы была изсѣчена небольшая церковь; но до Иннокентія церковь эта находилась въ совершенномъ запустѣніи. Въ ней жили, говорятъ, только цыгане, загонявшіе сюда во время жаровъ свой скотъ. Благодаря ревности и усердію преосвященнаго Иннокентія и она обновлена. Архіепископъ испросилъ для нея небольшой участокъ земли подъ огородъ на берегу Черной рѣки и устроилъ въ этой скалѣ небольшой скитъ для одного отшельника. Обновивъ древній храмъ въ Инкерманской скалѣ, преосвященный Иннокентій освятилъ его въ память двухъ римскихъ священномучениковъ, свв. папъ Климента и Мартина, пострадавшихъ въ Херсонесѣ, куда они были заточены въ I и VIII вѣкѣ по Р. Х.

Разузнавъ, что на рѣкѣ Качѣ, недалеко отъ Бахчисарая, въ такомъ же ущельи, въ какомъ находился и скитъ Успенскій, на источникахъ рѣки Альмы у подошвы Чатырдага, существовали нѣкогда при цѣлебныхъ источникахъ церкви св. Анастасіи и св. Безсребренниковъ, преосвященный Иннокентій счелъ необходимымъ посѣтить эту живописную мѣстность, а впослѣдствіи обновилъ и тамъ разрушенную святыню.

Не мало стараній и заботъ посвятилъ Иннокентій сооруженію и украшенію храма въ честь св. Владиміра и въ г. Севастополѣ. Ему хотѣлось украсить этотъ храмъ такимъ образомъ, чтобы въ самомъ украшеніи его можно было видѣть то церковно-историческое значеніе, которое принадлежитъ самой мѣстности и совершившимся на ней событіямъ. На устроеніе этого храма, между прочимъ, была употреблена половина той суммы, которая была собираема по всей Россіи на возобновленіе его еще до поступленія преосвященнаго Иннокентія на Херсонскую каѳедру. По поводу устроенія и украшенія этого храма Иннокентій писалъ Макарію 12 января 1850 года: «Въ церковь Владимірскую,

что устрояется въ Севастополѣ въ память св. Владиміра отъ лица всей Россіи, нуженъ иконостасъ съ образами святыхъ тамошняго края и тогдашнихъ давнихъ временъ; мы набрали ихъ по возможности, но просимъ посмотрѣть, не придетъ-ли вамъ еще чего на мысль? Равнымъ образомъ, —не покажется ли нужнымъ другая разстановка? Особенно, — какого-бы лучше апостола помѣстить въ параллель съ Андреемъ Первозваннымъ? Не посѣщалъ-ли—по преданію—кто другой изъ апостоловъ, кромѣ его, нашего Крыма или хоть Тамани? Намъ хотѣлось выразить во всемъ иконостасѣ одну мысль совокупленіемъ въ одинъ соборъ тѣхъ лицъ, кои потрудились надъ основаніемъ у насъ христіанства и были провозвѣстниками его въ Крыму, гдѣ будетъ новая церковь!... Вмѣсто другаго апостола, въ параллель съ апостоломъ Андреемъ, мы думали было поставить царя Константина, но онъ чужой—не нашъ, да и не апостолъ».

Далѣе, преосвященный Иннокентій обратилъ свое вниміе и на замѣчательную по своей древности церковь св. Іоанна Предтечи въ генуэзской крѣпости на скалахъ Судакской долины. Въ одной изъ часовень этой крѣпости въ цѣлости хранились даже на стѣнахъ фрески, изображавшія Спасителя и двѣнадцать апостоловъ. До поступленія Иннокентія на Херсонскую каѳедру эта часовня служила однакоже только хлѣвомъ для скота нѣмецкихъ колонистовъ, которыхъ низенькіе бѣлые домики тутъ-же были какъ-бы прилѣплены къ развалинамъ Солдайскихъ башень.

У подошвы Чатырдага есть источникъ, называемый Козмодемьянскимъ. Въ этомъ источникѣ купались какъ христіане, такъ и татары, въ особенности здѣсь татарки имѣли обыкновеніе купать своихъ дѣтей и получали пользу. Иннокентій не оставилъ безъ вниманія и этого крымскаго уголка: благодаря именно его стараніямъ тамъ стало совершаться православное богослуженіе.

Трудно гадать, успѣлъ-ли бы преосвященный Иннокентій въ ближайшемъ будущемъ осуществить свою завѣтную мысль объ устройствѣ самостоятельной митрополіи въ Крыму и академіи съ миссіонерскими цѣлями. Оффиціальныя данныя 1852 года подтверждаютъ, что подобные проэкты у него все еще были, но наряду съ идеалами выступаютъ и мучительныя сомнѣнія. Въ письмѣ великому князю Константину Николаевичу отъ 20-го іюня 1852 года, Иннокентій откровенно указываетъ на то прискорбное, угнетенное и невыгодное положеніе, въ какомъ тогда находилось крымское православіе сравнительно съ магометанствомъ и еврействомъ, не говоря объ инославныхъ исповѣданіяхъ. «Перомъ моимъ и сердцемъ, — пишетъ онъ, — водитъ одна искренняя любовь къ престолу и отечеству, для коихъ вѣра православная была и есть краеугольнымъ камнемъ силы и величія, котораго не могутъ затмить никакіе искусственные контрафорсы самой оборотливой политики». Но лично для него эта «оборотливая политика» мѣстной администраціи съ ея контрафорсами очевидно была тормазомъ и неустранимымъ при осуществленіи широкихъ предначертаній. Съ другой стороны многое пріостановила Крымская война,— пріостановила, но не уничтожила, какъ и не охладила его архипастырской ревности. «Кто не знаетъ,—говоритъ авторъ «біографической записки о преосвященномъ Иннокентіи»,— «какъ достойно умѣлъ проявить себя незабвенный архипастырь въ эту грозную, кровавую эпоху? Его геройское, истинно-христіанское мужество и присутствіе духа во время обложенія и бомбардированія Одессы непріятельскимъ флотомъ, его торжественныя службы и вдохновенныя рѣчи къ жителямъ Одессы въ эти страшные дни; его рѣчи и напутственныя молебствія воинамъ, отправлявшимся въ Севастополь, сестрамъ Крестовоздвиженской общины, рѣчи при освященіи въ Одессѣ баттареи и во многихъ другихъ подобныхъ случаяхъ; его путешествія въ Крымъ, гдѣ ста-

рался онъ словомъ вѣры и упованія успокоивать и подкрѣплять злосчастныхъ обитателей страны; его священнослуженія и рѣчи въ самомъ Севастополѣ посреди громовъ войны,—все это озарило имя Иннокентія новою блистательною славою,—славою высокаго патріота и великаго пастыря Церкви, исполненнаго самоотверженія и любви, готоваго положить за свою паству или вмѣстѣ съ нею собственную душу».

Въ 1853 году былъ объявленъ манифестъ о войнѣ съ Турціею. Въ самомъ началѣ военныхъ дѣйствій Иннокентій объѣхалъ весь Крымъ и представилъ оберъ-прокурору Святѣйшаго Сунода графу Протасову «дневникъ» этой «любопытной и опасной», какъ выражается Протасовъ въ своемъ письмѣ къ нему, поѣздки.

8-го апрѣля 1854 года. Одессу обложилъ непріятельскій флотъ. Это было на страстной недѣлѣ, въ Великій четвергъ. Преосвященный Иннокентій совершалъ литургію въ Одесскомъ каѳедральномъ соборѣ. Молившійся народъ находился въ невольномъ смущеніи въ виду угрожающей опасности. Преосвященный Иннокентій вышелъ къ слушателямъ съ словомъ евангельскаго утѣшенія: «да не смущается сердце ваше: вѣруйте въ Бога и въ Мя вѣруйте. Дерзайте, яко Азъ побѣдихъ міръ!» На другой день (9-го апрѣля 1854 г.), въ Великій пятокъ, англо-французскій флотъ тѣснѣе обложилъ берегъ и усилилъ себя новыми орудіями. Преосвященный Иннокентій не перестаетъ утѣшать одесскихъ гражданъ своимъ теплымъ словомъ. Въ словѣ предъ плащаницею, указавъ слушателямъ, что «враги наши ратуютъ на насъ не за что другое, какъ за то, что мы просили свободы вѣры и совѣсти для собратій нашихъ по вѣрѣ, живущихъ подъ игомъ магометанскимъ»,—онъ говоритъ: «А враги наши что могутъ сказать предъ сею плащаницею въ оправданіе своего нечестиваго союза противу насъ съ поклон-

никами Магомета? — Что для спокойствія и благоденствія нашей части свѣта необходимо существованіе среди ея во всей силѣ прелести Магометовой?... Что взаимное отношеніе странъ и народовъ христіанскихъ поколеблется и превратится, если во градѣ Константина Великаго не будетъ ежедневно провозглашаемо на всѣхъ стогнахъ: нѣтъ Бога, кромѣ Бога Магометова?... Подобное сему дѣйствительно не стыдятся утверждать враги наши: но что значитъ это? Увы, сладчайшій Іисусе! Для благоденствія обществъ человѣческихъ мало Твоего креста и Евангелія: для сего, въ помощь Тебѣ, потребенъ еще Магометъ съ его алкораномъ!...»

10-го апрѣля, въ Великую субботу, флотъ началъ правильную бомбардировку Одессы. «Въ 6 часовъ утра,—разсказываетъ свидѣтель-очевидецъ,—раздался со стороны непріятельскаго флота первый пушечный выстрѣлъ, за нимъ — второй, третій, четвертый... и, въ нѣсколько минутъ, воздухъ огласился страшнымъ громомъ кровавой брани: дрогнула земля, поколебались стѣны домовъ и солнце скрылось въ тучахъ пороховаго дыма... Три часа дня... Частые удары соборнаго колокола какъ-бы вторили неумолкаемому треску и гулу разрушительныхъ, смертоносныхъ выстрѣловъ... Среди величественнаго Одесскаго каѳедральнаго собора возвышается изящной работы балдахинъ, драпированный чернымъ бархатомъ, а подъ нимъ, на мраморномъ ложѣ, лежитъ святая плащаница. Видны группы колѣнопреклоненнаго народа, усердно молящагося и благоговѣйно лобызающаго язвы лежащаго во гробѣ Жизнодавца. Архипастырь съ обычною церковною торжественностью совершаетъ Божественную литургію; горячая молитва предстоящихъ, тихіе вздохи и слезы обнаруживаютъ крѣпкое желаніе всѣхъ найти утѣшеніе въ надеждѣ на помощь Божію. Богослуженіе близилось къ концу; пѣли причастный стихъ.... Вдругъ моментально раздался страшный оглушительный взрывъ (пороховаго ящика на Щеголевской баттареѣ)...., крѣп-

кія стѣны соборнаго храма поколебались; стекла задребезжали.... молитвенныя пѣснопѣнія умолкли и народъ, пораженный паническимъ страхомъ, опустился на церковный полъ... Всѣмъ представилось, что массивный куполъ собора отъ сотрясенія рушится. Послышались рыданія и вопли,—словомъ, была картина, способная потрясти душу каждаго, и кто видѣлъ ее разъ, тому не забыть ее во всю жизнь!... И въ эти-то минуты едва-ли не одинъ архипастырь сохранилъ полное присутствіе духа!... Царскія врата немедленно растворились... Терпѣливо выждавъ, пока испуганный народъ ободрился и пришелъ въ себя, владыка вышелъ изъ алтаря, взялъ пастырскій жезлъ и, съ свойственнымъ ему краснорѣчіемъ, началъ бесѣду: «Вы устрашились сего браннаго звука, произведеннаго вражескою рукой, и, стоя на молитвѣ въ этомъ святилищѣ, не устыдились пасть на землю по маловѣрію... Но какой страхъ и ужасъ обыметъ грѣшную душу, когда возгремитъ архангельскій гласъ трубы, чтобы призвать насъ на всеобщій судъ!» и проч. Бесѣда длилась не менѣе получаса. О событіяхъ этого дня самъ Иннокентій писалъ Гавріилу, архіепископу Рязанскому, 27-го августа слѣдующее: «Сраженіе было прямо противъ моего дома, находящагося на береговой морской возвышенности, такъ что ни откуда такъ хорошо нельзя было наблюсти весь ходъ сраженія отъ начала до конца, какъ изъ моихъ оконъ. До 4 часовъ вечера можно было быть спокойными зрителями этого страшно-величественнаго зрѣлища. Съ сего времени уже до 7 часовъ весь адъ франко-англійскій былъ обращенъ на насъ; но мой домъ, находясь первый подъ выстрѣлами, по тому самому менѣе другихъ подлежалъ опасности, ибо ядра и бомбы перелетали его, пускаемыя подъ навѣсъ. Впрочемъ мы набрали этихъ гостинцевъ порядочный уголъ въ комнатѣ. Одно только ядро изрядно попугало всю мою челядь, сидѣвшую въ погребѣ. Ударивъ въ уголъ церкви и оцарапавъ его, оно отскочило въ этотъ

погребъ, растворило собою дверь и скатилось по лѣстницѣ въ среду сидѣвшихъ тамъ со свѣчей. Можете представить ихъ положеніе! Всѣ ожидали ихъ взрыва и смерти; но ядро спокойно лежало посреди и скоро увидѣли, что оно уже безвредно. Но минута страха была ужасна; меня такъ заняла необыкновенность этой сцены морской, что я весь день, исключая времени, проведеннаго въ церкви на служеніи, не отходилъ отъ оконъ и смотрѣлъ на дѣйствіе флота. Страха не было вовсе: какъ-то такъ Богъ далъ».

11-го апрѣля непріятель прекратилъ огонь, а 14-го въ среду на Святой и совсѣмъ оставилъ Одессу, направивъ всѣ свои силы къ Севастополю. Тѣмъ не менѣе преосвященный Иннокентій не переставалъ ободрять жителей Одессы своими проповѣдями. Такъ онъ произнесъ слово 11-го апрѣля въ день Пасхи на литургіи въ Одесскомъ каѳедральномъ соборѣ по поводу прекращенія бомбардировки Одессы; на вечерѣ въ тотъ-же день онъ снова коснулся этого-же самаго событія. 14-го апрѣля было совершено благодарственное молебствіе въ Одесскомъ соборѣ и также произнесено слово, приличное радостному событію; 18-го апрѣля такое-же молебствіе было отправлено на площади. 2-го мая въ Одесскомъ каѳедральномъ соборѣ преосвященный Иннокентій снова совершалъ служеніе по случаю взятія въ плѣнъ и сожженія ставшаго на мель англійскаго парохода—фрегата «Тигръ» и снова произнесъ одушевленное слово. 9-го мая въ томъ-же самомъ Одесскомъ храмѣ Иннокентій опять совершаетъ благодарственное молебствіе по случаю пожалованія Всемилостивѣйшей граматы г. Одессѣ за сохраненіе спокойствія, порядка и благочинія во время бомбардированія ея флотомъ непріятельскимъ и снова присовокупляетъ къ молебствію свое пастырское слово. 31-го мая онъ освящаетъ вновь устроенныя въ защиту Одессы прибрежныя баттареи и на Шеголевской баттареѣ еще разъ произноситъ прекрасную рѣчь.

Предвидя появленіе непріятельскаго флота для бомбардированія Одессы, Иннокентій заблаговременно началъ готовиться ко встрѣчѣ непрошенныхъ гостей, какъ онъ называлъ враговъ. Такъ 4-го апрѣля онъ призвалъ къ себѣ благочиннаго Одесскихъ церквей и сдѣлалъ распоряженіе: «сегодня-же распорядитесь, чтобы завтра, 5-го апрѣля, въ семь часовъ вечера, собралось ко мнѣ градское духовенство. Въ виду тревожныхъ грядущихъ дней, мнѣ необходимо побѣсѣдовать и дать нѣкоторыя наставленія». — А въ своемъ словѣ въ Великую субботу, обращаясь къ священнослужителямъ, онъ говорилъ имъ: «А вы, возлюбленные сослужители наши, столь бодрственно досель стоявшіе съ нами на духовной стражѣ у креста Христова, удвойте и утройте усердіе и попеченія ваши, дабы къ наступающей священно-таинственной ночи все было уготовано по чину церковному, да не речетъ врагъ града нашего: укрѣпихся на него» (Псал. 12, 5). Не безъ пользы могли-бы быть приняты во вниманіе совѣты Иннокентія, относившіеся даже къ самому военному дѣлу. Вотъ что, между прочимъ, разсказывалъ Иннокентій одному полковому священнику 4-го апрѣля. «Надняхъ былъ у меня командующій Одесскими войсками, генералъ-адъютантъ баронъ Остенъ-Сакенъ. Трактовали о мѣрахъ и средствахъ защиты города на случай блокады или высадки непріятеля.... Между прочимъ, я ему указывалъ на необходимость сооруженія нѣсколькихъ баттарей около одного изъ предмѣстій города, извѣстнаго подъ именемъ «Пересыпь», какъ прилегающаго къ взморью очень близко. Баронъ находилъ это излишнимъ, мотивируя свое соображеніе тѣмъ, что у названнаго предмѣстья уровень моря на цѣлыхъ пять верстъ не превышаетъ четырехъ футовъ, слѣдовательно тотъ районъ отъ дѣйствій непріятельскихъ выстрѣловъ совершенно гарантированъ. Но я ему замѣтилъ, что при эскадрѣ могутъ существовать плоскодонные пароходы, для которыхъ указанный уровень воды не послужитъ

препятствіемъ подойти къ берегу моря на самое близкое разстояніе. Тѣмъ не менѣе, кажется, меня не послушали.... По крайней мѣрѣ, слышу, объ устройствѣ баттарей и не думаютъ!» По словамъ свидѣтеля — очевидца, послѣдствія показали, что предположеніе преосвященнаго Иннокентія было вполнѣ основательно. Плоскодонные пароходы безпрепятственно заняли у «Пересыпи» настолько близкую позицію, что она въ буквальномъ смыслѣ была засыпана огнестрѣльными снарядами....

Дѣятельность преосвященнаго Иннокентія въ Крымскую войну не ограничивалась одною Одессою. Обстоятельства времени заставили его, вскорѣ послѣ неудачнаго бомбардированія Одессы англо-французскимъ флотомъ, обратить особенное вниманіе на Крымскій полуостровъ. Когда врагу былъ открытъ путь къ Симферополю; когда даже Перекопъ не могъ считаться безопаснымъ убѣжищемъ для охваченнаго паническимъ страхомъ русскаго населенія; когда измѣна крымскихъ татаръ стала дѣйствительностью и большинство жителей Севастополя и Симферополя бѣжало, а среди оставшагося ходили самые ужасные слухи о положеніи дѣлъ, преосвященный Иннокентій совершенно неожиданно, одинъ, безъ свиты, безъ зова, явился 13-го сентября въ Симферополь, на другой день совершилъ въ Симферопольскомъ Александро-Невскомъ соборѣ покаянное молебствіе и произнесъ слово, начинавшееся текстомъ: «миръ вамъ!» (Лук. 24, 36). Въ этомъ словѣ онъ коснулся измѣннического поведенія крымскихъ татаръ, обличалъ легковѣріе и малодушіе русскихъ и утѣшалъ послѣднихъ указаніемъ на болѣе благопріятный для нихъ поворотъ обстоятельствъ и всемогущее заступничество Божіе. Рѣчь архипастыря была такъ сильна, что всѣ присутствовавшіе въ храмѣ отъ стыда краснѣли и плакали. На другой день въ томъ-же соборѣ преосвященный

произнесъ новое слово ободренія, успокоенія. «Не опечалилъ-ли я васъ вчера чѣмъ-либо, возлюбленные?» —началъ онъ свою проповѣдь. «По той-же любви къ вамъ о Христѣ и по той-же ревности по васъ можно было, пожалуй, сказать что либо и слишкомъ горькое... Но вы поймете, надѣюсь, и уразумѣете, какъ должно, причину и цѣль всего сказаннаго, и не будете огорчаться нашимъ словомъ, памятуя слово Священнаго Писанія, что достовѣрнѣе язвы друга, нежели льстивыя лобзанія врага». (Притч. Солом., 27, 6). Изъ Симферополя Иннокентій намѣревался направиться въ Севастополь. Но князь Меньшиковъ успѣлъ отговорить его. Тѣмъ не менѣе Иннокентій не отказался совсѣмъ отъ своего намѣренія и прибылъ въ Севастополь въ болѣе тяжкую для него пору. «Посѣщеніе имъ окровавленнаго и опаленнаго Севастополя, — говоритъ одинъ очевидецъ — останется памятнымъ для меня навсегда. Я встрѣтилъ его въ Куриной балкѣ; я шелъ къ раненымъ въ 4 №. Мнѣ указали, что въ каретѣ, которая стоитъ, пріѣхалъ архіерей; я подошелъ и увидалъ въ ней Иннокентія. Не видавши его почти пять лѣтъ, я нашелъ его очень постарѣлымъ. Я подошелъ къ нему во-время: лицъ, которыя должны были его встрѣтить и принять, по крайней мѣрѣ позаботиться о ночлегѣ, тутъ не случилось, и, конечно, онъ былъ доволенъ моими услугами, хотя я для него былъ совершенно постороннимъ лицомъ. Я попросилъ людей изъ стоявшаго тутъ отряда при офицерѣ и, высвободившись съ каретой изъ этой трущобы, мы направились въ сѣверное укрѣпленіе, гдѣ онъ долженъ былъ остановиться. Когда поднялись на гору, то онъ приказалъ остановиться каретѣ и началъ подробно разспрашивать о всякомъ бастіонѣ. Въ это время малаховцы съ Камчатскаго редута вели живую перестрѣлку. Осматривая всю линію, опоясывавшую южный Севастополь и глядя на непріятельскую позицію, онъ на-

чалъ дѣлать свои стратегическія замѣчанія... Въ сѣверномъ укрѣпленіи онъ остановился въ пустой солдатской палаткѣ и сейчасъ же нашлись знакомые ему: тутъ встрѣтился съ нимъ генералъ Тетеревниковъ; завязался разговоръ самый близкій къ положенію тогдашнихъ дѣлъ. Иннокентій говорилъ, что пріѣхалъ посмотрѣть Севастополь и пройти по траншеямъ; но генералъ ему не совѣтовалъ, и спасибо ему. То же самое мнѣніе имѣли и удерживали неумѣстное самоотверженіе главнокомандующій князь Горчаковъ и графъ Сакенъ... Каждый изъ знавшихъ Иннокентія знаетъ, что онъ не боялся смерти и готовъ былъ всегда жертвовать собою. Но его могли ранить или — и болѣе того». Впрочемъ, Иннокентій все таки успѣлъ доказать на дѣлѣ, что онъ не боялся смерти. «Спустя нѣсколько часовъ (послѣ прибытія Иннокентія въ сѣверное укрѣпленіе), говоритъ тотъ-же очевидецъ, я перевозилъ Иннокентія съ сѣверной стороны на южную, на катерѣ съ парохода «Эльборусъ». Онъ ѣздилъ къ графу Сакену. Ему уже сказано было, что по рейду палятъ изъ мортирной баттареи, поставленной въ развалинахъ Херсонеса; сказали уже, что нѣсколько часовъ раньше упала бомба на корабль «Парижъ», прошла до киля и накуралесила порядкомъ. Съ благоговѣніемъ, но безъ страха, взошелъ онъ на катеръ, благословилъ гребцовъ. Я спросилъ: «благословите отваливать»?— «Съ Богомъ»!—Ребята ударили въ весла. Я сказалъ: «навались!» (морское техническое слово —значитъ—сильнѣй). Мы отвалили; онъ сѣлъ, окинулъ взоромъ рейдъ и городъ и спросилъ: «а гдѣ Парижъ?..» Я ему сказалъ имена судовъ, около которыхъ мы шли; то были фрегатъ «Коварна», пароходъ «Эльборусъ», транспортъ «Березань» и корабли: «Императрица Марія», «Храбрый», «Чесма», «Парижъ» и «В. К. Константинъ». Мы были уже на серединѣ бухты, какъ летитъ бомба изъ Херсонеса. Я пристально гляжу на архіерея: мнѣ хочется видѣть, какъ на него подѣйствуетъ,—и грѣшенъ,—признаюсь, хотѣлъ, чтобъ

бомба упала поближе,—она упала у насъ за кормой, и онъ такъ былъ твердъ, что трудно было угадать перемѣну въ его лицѣ. Я сказалъ:—«навались!» — ребята навалились, и вотъ идетъ другая и упала впереди насъ,—дѣйствіе то же... Упавшія двѣ бомбы, одна впереди, а другая за кормою, разсѣяли волненіе, но нисколько не помѣшали нашему катеру, и мы благополучно пристали къ Графской пристани (она же и Екатерининская).» Во время самыхъ военныхъ дѣйствій на Крымскомъ полуостровѣ Иннокентій не переставалъ совершать литургіи, молебствія, водосвятія, при чемъ по обычаю, всегда сопровождалъ всѣ священнодѣйствія своимъ архипастырскимъ словомъ. Такъ, онъ совершалъ литургію въ походной церкви въ сѣверномъ укрѣпленіи, когда Херсонесъ и часть Севастополя были уже въ рукахъ непріятеля; здѣсь-же онъ произнесъ одушевленное слово, благословлялъ солдатъ, раздавалъ имъ просфоры, убѣждалъ твердо стоять противъ враговъ Царя и отечества. На другой день онъ совершалъ литургію въ Михайловскомъ соборѣ въ 6 часовъ утра, а въ 8 часовъ уже отправлялъ молебствіе съ водосвятіемъ, окроплялъ святой водой войска и орудія, и благословлялъ иконами защитниковъ Севастополя. Какъ во все время совершенія литургіи, такъ и во время молебна и врученія святыхъ иконъ пальба не прекращалась. Нѣсколько бомбъ упало недалеко отъ самаго собора. Страшный взрывъ закончилъ церковную церемонію. Главнымъ предметомъ особой пастырской заботливости преосвященнаго Иннокентія, во время Крымской войны, были преимущественно госпитали, госпитальное духовенство и сестры милосердія, ухаживавшія за ранеными и больными воинами; чрезъ нихъ раненые снабжались нерѣдко предметами продовольствія, собранными Иннокентіемъ, — духовными книгами и иконами. Изъ писемъ къ Иннокентію всѣхъ этихъ лицъ, говоритъ Н. П. Барсовъ (Хр. чт. 1884 г. III—IV, стр. 514), мо-

жетъ составиться самая подробная хроника войны, неоффиціальная, но тѣмъ болѣе цѣнная, что освѣщаетъ ее съ новыхъ точекъ зрѣнія и дополняетъ характеристиками дѣйствовавшихъ лицъ.

Въ собраніи словъ преосвященнаго Иннокентія, произнесенныхъ по случаю общественныхъ бѣдствій, находятся два «слова послѣ побѣды» и «слово въ первое служеніе послѣ сраженія». Эти слова также были произнесены имъ на Крымскомъ полуостровѣ въ войну 1853—1856 год. Само собою понятно, что эти ми «словами» далеко нельзя ограничивать ораторской дѣятельности Иннокентія за это время. Многія изъ его словъ и рѣчей, произнесенныхъ экспромптомъ, остались незаписанными.

Въ февралѣ 1855 года былъ объявленъ Высочайшій манифестъ о государственномъ вооруженіи. Глубокое смущеніе охватило Россію; прибрежье Чернаго моря было близко къ отчаянію. Но Иннокентій не переставалъ ободрять и утѣшать паству. По прочтеніи Высочайшаго манифеста, онъ произноситъ слово въ каѳедральномъ Одесскомъ соборѣ (13 февраля 1855 года, въ недѣлю православія), которое состоитъ въ рѣшеніи вопроса: «Россіи-ли уступить малодушно побѣду надъ собою и правымъ дѣломъ своимъ этой беззаконной зависти и враждѣ, и, подобно невѣрному нѣкогда ученику, отречься отъ своего великаго и святаго предназначенія?...» Не прошло мѣсяца послѣ объявленія манифеста о государственномъ вооруженіи, какъ Россію постигло новое горе. Скончался Государь Императоръ Николай Павловичъ. Этому событію преосвященнымъ Иннокентіемъ было посвящено два слова. Начиная первое изъ нихъ, проповѣдникъ отмѣчаетъ страннос совпаденіе обстоятельствъ. Въ четыредесятницу этого года онъ рѣшилъ предложить своимъ слушателямъ цѣлый рядъ бесѣдъ о смерти. И вотъ,

«думали-ль мы, что, среди сихъ собесѣдованій, ужасный образъ смерти предстанетъ намъ въ лицѣ самого возлюбленнаго Монарха нашего?»—Только въ милосердіи Божіемъ и достоинствахъ новаго Императора Иннокентій почерпалъ утѣшеніе для своихъ слушателей.

Въ маѣ 1855 года, оставивъ Одессу, Иннокентій снова отправился въ Крымъ. «На дняхъ думаю провѣдать свой Крымъ», писалъ онъ Макарію 29 апрѣля, 1855 года. «Двухъ скитовъ нашихъ—Херсонскаго и Никерманскаго какъ не бывало. Первый, строенный едва не одними слезами, пошелъ на топливо для французовъ, а второй чуть не развалился весь отъ англійскихъ бомбъ и ядеръ. Севастополь сдѣлался истинною купиною, горитъ непрестанно и не сгораетъ. Это теперь Европейское кладбище. И здѣсь то особенно теперь во всей силѣ дышетъ и вѣетъ русскій духъ. Войско готово все умереть, но не уступить святаго мѣста псамъ, какъ называютъ враговъ наши воины». Въ первыхъ числахъ сентября 1855 года въ Одессѣ получено было новое прискорбное извѣстіе: южная часть Севастополя была оставлена нашими войсками и занята непріятелемъ. Иннокентій снова не замедлилъ выступить предъ своею паствою съ словомъ ободренія и утѣшенія. 4-го сентября въ Одесскомъ каѳедральномъ соборѣ онъ произнесъ рѣчь «по случаю уныній и смущенія народныхъ мыслей объ оставленіи нами южной части Севастополя». «Не смущаютъ-ли братія, кого-либо изъ васъ недавнія вѣсти съ нашего полуострова?» началъ онъ свое слово. «Кто вѣдаетъ истинное положеніе дѣлъ и знакомъ съ мѣстностію Севастополя, тотъ нисколько не будетъ смущаться тѣмъ, что мы его оставили, а еще обрадуется, узнавъ, что мужественные защитники Севастополя нашли способъ выйти съ такимъ достоинствомъ изъ своего чрезвычайно труднаго и, можно сказать, смертоноснаго положенія, продавъ врагу за великую цѣну то, что для насъ уже давно потеряло свое преж-

нее значеніе, а между тѣмъ продолжало требовать непрестанно новыхъ великихъ жертвъ». По мнѣнію Иннокентія, переходъ Севастополя въ руки непріятеля не былъ дѣломъ неожиданнымъ и придавать ему слѣдуетъ гораздо меньшее значеніе, чѣмъ обыкновенно думаютъ.

Прошло 17 мѣсяцевъ послѣ первой осады Одессы. Въ городѣ держались упорные слухи о вторичной бомбардировкѣ. Въ виду этого нѣкоторыя прибрежныя укрѣпленія были усилены и исправлены, другія возведены вновь. Къ этому-го времени относится знаменитая рѣчь преосвященнаго Иннокентія, произнесенная 14-го мая 1855 г. на Щеголевской баттареѣ при освященіи новыхъ одесскихъ баттарей. «Долго-ли,—спрашивалъ ораторъ,—освящать намъ страшныя орудія смерти и истребленія? — Мечу Божій, доколѣ будеши сѣщи и не внидеши почити въ ножны твоя?... Увы, бѣдный родъ человѣческій, какъ немного уразумѣлъ ты, въ продолженіе цѣлыхъ седьми тысячъ лѣтъ, тайну и цѣль бытія твоего на земли, и какъ мало приблизился ты къ своему высокому предназначенію! — Увы, святая вѣра христіанская, такой-ли черной неблагодарности надлежало ожидать тебѣ отъ собственныхъ сыновъ твоихъ за тѣ благодѣянія, какими ты щедряла ихъ доселѣ и видимо превознесла надъ всѣми прочими народами!» Предположенія о новой осадѣ Одессы не замедлили оправдаться. 26-го сентября 1855 года непріятельскій флотъ, въ составѣ 120 громадныхъ морскихъ пароходовъ-фрегатовъ, явился снова предъ Одессою, грозя жителямъ города всѣми ужасами разворенія и опустошенія. Съ слѣдующаго-же дня и до 3-го октября, т. е. во все время блокады, преосвященный Иннокентій не переставалъ совершать покаянныя молебствія и произносить свои одушевленныя пастырскія рѣчи то на соборной площади, то въ каѳедральномъ соборѣ. 2-го октября непріятель снова покинулъ Одессу, не причинивъ городу никакого вреда. «Вчера, по утру»—писалъ Иннокентій 3-го октября

графу Протасову, — «непріятельскій флотъ отошелъ отъ насъ къ Очакову и Кинбурну. Что онъ тамъ дѣлаетъ—незнаемъ: но военныхъ дѣлъ нѣту; иначе мы слышали-бы выстрѣлы; ибо до Очакова по морю не болѣе 60 верстъ и онъ въ хорошую погоду почти виденъ отъ насъ, равно какъ и Кинбурнъ. Народъ нашъ немножко успокоился, бывши цѣлую недѣлю въ большомъ страхѣ, при видѣ ужасной морской армады. Городъ почти опустѣлъ и все въ разстройствѣ. Возвратъ флота непріятельскаго также будетъ мимо насъ; слѣд., запасъ смущеній и страховъ еще далеко не истощенъ. Изъ Крыма ничего,—тамъ тоже ожидаютъ дѣйствій и движутся. Если бы намъ Богъ далъ генераловъ получше! Отъ нихъ вся бѣда: это видитъ и чувствуетъ каждый. На дняхъ отправлено къ Вамъ нѣсколько бумагъ. Не дивитесь нашей докучливости. Мы въ печи едва не халдейской; можно ли говорить холодно изъ огня? Кому-же и внимать, какъ не намъ страждущимъ? не недѣлю, не мѣсяцъ, а цѣлые два года?»

Вообще, если военныя дѣйствія того времени составляли злобу дня для всякаго русскаго человѣка, то для Иннокентія ихъ направленіе, ходъ и исходъ были самыми животрепещущими вопросами. Онъ не только былъ поглощенъ событіями, не только всѣ свои силы готовъ былъ направить къ тому, чтобы облегчить трудность военнаго времени, принести какую-нибудь пользу своему отечеству; онъ внимательно слѣдилъ за всѣми движеніями, постоянно былъ обложенъ военными картами и планами, интересовался и собиралъ самыя подробныя и всевозможныя свѣдѣнія о близкомъ къ его сердцу дѣлѣ Россіи, изучалъ это дѣло всесторонне, указывалъ ошибки, подавалъ совѣты. «Если-бы архіерея Иннокентія назначили начальникомъ, — говорили въ Севастополѣ,— то дѣло было-бы хорошо». Своими письмами къ Сакену и Горчакову онъ подкрѣплялъ, ободрялъ, поддерживалъ мужество въ главныхъ руководителяхъ войны,

указывалъ имъ истинныя причины неудачъ, ясно при этомъ обнаруживая пониманіе дѣла даже съ военной точки зрѣнія.

«Послѣ Бурлюкскаго (несчастнаго) сраженія, — пишетъ Иннокентій графу Протасову 14-го сентября 1854 г.,—наши отступили въ большомъ безпорядкѣ — къ самому Севастополю, оставивъ безъ боя и *никому же гонящу* двѣ сильныхъ позиціи на Качѣ и Бельбекѣ, кои всѣ вскорѣ и заняты непріятелями. Главнокомандующій придумалъ послѣ сего фланговое движеніе и съ значительнымъ отрядомъ вышелъ изъ Севастополя, сталъ на Бельбекѣ къ Бахчисараю, угрожая и флангу и тылу непріятельскому. Это, очевидно, было-бы прекрасно, если-бы у него было побольше силы, но, къ сожалѣнію, мало.... Сказать-ли что о Бурлюкскомъ дѣлѣ?.... Позиція наша была прекрасная, солдаты шли на бой съ энтузіазмомъ и мы, какъ сами непріятели говорятъ —могли его выиграть. Почему-же не выиграли? Много вредилъ намъ съ моря флотъ своими огромными орудіями, много вредили штуцера непріятельскіе, коихъ у насъ крайне мало; не мало повредилъ методъ дѣйствій колоннами..., не мало повредило то, что мы не могли употребить штыковъ.... конецъ слова: не надобно было шутить непріятельскою высадкою, которая оказывается превосходно сгармонированною во всѣхъ отношеніяхъ; не надобно было, полагаясь на храбрость свою, пренебрегать призывомъ во-время достаточнаго числа войскъ, кои праздно и безъ нужды стоятъ въ Николаевѣ и другихъ мѣстахъ; не надобно было полагаться на увѣренія татаръ въ ихъ преданности; не надобно было оставлять безъ вниманія положеніе края и своихъ сообщеній съ Россіею, — безъ всякаго прикрытія; не надобно было забывать вовсе души и морали солдата, который къ счастью Россіи еще твердо вѣруетъ въ Бога... Проклятая гордость все губитъ».

«Чего желаютъ здѣсь (въ Крыму) въ настоящее время отъ Васъ?» — пишетъ Иннокентій, четыре дня спустя послѣ

этого письма, тому-же г. Протасову. «1) Поскорѣе и побольше войскъ. 2) Искуснѣйшихъ генераловъ. 3) Смышленнѣйшаго и дѣятельнѣйшаго губернскаго начальства, облеченнаго бо́льшею властью. 4) Ободрительныхъ воззваній къ здѣшнему краю, чего вовсе нѣтъ теперь. 5) Организаціи экономической, госпитальной, свитскихъ офицеровъ и пр. подобнаго. 6) Не мѣшало-бы, если бы явилось какое лицо повыше»... «Охъ, насмотрѣлся я на военное управленіе въ этомъ путешествіи» (съ 13 по 28 сентября 1854 г.), говоритъ письмо преосвященнаго тому-же графу Протасову, помѣченное 29 сентября 1854 г. «Многое надо измѣнить и улучшить въ немъ, иначе успѣхъ всегда будетъ если не сомнителенъ, то слишкомъ дорого стоящъ. Подъ Вознесенскомъ на дорогѣ огромный обозъ съ сухарями изъ Бессарабіи. Куда васъ Господь несетъ? — Не знаемъ. — Гдѣ-же узнаете? — Мабуть скажутъ въ Вознесенскѣ.—Зачѣмъ было направлять этотъ обозъ на Вознесенскъ, и дѣлать почти сто верстъ лишнихъ, когда по прямой дорогѣ необходимы сухари? Вообще подвозною частью распоряжаются не хорошо. Требуютъ тысячи подводъ, кои потому слѣдовало-бы употреблять скорѣе, а онѣ шатаются дней по пяти и болѣе, — не зная что дѣлать и чѣмъ кормиться... Въ Одессѣ если бы не учреждали секретнаго комитета (секретъ на другой день узнала вся губернія) для принятія мѣръ въ случаѣ нападенія отъ враговъ, было-бы совсѣмъ спокойно... Въ Крыму стараются окружать себя облакомъ, тогда какъ надлежалобы непремѣнно поставлять окрестныя начальства въ извѣстность. Главнокомандующій непремѣнно долженъ издавать бюллетени, прокламаціи и проч.... Иначе его молчаніе убійственно для всѣхъ.... Молчатъ всегда только мертвые *).

*) За пользованіе рукописнымъ сборникомъ этихъ писемъ графу Протасову подъ заглавіемъ «Письма Преосвященнаго Иннокентія архіепископа Херсонскаго и Таврическаго» — (всѣхъ писемъ 8, ведены въ формѣ дневника) считаемъ пріятнымъ долгомъ выразить свою глубочайшую благодарность о. протоіерею А. Г. Лебединцеву.

8-го апрѣля 1856 г. Иннокентій торжественно отслужилъ благодарственный молебенъ и произнесъ блестящую рѣчь по поводу манифеста о мирѣ съ Турціей и западными державами.

Страшное время войны кончилось, наступила пора тяжелыхъ трудовъ по возстановленію и исправленію разрушеннаго. «Въ трудныя времена досталось намъ дѣйствовать», писалъ Иннокентій Романовскому. «Эта трудность нигдѣ такъ не видна, какъ у насъ. Разумѣю все наше побережье и съ Крымомъ. Я помню 12-й годъ и могу сравнивать. Какъ тогда, такъ и теперь шли не одинъ, а другъ за другомъ, всѣ апокалипсическіе кони съ всадниками. Теперь, когда война замолкла, идетъ язва и болѣзнь. Страшно сказать, что онѣ производятъ. Но довольно будетъ сказать, что производятъ зло, не меньшее, самой войны». Опустошенныя войной святыни края, разоренные монастыри и церкви, неустроенныя кладбища и другія епархіальныя дѣла Крыма всецѣло завладѣли вниманіемъ и заботами преосвященнаго Иннокентія. Почти все свое время онъ посвящалъ хлопотамъ о приведеніи въ исправность и порядокъ того, что было опустошено войною; самъ лично разъѣзжалъ по Крымскому полуострову, указывалъ, что, гдѣ и какъ слѣдуетъ устроить. Работа кипѣла: церкви поправляли, на мѣстахъ битвъ строили часовни, кладбища обносились рвами и оградами. Къ сожалѣнію, все это Иннокентіемъ было только начато, но не доведено до конца.... 26-го августа 1856 г. назначена была коронація Государя Императора Александра Николаевича. Для участія въ коронаціи былъ назначенъ и преосвященный Иннокентій. И на пути въ Москву, и за все время пребыванія въ Москвѣ во дни коронаціонныхъ празднествъ Иннокентій чувствовалъ себя весьма дурно, часто высказывалъ мысль, что больше ему не придется быть въ русской столицѣ. На обратномъ пути изъ Москвы онъ пожелалъ заѣхать въ Харьковъ, гдѣ и пробылъ три дня. Изъ Харькова онъ проѣхалъ въ Святогорскій

монастырь. Послѣ, два года спустя, архимандритъ Арсеній (въ 1858 году) разсказывалъ А. Н. Муравьеву, что уже тогда—въ это посѣщеніе обители, преосвященный Иннокентій предчувствовалъ свою близкую кончину и, прощаясь во св. вратахъ, поклонился до земли настоятелю и всему братству, прося себѣ прощенія, если чѣмъ ихъ оскорбилъ во время управленія Харьковской епархіей, «такъ-какъ»,—присовокупилъ онъ,—«мы уже не свидимся болѣе въ земной жизни». Въ сентябрѣ преосвященный былъ въ Одессѣ. Болѣзнь, однако, не ослабѣвала. «Со мной было не хорошо всю прошедшую осень и зиму,—писалъ онъ 31 марта 1857 г. своему другу преосвященному Рязанскому Гавріилу,—были недѣли, въ которыя не надѣялся и жить. Но милосердіе Господа пощадило насъ; теперь съ весною, которая у насъ кончилась еще до марта, чувствуется не малое оживленіе». Это оживленіе подточенныхъ совершенно силъ и любовь къ Крыму побудили Иннокентія въ апрѣлѣ 1857 г. предпринять путешествіе на югъ епархіи, которое и было послѣднимъ.

17-го числа онъ совершилъ служеніе въ Одесскомъ каѳедральномъ соборѣ, зашелъ въ Крестовую церковь, приложился къ иконѣ Касперовской Богоматери, сотворилъ три земныхъ поклона, благословилъ домашнихъ и въ 6 часовъ вечера въ невеселомъ расположеніи духа отправился въ Крымъ, сопровождаемый протоіереемъ Логиновскимъ.

Со словъ этого протоіерея, который впослѣдствіи писалъ «о послѣдней поѣздкѣ въ Крымъ и послѣднихъ дняхъ жизни преосвященнаго Иннокентія» то, что самъ видѣлъ, самъ слышалъ и чему самъ былъ свидѣтелемъ, мы и знаемъ, какъ кончилась блестящая, кипучая жизнь знаменитаго Херсонскаго Владыки.

«Быстро проѣхавъ города Николаевъ, Херсонъ, Алешки и Перекопъ и дѣлая мѣстами распоряженія по проѣзжаемымъ благочиніямъ, преосвященный,—сообщаетъ Логиновскій—20-го числа прибылъ въ мѣстечко Акмечеть, Перекоп-

скаго уѣзда. «Надобно освятить это мѣсто, говорилъ Владыка, оно много вытерпѣло въ минувшую войну». Дорога покрыта развалинами татарскихъ ауловъ, и на сто верстъ кругомъ совершенная пустота. «Какъ больно, замѣчалъ преосвященный не разъ, что такія мѣста, какъ въ нашемъ Крыму,— гдѣ слѣдовало-бы жить своимъ и людямъ трудолюбивымъ,— населены были племенемъ тунеяднымъ и неблагодарнымъ къ Россіи!... Сколько хлопотъ было намъ усмирить ихъ»... Въ Акмечетской церкви,—опозоренной бунтовщиками татарами и поврежденной отъ выстрѣловъ съ непріятельскихъ кораблей,—архипастырь совершилъ молебствіе съ водоосвященіемъ и собравшимся поселянамъ ласково преподалъ миръ и благословеніе. На дорогѣ изъ Акмечети къ Евпаторіи сказалъ мѣстному благочинному: «отсюда не далеко имѣніе генеральши Поповой. Ея крестьянамъ далеко обращаться въ Акмечетскую церковь; приготовьте отъ меня отношеніе къ г-жѣ Поповой объ устройствѣ тамъ молитвеннаго дома. Жаль весьма, что на такихъ пространствахъ ѣдешь, ѣдешь, и не на что перекреститься»... 21-го числа—служеніе въ разворенной Евпаторіи. Изъ собора прямо отправились на мѣсто, гдѣ, во время двукратныхъ покушеній вырвать Евпаторію изъ рукъ непріятелей, легло нѣсколько тысячъ нашихъ. Дорогою, на слова сопровождавшаго его евпаторійскаго городничаго Гусакова, офицера объ одной ногѣ:—«преосвященнѣйшій владыка, побереглитесь, погода очень вѣтреная,»—отвѣчалъ: «насъ-то беречь? - Васъ беречь, такихъ героевъ, вотъ кого беречь». На солдатскихъ могилахъ отслужена панихида. Преосвященный долго молился, плакалъ и указалъ соорудить памятникъ героямъ съ часовнею внутри, если можно, изъ бомбъ и ядеръ, и совершать о нихъ поминовеніе ежегодно 23-го апрѣля, въ день великомученика Георгія. На память объ евпаторійскихъ дѣлахъ, по желанію преосвященнаго, доставлено ему нѣсколько ядеръ, тамъ собранныхъ. 22-го

числа — Симферополь. Архипастырь прибылъ сюда, по обычаю, безъ малѣйшей церемоніи и остановился въ загородномъ дворцѣ князя Воронцова. Здѣсь, послѣ утрени (23-го числа), онъ вышелъ изъ молельни, благословилъ присутствовавшихъ, а мнѣ, служившему, сказалъ: «хорошо, спасибо!»... Литургію тихо и умиленно служилъ въ соборѣ, и проповѣдывалъ изъ текста: «Яко исчезаетъ дымъ, да исчезнутъ», о загробной жизни вообще, и въ частности о блаженствѣ праведныхъ и мученіяхъ грѣшниковъ. Онъ говорилъ долго, громко и съ особеннымъ одушевленіемъ. Всѣ слушали съ умиленіемъ, многіе вздыхали, на глазахъ иныхъ видѣлись слезы, какъ это обыкновенно бывало при его поученіяхъ. Никто изъ предстоящихъ не думалъ тогда, конечно, что это уже послѣднее слово нашего златоуста. Въ Симферополѣ владыка имѣлъ постоянныя совѣщанія съ начальниками края — о благоустройствѣ вообще всей Тавриды и въ особенности церквей и монастырей, о средствахъ къ уничтоженію расколовъ, о возвышеніи христіанской Церкви учрежденіемъ въ Крыму каѳедры православнаго епископа и о мѣрахъ къ исполненію сего предположенія. Предложилъ устройство церкви въ военномъ симферопольскомъ госпиталѣ, съ указаніемъ на средства къ содержанію въ ней священника и обѣщалъ ходатайствовать о семъ у военнаго министра. 24-го числа долго гулялъ по саду, и между прочимъ спросилъ меня: «что, каковъ Симферополь?» — Довольно хорошъ, но тѣсно построился. — «Да; жаль особенно того, что мало церквей»... Потомъ говорилъ о дѣлопроизводствѣ въ консисторіи: «Какъ оно не исправно! Скоро, Богъ дастъ, все это передѣлаю: сокращу канцелярскихъ, измѣню и упрощу форму, и дамъ скорѣйшій ходъ дѣламъ». «А затѣмъ надобно рѣшительнѣе взяться и за дѣло объ изданіи при консисторіи епархіальнаго журнала. Въ немъ будемъ помѣщать главныя епархіальныя распоряженія и проповѣди лучшихъ священнослужителей и проч.: это принесетъ не малую поль-

зу епархіи и покажетъ другимъ, что мы не безгласны и кое-что дѣлаемъ». 25-го числа—Бурлюкъ, мѣсто англійской битвы. Алма, какъ Кача, Бельбекъ и Салгирь, маленькая, но быстрая и во время дождей многоводная рѣка. Преосвященнаго встрѣтили здѣсь хлѣбомъ и солью. Съ праваго низменнаго берега рѣки—позиціи непріятеля, отъ трактира, чрезъ мостъ, до самой высоты лѣваго берега—нашей позиціи, его преосвященство шелъ тихо, по мѣстамъ останавливаясь; внимательно осматривалъ поле битвы, съ подробностью разспрашивалъ очевидцевъ о дѣлѣ, слушалъ чтеніе реляціи о семъ князя Меньшикова. У моста, гдѣ была самая сильная схватка сражавшихся, долго и задумчиво стоялъ онъ и потомъ спросилъ: «гдѣ-бы лучше поставить здѣсь часовню?» Я указалъ на площадку, въ полугорѣ лѣваго берега, противъ самаго моста. «Да, отвѣчалъ владыка, мѣсто хорошее, и прямо противъ моста, пункта сильнѣйшаго кровопролитія... Только поставить-бы на подобіе Казанскаго памятника, — видѣлъ ты? — въ формѣ пирамиды, съ малою внутри церковію или по крайней мѣрѣ часовнею, для ежегоднаго поминовенія убитыхъ, въ день сраженія». Дорогою, по приказанію преосвященнаго, собрано нѣсколько камышковъ и цвѣтовъ, на память объ Алмійскомъ полѣ. Подошли къ большимъ землянымъ насыпямъ, кой-гдѣ покрытымъ камнями. Въ концѣ ихъ крестъ съ англійскою надписью. Это наши солдатскія могилы. Здѣсь я служилъ панихиду; а онъ, нѣсколько отдалившись отъ насъ, молился долго, долго на колѣняхъ. Поднявшись на одинъ изъ кургановъ, гдѣ стоялъ Меньшиковъ, онъ сказалъ: «вообразите состояніе отчаянно-заброневаго сюда союзнаго войска! — въ какой, думаю, опасности и страхѣ было оно? — Наполеонъ, вѣрно, охалъ тогда и не спалъ ночи; онъ хорошо понималъ этотъ рискъ —особенно съ его стороны. Если-бы у насъ побольше войска, тогда непріятели просто остались-бы въ нашихъ рукахъ, и не было бы послѣдовавшаго за тѣмъ такого страш

наго кровопролитія... Мнѣ очевидецъ и знатокъ дѣла разсказывалъ, что дѣло при Алмѣ, съ нашей стороны, было не очень умно. Но зато въ отступленіи мы показали не мало тактики и стратегіи»... Еще разъ съ высоты осмотрѣли все поле битвы. Когда здѣсь указали на мѣсто отступленія нашихъ, владыка сказалъ: «вотъ тутъ Меньшиковъ ободрился: лично командовалъ прикрытіемъ отступленія умно и стойко, самъ не бывъ внѣ опасности». Ниже мѣста палатки главнокомандующаго, напротивъ могилъ, онъ сѣлъ и, помолчавъ, сказалъ: «какая тема для поэта!... Откуда, думаю, съ какихъ концовъ Россіи не пришли сюда спящіе подъ этими насыпями?... Изъ Перми, можетъ быть, съ Астрахани, съ Дона, Волги, отъ Днѣпра»... Вечеръ 25-го числа — Бахчисарай и Успенскій скитъ. Привѣтливо благословилъ архимандритъ пустынныхъ тружениковъ. Обитель— въ совершенномъ уединеніи, между громадныхъ вѣковыхъ скалъ. «Вотъ мы и поустроились, слава Богу, говорилъ владыка, проходя по монастырю. — А какова мѣстность? Не правда-ли это совсѣмъ другой, особый міръ. Здѣсь-то работать для единаго на потребу; никто и ничто не мѣшаетъ. И такія мѣста были оставлены безъ вниманія и о святынѣ Крыма, гдѣ пролили кровь свою за Христа первые просвѣтители этой страны, гдѣ крестился нашъ Владиміръ равноапостольный, — о такой святынѣ было забыто въ православной Россіи! Благодарю всегда Бога, что удостоилъ меня потрудиться для священной древности и съ тѣмъ вмѣстѣ поставить крестъ на пустынныхъ пространствахъ Новороссіи, какъ помогъ Онъ мнѣ поднять изъ развалинъ вѣковыя обители Харьковскія».... Онъ былъ здоровъ и веселъ. 26-го числа утромъ архимандритъ занимался дѣлами сосѣднихъ церквей и скитовъ, принималъ духовенство. Долго говорилъ. Въ 11 часовъ былъ въ банѣ, гдѣ проговаривалъ, что у него болитъ лѣвый бокъ. По выходѣ изъ бани, посидѣлъ у архимандрита, которому

говорилъ: «дай намъ, пожалуйста, въ Одессу кого нибудь поблагонадежнѣе изъ братіи. Жаль? Эгоисты вы — всѣ. А вотъ я своихъ отправилъ на Дунай, когда потребовала нужда, и остался почти ни съ кѣмъ; жди пока пришлютъ». Весь этотъ день онъ занимался дѣлами церквей и скитовъ. Мнѣ съ о. архимандритомъ поручилъ повѣрить записку Бейна о Чуфутъ-Кале и сказать о ней свое мнѣніе; а мѣстнаго благочиннаго отправилъ съ нѣвчими въ Севастополь, гдѣ 28-го числа предполагалъ служить литургію, молиться на военныхъ кладбищахъ и сдѣлать крестный ходъ на главные бастіоны. Вечеромъ, съ настоятелемъ скита и подрядчикомъ, распланировывалъ мѣсто для св. воротъ, часовни и гостинницы, и вообще сдѣлалъ окончательныя распоряженія объ устройствѣ скита. Было уже поздно, когда возвратились въ келліи. Преосвященный еще поговорилъ о постройкахъ; былъ радъ, что окончилъ скитскія дѣла, ласково предложилъ намъ закуску, благословилъ всѣхъ и, почти не пивши чаю, ушелъ въ свою комнату: при этомъ высказывалъ не разъ, мимоходомъ, что у него болитъ бокъ. Въ 3 часа пополуночи (на 27-е число) онъ разбудилъ келейниковъ, жаловался на простуду и принималъ ванну. Послѣ говорилъ о своей болѣзни такъ: «я почувствовалъ въ груди боль, какъ-бы кто мечъ всадилъ въ нее». Въ 6 часовъ утра прибылъ бахчисарайскій медикъ и прописалъ растираніе груди и микстуру внутрь. «Какъ бы я хотѣлъ заснуть теперь», говорилъ владыка. «А вы,—обращаясь ко мнѣ и о. архимандриту, — сходите, пожалуйста, въ церковь и отслужите молебенъ о моемъ выздоровленіи». Тогда-же отправленъ нарочный въ Севастополь объ отсрочкѣ богослуженія. Весь этотъ день провелъ больной безпокойно, безъ сна и пищи, и былъ очень слабъ; при всемъ томъ, какъ и во все время болѣзни, занимался дѣлами. При прорытіи новой дороги, въ полугорѣ, нашли истлѣвшую гробницу и старинную греческую панагію. Владыка принялъ ее, перекрестился

и, поцѣловавъ, оставилъ у себя. Ночь на 28 число онъ провелъ безпокойно и безъ сна. Къ разсвѣту 28 числа, пріѣхалъ въ скитъ настоятель Херсонской обители, іеромонахъ Евгеній, съ бумагами изъ Одессы. Владыка разбиралъ бумаги, разспрашивалъ о дѣлахъ, и, жалуясь на свою болѣзнь, говорилъ: «худо намъ. Иди, другъ мой, возьми съ собой двухъ пѣвцовъ и отслужи молебенъ». Послѣ молебна выѣхалъ въ Балаклавскій монастырь, куда прибылъ вечеромъ, въ самую дождливую и вѣтреную погоду. 30-го апрѣля и 1-го мая, больной былъ въ самомъ разслабленномъ состояніи, даже въ забытьи, и тогда, какъ самъ послѣ разсказывалъ, — ему представлялась какая-то удивительная перестановка вещей и измѣненіе обыкновеннаго міроваго порядка. Видно было по всему, что высокая душа святителя какъ бы двинулась изъ своихъ тѣсныхъ земныхъ предѣловъ, и прозрѣвала уже, сквозь таинственную завѣсу, въ тотъ невѣдомый міръ, куда было суждено ей скоро переселиться. 2-го числа утромъ его преосвященство позвалъ къ себѣ монастырскаго духовника, іеромонаха Герасима, и сказалъ ему: «отче, я желалъ-бы исповѣдаться. Тихонько, не говоря никому, приди ко мнѣ сегодня вечеромъ, возьми съ собою, что нужно, эпитрахиль, крестъ, требникъ». Духовникъ исполнилъ желаніе архипастыря. Вечеромъ онъ исповѣдался и провелъ съ о. Герасимомъ довольно долгое время. Всю эту ночь былъ онъ уединенъ, въ особенномъ молитвенномъ бдѣніи. А 3-го числа утромъ, послѣ ранней обѣдни, отъ того-же іеромонаха принялъ причастіе св. таинъ, при настоятелѣ и братіи монастыря. 4-го числа чувствовалъ себя лучше; почему на 5 назначилъ служеніе въ ближайшей монастырской церкви; отправлялъ Бахчисарайскаго архимандрита въ Инкерманскій скитъ, для назначенія мѣста новому строенію, а меня посылалъ въ Севастополь, для осмотра военныхъ кладбищъ, разрушенныхъ градскихъ церквей и церковныхъ домовъ.

«Жаль, говорилъ при этомъ владыка, что не могу еще разъ быть на солдатскихъ могилахъ. Мнѣ поручены онѣ. Посмотри, что тамъ дѣлается; есть-ли ограда и гдѣ лучше поставить церковь. Да помолись и отъ меня. Сообразите съ благочиннымъ, что изъ разрушеннаго при церквахъ можно исправить и какими легче средствами. Взгляни-же и на церковь, и на площадь, гдѣ мы молились подъ громами войны и потомъ скажешь—что эта церковь?—исправлена-ли послѣ разрушенія, и если нѣтъ, то почему?» По возвращеніи изъ Севастополя, я доложилъ преосвященному, что ограда очень приличная обводится кругомъ военнаго кладбища и что церковь хорошо-бы поставить выше онаго, надъ срединою, въ полугорѣ. На это онъ сказалъ только: «Пожалуй»! А отъ благочиннаго потребовалъ рапортъ и написалъ на немъ пространную резолюцію о возобновленіи церковнаго дома при Петро-Павловской церкви. Разсматривалъ планы скитовъ, особенно заботился объ участи бывшаго въ плѣну балаклавскаго монастыря. 5-го числа, по слабости, не служилъ, но присутствовалъ при богослуженіи въ церкви, гдѣ произвелъ въ протоіерея настоятеля Севастопольской Петро-Павловской церкви, бывшаго неотлучно на своемъ мѣстѣ, во все время осады города. 6-го числа еще разъ взглянулъ на Севастополь, его развалины и укрѣпленія: «Бѣдный городъ!» болѣзненно произнесъ владыка. Былъ въ Херсонесскомъ скиту. Видъ бѣдной обители, изрытой непріятельскими траншеями, едва возникающей изъ развалинъ, болѣзненно подѣйствовалъ на архипастыря. Здѣсь настоятель встрѣтилъ его съ крестомъ и святой водой и привѣтствовалъ слѣдующими словами: «Вниди, преосвященнѣйшій владыко, и входъ твой да будетъ залогомъ радости сей страждущей землѣ; благовѣствуй намъ миръ». Въ скитской церкви, обходя храмъ и указывая на малыя, узкія окна алтаря, замѣтилъ: «прекрасно сдѣлали, придержавшись старины; это очень кстати на древнихъ

развалинахъ!» Въ братскихъ кельяхъ пробылъ около часу. Кушалъ немного чаю, и, увидѣвъ свой портретъ, сказалъ настоятелю: «зачѣмъ ты мертвеца этого повѣсилъ на стѣну; убери его». Потомъ: «живи-же, не скучай, пиши каждую почту хоть два слова, что ты живъ; а соскучишь, прибѣги въ Одессу; да займись изученіемъ Крыма; мы у тебя устроимъ центръ; заведешь училище, библіотеку; ты жилъ при мнѣ, теперь я тебя оставляю одного, думай и живи своимъ умомъ, учись, привыкай къ дѣятельности, а Крымъ-то пожалуйста изучи, и когда я буду у тебя въ другой разъ, потребую строгаго отчета». При этомъ, вынувъ сто пятьдесятъ рублей серебромъ, сказалъ: «на, вотъ тебѣ на новоселье, на хлѣбъ; а еще пришлю изъ Одессы, по пріѣздѣ, четыреста рублей». А братіи, благословляя ее, примолвилъ, —указывая на настоятеля: «слушайтесь его; бѣдовый старецъ! Мы отъ него довольно терпѣли, теперь и вы потерпите, да трудитесь и живите только, а мы для васъ все сдѣлаемъ, Богъ дастъ». 7-го числа его преосвященство выѣхалъ обратно—въ Одессу,—куда спѣшилъ съ первыхъ дней болѣзни, повторяя: «ахъ, какъ-бы скорѣй домой: пожалуй— и умремъ здѣсь». Вообще, все время пребыванія своего въ Крыму, онъ былъ слабъ, безъ сна проводилъ всѣ ночи и не имѣлъ аппетита. Часто поручалъ молиться о немъ въ церкви, а келейниковъ заставлялъ, по ночамъ читать вслухъ молитвы, особенно псаломъ: «Помилуй мя, Боже»; непрерывно почти занимался дѣлами; посылалъ письма къ разнымъ лицамъ, прося всѣхъ молиться о немъ; слушалъ чтеніе книгъ; назначалъ денежныя пособія скитамъ, принималъ посѣтителей; окончательно исправилъ акаѳистъ ко причащенію св. таинъ и проч. Отъ Балаклавы до Инкерманской долины не разъ вставалъ изъ экипажа и подолгу шелъ пѣшкомъ; въ это время указывалъ на мѣста непріятельскихъ лагерей и говорилъ о военныхъ дѣлахъ. Съ 7-го на 8-е число ночевали въ Симферополѣ. Услышавъ о болѣзни архипастыря, духо-

венство изъ разныхъ мѣстъ поспѣшило къ нему навстрѣчу. Но онъ никого почти не принималъ, исключая г. Кашкадамова, ревнителя крымской святыни. Велѣлъ мнѣ узнавать о нуждахъ всякаго являвшагося и послѣ доложить ему. Когда боль въ груди усилилась, онъ принялъ на нее пластырь. Изъ Симферополя послалъ, за собственноручнымъ подписомъ предписаніе настоятелю Бахчисарайскаго собора, объ устройствѣ оградъ и часовень на военныхъ кладбищахъ (на Качѣ и Бельбекѣ), кои на пути молитвенно благословилъ. Пересматривалъ присланныя бумаги и письма; заботился, какъ и во все время, отпискою по дѣламъ болгарскимъ. 8-го числа, въ 6 часовъ вечера, прибылъ въ Перекопъ, гдѣ, чувствуя особенное изнеможеніе отъ дороги, совѣтовался съ мѣстнымъ врачомъ, который, прописавъ капли, уговаривалъ его отдохнуть на мѣстѣ дня два. Принималъ управляющаго таврическою палатою. Былъ особенно тихъ и добръ ко всѣмъ. Здѣсь однажды сказалъ мнѣ: «посиди здѣсь. Что съ тобою не бывало обмороковъ?—Странное какое-то, особенное состояніе.... Перемѣняются предметы.. Являются новые образы.... Какъ-будто другой міръ.... Вѣдь, со смертью, взоръ у человѣка мгновенно расширится, какъ, напримѣръ, предъ поднявшимся на высоту вдругъ открывается большое пространство».... Ночь провелъ безъ сна, безпокойно, и утромъ (9 числа) въ 8-мъ часу выѣхалъ. Дорогою останавливался у двухъ священниковъ: одному совѣтовалъ заняться хозяйствомъ и сдѣлать деревянный полъ въ комнатахъ, у другаго похвалилъ хату, которая была вмѣстѣ и кухня. Здѣсь, обращаясь ко мнѣ, сказалъ: «когда дорогой увидишь такую теплую и сухую хату, тутъ и останавливайся».

11-го числа во 2 часу по полудни прибылъ въ Одессу. Черезъ два часа позвали доктора Далласа, съ которымъ больной провелъ болѣе часу. Вечеромъ былъ въ банѣ и ваннѣ. 12-го числа составленъ консиліумъ изъ докторовъ:

Далласа, Энно и Сезеневскаго. Приложили мушку къ лѣвому боку, отчего на другой день (13 числа) больному было легче: онъ ходилъ, немного кушалъ, принималъ посѣтителей и членовъ консисторіи, коимъ раздалъ наперсные кресты за минувшую войну. Въ этотъ день потребовалъ къ себѣ г-на Палаузова, приказалъ ему распорядиться о немедленной высылкѣ въ Болгарію нужныхъ богослужебныхъ книгъ; при чемъ жаловался ему на безсонницу и на мучительную поѣздку изъ Крыма въ Одессу; болѣе слушалъ, чѣмъ говорилъ. 14-го числа здоровье было въ одинаковомъ положеніи. Къ 15-му стало хуже; не было аппетита и сна до самой смерти. Первые дни, по пріѣздѣ, онъ принималъ нѣкоторыхъ посѣтителей, а съ 18-го числа никого, кромѣ графа Строганова. 18-го числа, по настоянію Палаузова, приглашенъ былъ на консиліумъ г. Пироговъ, вмѣстѣ съ прежними врачами и, странно, болѣзнь найдена не совсѣмъ опасною. 20-го—во второй разъ пріѣзжалъ г. Пироговъ и былъ консиліумъ, вслѣдствіе чего приложена больному другая мушка; но онъ не чувствовалъ себя лучше и говорилъ присылавшимъ узнать объ его здоровьѣ, что оно не хуже прежняго. Съ этого дня, по совѣту докторовъ, онъ проѣзжался по городу и два раза на свою дачу. Болѣзнь держалась въ одинаковомъ положеніи, по временамъ только бывали скоро-проходящіе обмороки. Вообще, въ это время онъ былъ въ самой свѣжей памяти и совершенно свѣтломъ умѣ, но въ постоянномъ самоуглубленіи и молитвенномъ расположеніи духа; весьма мало говорилъ, рѣчь его была кратка и отрывиста, взоръ вопрошающій и умиленный; нерѣдко видали его молящимся, колѣнопреклоненнымъ: тогда онъ отъ полноты сердца взывалъ: «Боже, будимилостивъ мнѣ грѣшному! Помилуй меня, Господи, помилуй меня, по великой Твоей милости»... Не разъ, за нѣсколько дней до смерти, проговаривалъ окружающимъ: «такой болѣзни у меня не бывало, можетъ быть — я умру». Или: «все что-

то плохо; кажется, и умру». Или: «я умру».... Весьма рѣдко прилегалъ, а всегда почти, дни и ночи, или ходилъ тихо по комнатамъ, или сидѣлъ, склонивъ нѣсколько голову на грудь, —часто съ закрытыми глазами, блѣдный, изнеможенный. Занятій не оставлялъ: слушалъ чтеніе книгъ, и преимущественно проповѣдей преосвященнаго митрополита Московскаго Филарета; читалъ очеркъ жизни митрополита Платона; пересматривалъ и исправлялъ, приготовленную еще до болѣзни, службу священно-мученикамъ Херсонесскимъ. Иногда, сидя за письменнымъ столомъ, на лоскуткахъ бумаги слабою рукою писалъ молитвы и стихи изъ псалмовъ Давидовыхъ. Тогда, и вообще во все время болѣзни, продолжавшейся ровно мѣсяцъ, со всѣми былъ ласковъ, добръ, тъ и ко всѣмъ внимателенъ — необыкновенно. За нѣсколько дней до смерти, покойный архипастырь сдѣлалъ распоряженіе своимъ деньгамъ, — въ Михайловскій монастырь — на сиротъ, въ крымскіе скиты, родственникамъ и служащимъ при немъ; а находящееся въ печати сочиненіе свое: «Послѣдніе дни земной жизни Господа нашего Іисуса Христа» собственноручнымъ предложеніемъ завѣщалъ попечительству о бѣдныхъ духовнаго званія и канцелярскимъ чиновникамъ консисторіи, объ обезпеченіи коихъ постоянно заботился 24-го числа вечеромъ, призвалъ пѣвчихъ, обласкалъ ихъ, обѣщая наградить всѣхъ деньгами и заставлялъ пѣть: «Господи, кто обитаетъ въ жилищи Твоемъ», «Пойте Богу нашему, пойте Цареви», «Благообразный Іосифъ», «Величитъ душа моя Господа», «Взбранной воеводѣ побѣдительная» и «Благословенъ еси, Господи, научи мя оправданіемъ Твоимъ» 25 числа съ утра до 3 часовъ пополудни пробылъ на своей дачѣ, приказалъ отслужить вселенскую паннихиду, что особенно подѣйствовало на благорасположеніе его духа, осматривалъ садъ и хозяйство. Здѣсь каждый кустикъ, каждое дерево, взлелѣянное его попеченіемъ, обращало на себя его внима-

ніе. Приблизившись къ работавшимъ штатнымъ служителямъ, сказалъ ласково: «Боже вамъ поможи, хлопци». Читалъ корректуру печатаемаго сочиненія: «Послѣдніе дни земной жизни Спасителя». Бесѣдовалъ съ о. Герасимомъ, своимъ балаклавскимъ духовникомъ. Предъ самымъ отъѣздомъ, зашелъ еще разъ въ молельню, развернулъ на налоѣ лежавшую книгу, положилъ три земныхъ поклона предъ стоящимъ распятіемъ и тихо вышелъ, задумчивый. По возвратѣ въ городъ, останавливался противъ собора, и, крестясь, долго и задумчиво смотрѣлъ на него; дома принималъ графа Строганова, бесѣдовалъ съ нимъ около часу, и, между прочимъ о великости праздника Святой Троицы — любимѣйшій предметъ его. «Это вѣнецъ христіанскихъ торжествъ,—говаривалъ онъ не разъ,—то же, что свѣтлый куполъ въ величественнѣйшемъ зданіи. Полна душа моя симъ высочайшимъ торжествомъ христіанства; говоришь, бывало, о немъ, сколько угодно, ни мало не готовясь; говоришь, и потокъ не удержимой рѣчи самъ собою льется; говоришь, и не наговоришься». Объ этомъ-же бесѣдовалъ и съ княгинею Воронцовой, посѣщавшею его въ болѣзни. Въ этотъ день онъ приказывалъ одному изъ келейниковъ читать каноны и всю службу Святой Троицѣ. Послѣ всенощной разговаривалъ на балконѣ съ преосвященнымъ викаріемъ. Къ вечеру ему стало хуже. Между прочимъ, онъ велѣлъ тогда выпустить изъ клѣтокъ всѣхъ птичекъ на волю. Въ 11 часовъ ночи былъ съ нимъ сильный и тяжкій обморокъ, продолжавшійся около часу. Къ этому времени поспѣшили медики. Пришедши въ себя, онъ тихо благодарилъ ихъ за участіе, но говорилъ, что у него ничего не болитъ. Медики удалились, прописавъ ванну и какую-то микстуру, послѣ которой онъ не разъ просилъ пить. Послѣдніе два съ половиною часа провелъ въ безпокойствѣ, но, какъ и прежде, въ совершенно полномъ умѣ и молитвенномъ расположеніи духа; прилегалъ, постоянно тревожно перемѣняя

мѣсто, и заботясь о томъ, чтобы ухаживавшіе за нимъ келейники отдыхали тутъ-же, при немъ; приказалъ приготовить себѣ постель изъ свѣжаго сѣна на полу, въ гостиной. Подъ праздникъ Троицы онъ имѣлъ прежде обычай спать на зеленой травѣ,—такъ-же какъ въ 12 часовъ ночи, предъ Богоявленіемъ, при пѣніи тропаря: «во Іорданѣ крещающуся Тебѣ, Господи», почерпать воду изъ чистаго и отдаленнаго источника, которую потомъ хранилъ и раздавалъ знакомымъ своимъ. Уже свѣтало — часъ былъ пятый въ началѣ,—праздникъ св. Троицы (26 мая)... Владыка привсталъ, набожно перекрестился не разъ, прошелся тихо по всѣмъ комнатамъ, поддерживаемый келейниками, взглянувъ на свѣтъ начинающагося дня и бросая внимательный, тревожный взоръ на окружающіе предметы. «Господи, какой день»!... сказалъ онъ при этомъ. Потомъ, въ гостинной приказалъ положить себя на сѣно; перемѣнялъ нѣсколько разъ положеніе и, наконецъ, склонившись на грудь, сказалъ два раза: «А вотъ этакъ хорошо». Потомъ, сказавъ посѣянно: «скорѣе поднимите меня»—на рукахъ двухъ келейниковъ, колѣнопреклоненный, незамѣтно скончался».

Въ Одессѣ между тѣмъ ждали выздоровленія владыки-а не кончины «Въ Троицынъ день—пишетъ одинъ очевидецъ—мы шли спокойно въ соборъ къ обѣднѣ. Даже надѣялись увидѣть и его тамъ: наканунѣ еще говорили, что преосвященный Иннокентій располагалъ (чувствуя себя лучше) слушать въ соборѣ литургію, которую надлежало совершить прибывшему изъ Херсона епископу Поликарпу. Такія были надежды. Печальная дѣйствительность оказалась несомнѣнною: всѣ были поражены нечаянностью великой потери, всѣ плакали».

Память Иннокентія и по днесь жива не только въ Херсонской губерніи, но и по всей Россіи. Его словами народъ и по нынѣ возноситъ свои молитвы къ Богу. Его поученіями онъ восторгается и увлекается по нынѣ. «Первая

седмица великаго поста», «Великій постъ», «Слова о веснѣ», «Послѣдніе дни земной жизни Іисуса Христа» все еще во многихъ семьяхъ остаются настольными книгами, какъ и тридцать лѣтъ назадъ.

Горячее чувство любви и уваженія почтило его память стихотвореніями, которыя ясно показываютъ, какъ русскіе люди высоко цѣнили и цѣнятъ дарованія и способности Иннокентія, его труды, значеніе и заслуги для Православной церкви и отечества.

На югѣ Руси православной,

(говоритъ одно изъ такихъ произведеній на кончину преосвященнаго Иннокентія)

Свѣтило разума горитъ,
Глаголы истины желанной
Во имя Бога говоритъ.

И мы глаголамъ тѣмъ внимали
Съ открытымъ сердцемъ и душой:
Себя короче узнавали,
Подъ часъ съ трепещущей слезой.

*
* *

Отрадой южной дышетъ день,
Алтарь увитъ цвѣтами,
Войдемъ въ таинственную сѣнь
Подъ животворными лучами.

Стоитъ у входа чинъ духовный,
Сіяетъ храмъ въ огняхъ.
Святитель явится желанный:
Привѣтъ и радость на устахъ.

* *
*

Его ужъ болѣе не ждите
Вы, други вѣры и закона,
Въ молитвахъ Вышняго просите
Ему блаженнѣйшаго лона.

Угасло южное свѣтило,
Почилъ великій іерархъ!
Но будетъ слово его живо
Въ печали преданныхъ душахъ!

И долго память будетъ жить
О томъ свѣтилѣ именитомъ,
О дарѣ — сердцу говорить
Всегда доступномъ и открытомъ.

Литературные труды архіепископа Иннокентія.

Собраніе сочиненій Иннокентія Архіепископа Херсонскаго и Таврическаго, том. I—XI, изд. Вольфа СПБ. 1873—1877.

Слова къ паствѣ Вологодской, говоренныя Преосвящен. Иннокентіемъ, Епископомъ Харьковскимъ во время управленія Вологод. паствою. Изд. II, Харьк. 1860. Реценз. Мих. Архангельскаго. Стран. 1861, № 3. Отд. III, стр. 65—66.

Изъ неизданныхъ рукописей Архіепископа Иннокентія Борисова, Л. Ст. Мацѣевичъ. Труды К. Дух. Акад. 1883, I, № 4, 652—685 (между прочимъ слово въ день Благовѣщенія).

Три политическія записки Иннокентія Таврическаго. Рус. Арх. 1867 г.; Записки Иннокентія Таврическаго о Римско-катол. епархіи въ Херсонѣ, съ примѣч. Савваитова Рус. Архивъ 1868 г.; Мнѣніе Иннокентія Арх. Херсон. о катихизисахъ Митрополита Филарета. Н. И. Барсовъ. Хр. Чтеніе 1885, № 5—6, 732—740. Изъ замѣтокъ Иннокентія Херсонскаго. Херс. Еп. Вѣд. 1861 г. №№ 15, 19, 22, 23. Прпч. Дом. Бес. 1864, съ № 18 и до конца. Бумаги Иннокентія Херсонскаго. Прав. Обозр. 1886, № 5—6; 126—187; 7, 417—475.

Переписка архіепископа Иннокентія.

а) Письма и нѣкоторыя сочиненія Иннокентія. Х. Е. В. 1860, стр. 5, 10, 450, 553, 531, 681, 759. Письма Иннокентія арх. Херсонскаго къ Великому князю. Рус. Стар. 49 т. стр. 593—596; къ Епископу Гавріилу. Зап. Од. Общ. исторіи и древн. т. XIV, стр. 719—773; къ Бодянскому ibid. т. XIII, стр, 269—271; къ редактору Домашней Бесѣды,—Дом. Бес. 1870, № 45, 1224—1225; 1871, № 3, 93; къ настоятелю Херсон. собора протоіерею Перепелицыну. Х. Е. Вѣдом. 1878, № 21, 651—656; къ Макарію Булгакову, митроп. Москов. Церков. В. 1883, №№ 17—18, 24, 26; три письма, сообщ. Н. И. Барсовымъ, П. С. 1885, № 2, 201—214; къ протоіер. Нордову (1843—1846 год.) Волог. 1885. № 19. Письма Иннокентія и отвѣты на нихъ разныхъ лицъ. Рус. Стар. 21 т. 194. Матерьялы для исторіи Кіевск. дух. Академіи. Письма Иннокентія. Кіевск. Стар. 1882,3 (см. Иконниковъ. Опытъ р.

исторіографіи т. I, кн. I, стр. 771—802; 1891 года). Матерьялы для біографіи Иннокентія Арх. Херсонскаго. Н. Т—вь. Истор. Вѣст. т. 31, Март. 726 стр. Переписка и бумаги Иннокентія Борисова. Чт. М. О. И. и Христ. Чтеніе. Вольфа.—Собраніе автографовъ Арх. Иннокентія. Рѣчи и замѣтки о Римѣ и Польшѣ. Труды по комитету о раскольникахъ. (Иконниковъ. Опыт. р. ист. ibid. стр. 803).

6) Матерьялы для біографіи Иннокентія Херсонскаго. Х. Е. Вѣд. 1861, № 11; къ біографіи Иннокентія арх. Херс. и Таврич. Н. Барсовъ. Хр. Чт. 1883, II, 629—656; Письма Митрополита Филарета. Хр. Чт. 1884 г., № 1—2, стр. 188—234; № 7—8, стр. 99—111. Отношенія Иннокентія къ Филарету Черниговскому. Письма Митроп. Макарія къ Иннокентію; ibid. 1884 г. № 5—6. Нѣсколько словъ объ Архіепископѣ Иннокентіѣ Борисовѣ по поводу новыхъ матерьяловъ для его біографіи. Н. И. Барсовъ. Христ. Чт. 1884 г., № 3—4. 489—531, (по поводу собранія писемъ къ нему—Палаузова). Письма къ Иннокентію арх. Херсонскому: Филарета Кіевск. и Антонія ректора Кіевской академіи (впослѣдствіи архіеп. Казанскаго); сообщ. Н. И. Барсовъ. Труды Кіев. дух. академіи 1884, I, № 4, 621—631; II, № 5, 69—102; Арсенія митрополита Кіевскаго ibid. № 8, 583—592; Димитрія Херсонскаго ibid. 593—600; М. К. Максимовича ibid. III, № 9, 132—145; Евгенія Архіепископа Ярославскаго. Яросл. Еп. Вѣд. 1885, № 9; Протоіерея І. М. Скворцова. Труды Кіев. Д. Акад. 1885, II, № 7, 472—482; № 8, 671—675; III, № 9, 165 — 167; № 10, 311 — 318; Иринея Нестеровича отъ 1842—1853 г. Вологод. Еп. Вѣд. 1886 г.; Погодина М. П Записки Од. Общ. Ист. и древн. т. XV, стр. 808—822. Письма о Кіевѣ къ М. П. Погодину М. К. Максимовича Кіевл. 1869. № 16, 544—553; № 19, 629—642 (имѣютъ отнош. къ біогр. Иннокентія).

Литература о Преосвященномъ Архіепископѣ Иннокентіи. Иннокентій Борисовъ, Архіепископъ Херсонскій. Кіев. 1868, № 14, 533—556; № 15, 577—585 (біогр.). Иннокентій Архіепископъ Херсонскій и Таврическій. Біограф. очеркъ Востоковъ. (Рус. Стар. 1878—1879 г. т. 21, 23, 24, 25, 26, 33, 39). Реценз. Н. Б. Церк. В. 1879, № 30.—Архіепископъ Иннокентій Борисовъ. Буткевичъ. Харьк. 1888 г. (Печат. выпусками въ «Вѣра и Разумъ» 1884 г. №№, 1, 2, 3, 5, 8, 10, 12, 16, 19; 1885, 6, 9, 12, 15, 16, 18, и дал.) Реценз. Н. Б. Библіогр. 1890, II, 141.—Воспоминанія о Преосвящ. Иннокент. Архіепископѣ Херсонскомъ. Баронесса М. Боде. Стран. 1861, № 7, отд. I, 1—7.—Воспоминанія объ Иннокентіи Херсон. Херс. Еп. Вѣд., № 6, 30—62.—Воспоминаніе.... (два случая во время бомбард. Одессы) Д. В. 1862, № 4, 569—578;—Воспоминаніе.... Протоіер. Флоринскій. Душ. Чт. 1872, II, № 6, 200—205.—Воспоминаніе объ іерархѣ, привлекавшемъ простымъ и живымъ словомъ.... (1848—1857 г.). Л. Моск. 1873, № 16, 152—154.—Изъ воспоминаній о Преосв. Иннокентіи, Арх. Херсонскомъ.

—Ал—дръ Завадовскій. Тавр. Еп. В. 1880, № 2, 168—225 (прпч. Прав. Обозр. 1880. I, № 1, 148—199 также въ Харьк. Еп. В. 1883, № 15, 241—243.). Воспоминаніе о пребываніи въ Устюгѣ Иннокентія Херсонскаго въ 1841 г. Волог. Еп. Вѣд. 1884, № 13.—Воспоминаніе архіерейскаго пѣвчаго объ Иннокентіи, бывшемъ Еп. Вологодскомъ. Волог. Еп. Вѣд. 1885, № 16, 346—350. Воспоминаніе о преосвященномъ Иннокентіи Еп. Вологодскомъ. М. Поповъ. Истор. Вѣст. 1894, 5 -6. — Дорожная замѣтка отъ Вологды до Устюга; поѣздка по епархіи съ Иннокентіемъ — Саввантовъ. Москвит. 1842 г. кн. XI, 310—336; 1842, кн. VIII. Мои воспоминанія объ Иннокентіи Архіепископѣ Херсонскомъ и Таврическомъ. — Палимпсестовъ. СПБ. 1888 г. Палимпсестовъ—Къ моимъ воспоминаніямъ объ Иннокентіи Архіепископѣ Херсонскомъ и Таврическомъ. СПБ. 1888 г. Еп. Гермогенъ. —Таврическая епархія. стр. 158—159. Мурзакевичъ —Воспоминанія объ Иннокентіи. Рус. Стар. 1889 г. Опроверженіе клеветы. Отвѣтъ на статью Мурзакевича объ Иннокентіи въ Рус. Старинѣ. Странн. 1889 г. Муравьевъ. —Филаретъ и Иннокентій. Рус. Стар. 49 т. стр. 593 — 596. О музеѣ при Иннокентіи въ Вологдѣ. Прав. Обозр. 1872 г. № 2, 262. Преосвящ. Іеремія Еп. Нижегородскій и его воспоминанія о преосв. Иннокентіи Херсонскомъ. Свящ. Виноградовъ. Н.-Новгородъ 1886 г. Стрѣльбицкій. — О библіотекѣ Иннокентія, перешедшей въ Одесскую Духовную Семинарію. Труды К. Д. Акад. 1889 г. № 8. Логиновскій.—О послѣдней поѣздкѣ въ Крымъ и послѣднихъ дняхъ жизни Иннокентія, Архіепископа Херсонскаго. Херс. Еп. Вѣд. 1862 г., № 2, 81 — 108. О кончинѣ Иннокентія, Арх. Херсонскаго. Хр. Чт. 1857 г. II, 89—98. Преосвященный Иннокентій Арх. Херсонскій какъ проповѣдникъ. Добротворскій. Д. В. I, 1862 года. № 3, 328—356. Уствольскій Степанъ. — Иннокентій Херсонскій какъ проповѣдникъ. Реценз. И. И. Барсова П. С. А. 1879—1880 г. № 234. Терпиловскій, — Иннокентій Архіеп. Херсонскій и его проповѣдничество. Рец. р. с. В. О. Нѣвицкаго. Т. Кіев. Ак. 1881—82, 9—12. Нв. Вытатинъ.— Проповѣди Иннокентія Арх. Херс. и Таврич. (историко-критич. очеркъ) Реценз. р. с. В. О. Нѣвицкаго. Т. Д. К. Акад. 1882-83, 308—311. Библіографическая замѣтка для полнаго изданія сочиненій Иннокентія Херсонскаго. Кіевъ, 1869 г. № 21, 689—698 (указаны статьи объ его жизни и сочиненіяхъ). Къ изданію сочиненій Преосвященнаго Иннокентія, Архіеп. Херсонскаго С. П. Кіев. 1870 г., № 8, 244—264. (тоже и перечень его сочиненій). Вѣнокъ на могилу высокопреосвященнаго Иннокентія Архіеп. Таврическаго, изд. М. П. Погодинымъ 1864 и 1887 г. Пятидесятилѣтній юбилеи Кіевской Духовной Академіи 1869 г. Малышевскій.—Историческая записка о состояніи Кіевской Дух. Академіи. И. А. Чистовичъ.—Исторія СПБ. Дух. Акад. 1857 г. Аскоченскій.—Исторія Кіевск. Дух. Академіи 1863 г. Свящ. С. В. Протопоповъ.—Протоіерей Герасимъ Петровичъ Павскій. 1876 г. Аскоченскій.—Амфитеатровъ Яковъ Козьмичъ. 1857 г. Все-

подданнѣйшіе отчеты оберъ-прокурора Св. Синода за 1838 – 1858 гг.—Отчетъ Импер. Акад. Наукъ по отдѣленію русскаго языка за 1857 г.—Воскресное Чтеніе 1857 г. № 12 и 14.—Памятная книжка Кіевской губерніи за 1858 г., —Филаретъ Черниговскій,—Обзоръ русской духовной литтературы 1863 г.—Максимовичъ,—Письма о Кіевѣ и воспоминаніе о Тавридѣ. 1871 г.—Впечатлѣнія Украйны и Севастополя.—СПБ. 1859 г.—Ю. Толстой. Списки архіереевъ и архіерейскихъ каѳедръ. 1872 г.—Строевъ.—Списки іерарховъ и настоятелей монастырей россійской церкви II. 1877, изд. археограф. ком. подъ ред. М. II. Семевскаго. Ученыя записки II Отд. Имп. Акад. Наукъ 1857 г. кн. V. Портретная галлерея русскихъ дѣятелей, изд. Мюнстера 1865 г. т. I. Кіев. Еп. Вѣд. 1868 г. № 14 и 15. Духовный Вѣстникъ 1862, 4. Харьк. Еп. Бѣд. 1883, № 15, Русскій Архивъ 1867 –1868 г. Вѣстникъ Зап. Россіи 1870, 2. Русская Правда 1860. Военный сборникъ 1861 г., 7. Одесскій Вѣстникъ 1857, 1859 и 1869 г. № 230, 239. Молва 1857 г. 20. Пчела Сѣверная 1857 г. № 125 и 170 и 1858 г.—177, 184.

Архіепископъ Димитрій Муретовъ.

11 іюня 1857 г.—2 октября 1874 г.; 20 февраля 1882 г.—14 ноября 1883 г.

Наканунѣ праздника св. Пятидесятницы, 25 мая 1857 г., преосвященный Тульскій Димитрій видѣлъ сонъ, что будто онъ находится въ Одесскомъ каѳедральномъ соборѣ. На архіерейскомъ амвонѣ стоитъ архіепископъ Одесскій Иннокентій съ свиткомъ бумагъ въ рукахъ. Вручая свитокъ епископу Димитрію, онъ сказалъ: «отецъ Димитрій, докончите!» Оказалось потомъ, что раннимъ утромъ 26-го мая преосвященный Иннокентій скончался, а Тульскій епископъ Димитрій былъ назначенъ ему преемникомъ».

Такую легенду встрѣчаемъ въ Херсонскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ за 1887 г., № 24. Судить о достовѣрности факта не наше дѣло. Смыслъ-же сказанія простъ и очевиденъ безъ особенныхъ разъясненій всякому: такое великое свѣтило русской церкви, какъ Иннокентій, не нашло себѣ другаго болѣе достойнаго преемника по управленію Херсонской епархіей кромѣ преосвященнаго Димитрія, высокія нравственныя качества котораго, рѣдкія духовныя дарованія, твердость, основательность и глубина православныхъ убѣжденій были извѣстны Иннокентію еще въ пору управленія Кіевской духовной академіей. Счастлива Одесса,

счастлива и Херсонская епархія! Иннокентій и Димитрій были и будутъ ея украшеніемъ до самыхъ отдаленныхъ временъ.

Архіепископъ Димитрій родился въ селеніи Лучинскѣ, Пронскаго уѣзда, Рязанской губерніи. Отецъ его былъ діакономъ. Святитель въ мірѣ назывался Климентъ Ивановичъ Муретовъ. Учился онъ сперва въ Рязанской духовной семинаріи, потомъ въ Кіевской духовной академіи съ 1831 по 1835 годъ. Проходя учебный курсъ въ академіи, принялъ монашество 1-го сентября 1834 г., и рукоположенъ въ іеромонаха 24-го іюля 1835 года. По окончаніи академическаго курса со степенью магистра богословія, назначенъ бакалавромъ въ Кіевскую академію на классъ изъясненія Священнаго Писанія. 27-го октября того-же года опредѣленъ помощникомъ академическаго библіотекаря; 7-го февраля 1836 г. перемѣщенъ на классъ богословскихъ наукъ той-же академіи; съ августа по 5-е октября 1836 года исправлялъ должность инспектора академіи: 14 февраля 1838 г. въ званіи профессора, коммиссіей духовныхъ училищъ опредѣленъ инспекторомъ академіи, съ увольненіемъ отъ должности библіотекаря, за усердное прохожденіе которой изъявлена ему академическимъ правленіемъ благодарность. 25 марта 1838 года, по указу Святѣйшаго Синода возведенъ въ санъ архимандрита съ опредѣленіемъ настоятелемъ Кіево-Выдубицкаго монастыря и съ оставленіемъ при прежнихъ должностяхъ; 28-го мая 1840 года Всемилостивѣйше награжденъ наперснымъ крестомъ; въ іюлѣ и августѣ того-же года исправлялъ должность ректора академіи; 24 апрѣля 1841 года опредѣленъ ректоромъ Кіевской академіи съ порученіемъ ему управленія Кіево-Братскимъ монастыремъ; 23 мая 1842 года Всемилостивѣйше сопричисленъ къ ордену св. Анны 2-й степени; 16 апрѣля 1845 года сопричисленъ къ ордену св. Владиміра 3-й степени; по указу Святѣйшаго Синода по дѣламъ службы былъ командированъ въ С.-Петербургъ, гдѣ

и находился съ 20-го іюля по 28-е сентября 1845 года; въ іюлѣ 1846 года, по назначенію Синода, обозрѣвалъ Херсонскую семинарію и въ іюнѣ 1847 г. Кіевскую семинарію.

Эти сухія свѣдѣнія формулярнаго списка, не дающія никакого понятія о личности преосвященнаго Димитрія, прекрасно иллюстрируются воспоминаніями его учениковъ и лицъ, близко къ нему стоявшихъ.

«Преосвященнаго Димитрія,— пишетъ одно изъ такихъ лицъ, — я помню еще студентомъ Кіевской духовной академіи, въ которую онъ поступилъ изъ Рязанской семинаріи. Мое воспоминаніе относится къ тому времени, когда Климентъ Ивановичъ Муретовъ былъ уже въ старшемъ классѣ академіи. Это былъ юноша видный, высокій и стройный, смуглый брюнетъ. Длиннополый синій сюртукъ, блаженаго цвѣта жилетъ и панталоны—тогдашняя форма студентовъ академіи, — ничего не отнимали у представительности этого студента, а, казалось, сама эта скромная форма на немъ была выше ея дѣйствительнаго достоинства. Когда, бывало, студенты съ книжками, или тетрадями въ рукахъ, спѣшатъ по аллеямъ Братскаго монастыря, въ которомъ находится академія, Муретовъ своей осанистой фигурой выдѣлялся въ группѣ товарищей, чѣмъ и во мнѣ, — тогдашнемъ ученикѣ Кіевской семинаріи, — возбудилъ желаніе узнать его фамилію. Такимъ-то родомъ я узналъ и въ первый разъ увидѣлъ моего будущаго профессора и инспектора академіи, потомъ ректора и наконецъ архипастыря. Воскресаетъ въ памяти моей студентъ Муретовъ и какъ бывшій солистъ академическаго хора, особенно хорошо исполнявшій басовое соло въ концертѣ: «Покаянія отверзи ми двери, Жизнодавче». Почти за годъ предъ окончаніемъ курса онъ принялъ монашество съ именемъ Димитрія. Какъ теперь вижу двухъ иноковъ—студентовъ, одинаково рослыхъ и стройныхъ, всегда въ парѣ мѣрно и благоговѣйно исполнявшихъ діаконское служеніе при торжественныхъ священнодѣйствіяхъ

тогдашняго ректора академіи Иннокентія. Эти иноки—студенты были: о. Димитрій и товарищъ его о. Евгеній (Ильинскій, бывшій экзархъ Грузіи). У одного волосы были черные, какъ смоль, у другаго—золотисто-каштановые».

Слава о. Димитрія началась со школьной скамьи. Его магистерская диссертація «Пути Промысла Божія въ спасеніи грѣшниковъ» обнаружила въ авторѣ сильный природный талантъ, глубокое благочестіе, наблюдательность, начитанность, ту теплоту и нѣжность сердца, которая составляла существенную и неизмѣнную черту его характера во всю жизнь. Какъ профессоръ академіи онъ весь ушелъ въ науку. Должность библіотекаря для его любознательности оказалась самой удобной. Въ библіотекѣ, говорятъ, онъ проводилъ цѣлыя ночи за чтеніемъ; тамъ-же нерѣдко и засыпалъ, забывая, что есть на свѣтѣ удобство. Здѣсь пріобрѣлъ онъ громадный запасъ знаній богословскихъ и историческихъ, благодаря которымъ совершенно измѣнилъ преподаваніе богословскихъ наукъ, внеся въ него новый—историческій методъ. Солидность дарованій и образованія сразу выдвинули его изъ ряда прочихъ профессоровъ и пріобрѣли всеобщее уваженіе.

«Я хорошо помню о. Димитрія профессоромъ», вспоминаетъ одинъ изъ его слушателей. «Ровно въ 10 часовъ мѣрнымъ, какъ размахи маятника, шагомъ проходилъ онъ изъ своей квартиры въ аудиторію. Подойдя спокойной и ровной поступью къ каѳедрѣ, онъ не поднимался на нее, не садился за столъ, но, сдѣлавъ въ обѣ стороны легкій поклонъ, разъ или два проходилъ молча по классу, а затѣмъ раздавалось его классическое: «ну-съ, мы теперь подходимъ»... и лилась живымъ все болѣе и болѣе усиливающимся и расширяющимся потокомъ полная ума и знанія рѣчь. Привычнымъ мѣрнымъ шагомъ движется колоссальная фигура лектора взадъ и впередъ между двухъ рядовъ, превратившихся въ слухъ, студентовъ; сильный густой басъ его, съ

замѣтной сдержанностью раздается въ видѣ непрерывнаго, то слабѣющаго, то усиливающагося рокота или гула, котораго, однако, каждый звукъ ясно слышится на всей линіи движенія и на неизмѣнныхъ поворотахъ. Ни на минуту не остановится лекторъ, ни на одномъ словѣ не запнется и не поправится и никакой у него неточности, ни обмолвки, но самымъ тщательнымъ образомъ обработанная рѣчь. Порой поднимается его голосъ и вы слышите отборныя, блестящія фразы и снова затѣмъ льется ровная, гладкая, какъ ширь тихаго залива, рѣчь. Въ рукахъ у него ни книжки, ни тетради, ни клочка бумаги, а лекція переполнена подъ часъ ссылками, цитатами, свидѣтельствами и все это отъ слова до цифръ страницъ приводится съ поразительной точностью, на память. А лекціи тогда были двухъ-часовыя; и такъ отъ звонка до звонка три, или четыре раза въ недѣлю, а въ иные курсы и каждый день». Надо знать также, что эти лекціи, какъ и все, что выходило изъ-подъ пера преосвященнаго Димитрія, никогда не возбуждали толковъ, недоразумѣній и недоумѣній серьезнаго характера. Точныя, ясныя, передуманныя десятки разъ, сложившіяся, какъ плодъ убѣжденія, онѣ имѣли въ свое время высокое историческое значеніе, положили начало самостоятельной, чисто русской разработкѣ богословской науки. Студенты благоговѣли предъ этими лекціями. Этимъ чувствомъ благоговѣнія только и можно объяснить ту молву 70-хъ 80-хъ годовъ, что, будто, преосвященный Макарій воспользовался лекціями преосвященнаго Димитрія, записывая за нимъ и издалъ ихъ, обработавъ немного. Конечно, Макарій обязанъ Димитрію, какъ ученикъ учителю. Отъ учителя получилъ онъ твердость православныхъ убѣжденій, вѣрный методъ, знаніе лучшихъ источниковъ и литературы предмета. Но нѣтъ сомнѣнія, въ рукахъ преосвященнаго Макарія русская богословская и церковно-историческая наука ушла далеко

впередъ сравнительно съ тѣмъ уровнемъ, на какомъ она стояла, когда Макарій былъ студентомъ академіи.

Къ этому-же періоду дѣятельности преосвященнаго Димитрія относится слѣдующій случай, въ высшей степени рѣдкій и цѣнный при характеристикѣ его скромности, величавой благости и дѣвственной застѣнчивости. Случай имѣлъ мѣсто въ 1840 годахъ; на него намекаетъ и формуляръ, упоминая о командировкѣ о. Димитрія въ Петербургъ.

Въ 1845 году получается въ Кіевѣ бумага, что такого-то числа Государь Императоръ изволитъ прибыть въ Кіевъ, что останавливаться въ немъ не будетъ и встрѣчь какихъ нибудь особенныхъ быть не должно. Но такъ какъ Государь никогда не проѣзжалъ матери русскихъ городовъ, чтобы не поклониться ея святынямъ, хотя бы проѣздъ случился и въ полночь,—то митрополитъ Филаретъ, взявъ съ собой намѣстника Лавры и ректора академіи о. архимандрита Димитрія, приготовился встрѣтить Императора. Встрѣтилъ. Государь посѣтилъ даже одинъ изъ пещерныхъ храмовъ, усердно молясь и прикладываясь къ св. мощамъ и, видимо спѣша, направился къ ожидавшей его дорожной коляскѣ. Онъ отправлялся, какъ послѣ узнали, на югъ, на смотръ войскъ.

— «Ну, благослови меня, отецъ, сказалъ Государь, обращаясь къ митрополиту. Молись за меня, за вся христіаны, за мою семью». Митрополитъ благословилъ. Желая, вѣроятно, сказать и намѣстнику съ архимандритомъ — «прощайте»!, Государь взглянулъ на нихъ, но, ничего не сказавши, вдругъ спрашиваетъ митрополита, указывая на о. Димитрія: „это кто у тебя“?

— Это ректоръ здѣшней духовной академіи, о. архимандритъ Димитрій.

— «А!» — сдѣлавши этотъ короткій звукъ, Государь окинулъ архимандрита своимъ орлинымъ взоромъ и пристально посмотрѣлъ на его высокую статную фигуру. «И самъ я, —

разсказывалъ преосвященный Димитрій,—дѣтина дюжій; но чувствовалъ отъ этого взора, отъ этого вида русскаго царя, что какая-то дрожь пробѣжала по всему тѣлу, не выдержалъ орлинаго взгляда и невольно опустилъ свои очи долу.»

Государь еще разъ слегка поклонился намъ и еще разъ повторилъ: «молитесь за насъ святые отцы» и сѣлъ въ коляску. Она тронулась; но Государь снова обернулся къ намъ съ легкимъ наклоненіемъ своей царственной главы.

Чрезъ мѣсяцъ, или около того, нежданно-негаданно митрополитъ Филаретъ получаетъ бумагу отъ оберъ-прокурора Св. Синода, въ коей пишется, что по повелѣнію Государя Императора, ректоръ Кіевской Академіи архимандритъ Димитрій вызывается въ Петербургъ. Коротко, но не ясно.

Призываетъ меня владыка, показываетъ бумагу, и я чувствую, какъ на меня нападаетъ какая-то робость.

— «Зачѣмъ и почему»? спрашиваю митрополита.

— «Не знаю, о. Димитрій, но думаю, говоритъ, улыбаясь владыка, что тебя хотятъ сдѣлать россійскимъ патріархомъ: ты такъ похожъ на Никона, котораго крѣпко любилъ Алексѣй Михайловичъ. Не даромъ Государь Императоръ такъ пристально посмотрѣлъ на тебя. Но шутки въ сторону; робѣть и безпокоиться нечего; ни за тобой, ни за твоей академіей грѣховъ нѣтъ; вѣроятнѣе всего, что тебѣ дадутъ какую нибудь работу. Когда ты намѣренъ отправиться?»

— «Да нынѣ-же».

— «Чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше,»—сказалъ митрополитъ и простился со мной, благословивъ на дорогу.

Дѣйствительно, ночью того-же числа, взявъ съ собой келейника, я пустился въ дорогу и нигдѣ не останавливаясь даже для малыхъ отдыховъ, прибылъ въ столицу.

Прямо съ дороги, голодный, отправляюсь къ графу Протасову. Къ великому своему горю, я не засталъ графа дома, воротился въ лавру, кое-что перекусилъ изъ братской

трапезы, взялъ книжку и легъ на диванъ, чтобы сколько нибудь съ дороги отдохнуть. Дремота одолѣла меня и я заснулъ, какъ говорится, богатырскимъ сномъ. Но не прошло и двухъ часовъ, слышу сильный стукъ въ двери; всталъ, хотѣлъ отпереть дверь, но она оказалась запертой на замокъ. «Кто тамъ?»—спрашиваю.—«Я, графъ Протасовъ.»—«Простите великодушно, ваше сіятельство; очевидно, что келейникъ заперъ меня и ключъ взялъ съ собою».

— «Постарайтесь поскорѣе быть у меня», — сказалъ графъ и немедленно удалился крупными шагами: ясный признакъ, что былъ недоволенъ.

Къ вечеру мой келейникъ, вволю нагулявшись по городу, возвратился, и вывелъ меня изъ заключенія. Я немедленно отправился къ графу и на этотъ разъ засталъ его дома. Принялъ онъ меня добродушно, но помня свое графское достоинство и свою силу въ Сунодѣ. Краткую свою рѣчь онъ заключилъ такими словами: «завтра къ 12 часамъ дня пріѣзжайте ко мнѣ; я отвезу васъ во дворецъ. Государь Императоръ повелѣлъ доставить васъ его Величеству». —«Смѣю спросить ваше с—во: для какой цѣли»?—«Совершенно не знаю; то воля Государя».

Мы простились и я возвратился въ лавру. Къ безсоннымъ ночамъ, проведеннымъ въ дорогѣ, прибавилась новая, не совсѣмъ сонливая; вопросъ: зачѣмъ? не отставалъ отъ меня.

Къ 12 часамъ я былъ у графа и отправился съ нимъ во дворецъ. Здѣсь графъ сдалъ меня дежурному генералу, а самъ удалился. Генералъ необыкновенно ласково меня принялъ и сказалъ, что сейчасъ-же доложитъ о мнѣ Его Величеству. Оставивъ меня одного и возвратившись сказалъ: чрезъ пять минутъ Государь Императоръ изволитъ выйти къ вамъ; пойдемте со мной. Мы пошли; онъ ввелъ меня въ одну залу и откланялся.

Дѣйствительно, прошло не болѣе пяти минутъ, какъ отворяется одна изъ дверей и я увидѣлъ Государя.

— «Здравствуй, отецъ Димитрій, благослови меня. Садись». — Видя мою нерѣшимость, Государь снова повторилъ: «садись рядомъ со мной». Едва успѣлъ онъ спросить о здоровьи митрополита, о моемъ путешествіи, какъ является Государыня Императрица. — «Это моя жена», — сказалъ Государь; «благослови и ее». Я благословилъ.—«Садись съ нами». Я сѣлъ; съ одной стороны меня Государь, съ другой Государыня. Признаюсь, мнѣ припоминалась поговорка: сидѣть какъ на иглахъ. И сидѣть было какъ-то страшно, и встать боялся. Благо Государыня Императрица, видя, что я какъ будто самъ не свой, ободряла меня своимъ ласковымъ взоромъ. Немного прошло времени въ разспросахъ— какъ и что въ Кіевѣ, который, видимо, Государь и Государыня любили,—какъ начали входить то изъ одной, то изъ другой двери члены царственной семьи; каждый изъ нихъ подходилъ ко мнѣ и Государь обыкновенно говорилъ: «благослови, отецъ Димитрій»! Одного принесли на рукахъ. Государь велѣлъ и его благословить и обступила меня эта Богомъ благословенная царственная семья и каждый изъ членовъ ея пристально всматривался въ мои крупныя, конечно, не дышавшія нѣжностью, черты лица. Но здѣсь случилась одна забавная исторія. Одинъ изъ малютокъ царственной семьи подошелъ ко мнѣ, какъ говорится, вплотную и, вѣроятно, его особенно занимала моя борода, въ которую онъ и вцѣпился своими ручками, да такъ, что и выпутаться не могъ. Государь, увидѣвъ это, улыбнулся и сказалъ: «видишь, о. Димитрій, какъ мы привязались къ тебѣ и развязаться не можемъ» и собственными руками освободилъ узника изъ сѣтей, разставленныхъ моей бородой.

Давши насмотрѣться мнѣ на свою семью, Государь сказалъ: «теперь прощайте, времени нѣтъ, благословите насъ всѣхъ, молитесь за насъ, я вѣрю въ молитвы служи-

телей Божіей церкви». Окончательно прощаясь со мною, Государь Императоръ спросилъ: долго-ли я пробуду въ столицѣ? Я отвѣтилъ, что никакихъ дѣлъ не имѣю и прибылъ, чтобы исполнить волю Его Величества.—«И хорошо вы сдѣлали; погостите у насъ; посмотрите городъ, рѣдкости его, императорскую библіотеку, эрмитажъ; повидайтесь со своими знакомыми, которые вѣрно, найдутся здѣсь; а тамъ и съ Богомъ! Не забудьте отъ меня поклонъ нашему молитвеннику—митрополиту».

23-го декабря 1850 г. Именнымъ Высочайшимъ указомъ, даннымъ св. Синоду, повелѣно быть архимандриту Димитрію Епископомъ Тульскимъ; 4-го марта 1851 г. онъ былъ хиротонисанъ во епископа въ С.-Петербургскомъ Казанскомъ соборѣ; по указу св. Синода отъ 5-го октября того-же 1851 г., за смертью епископа Калужскаго, управлялъ Калужской епархіей; 13 апрѣля 1853, за ревностное служеніе и заботливость о паствѣ Всемилостивѣйше сопричисленъ къ ордену св. Анны I степени; 7-го апрѣля 1857 г., за отличие-усердное пастырское служеніе пожалованъ знаками ордена св. Анны I степени, украшенными короною; 11-го іюня того-же года именнымъ Высочайшимъ указомъ переведенъ на Херсонскую архіерейскую каѳедру.

Жизнь святителя въ Тулѣ впервые обнаружила въ христіански высокія качества его духа, какія видѣла потомъ Одесса. Безчисленныя толпы народа провожали его нѣсколько верстъ за городъ, при перемѣщеніи его на Херсонскую каѳедру. Говорятъ, что для выѣзда изъ Тулы нѣсколько разъ собирали ему деньги на дорогу: соберутъ и принесутъ, а онъ все раздастъ просящимъ, и снова не съ чѣмъ отправиться въ путь. А когда онъ, проѣздомъ изъ Одессы, посѣтилъ разъ Тулу, народъ толпами окружалъ его, чтобы принять дорогое благословеніе и получить хотя клочекъ листка съ его поученіями, которыя онъ раздавалъ на память. Случайно разорвавшіяся и выпавшія изъ рукъ святителя четки были расхвачены по зернышку народомъ,

какъ священная драгоцѣнность, Объяснили народу, что поступокъ его неблаговиденъ, хотя и произошелъ изъ усердія къ архіепископу и народъ собралъ всѣ зерна четокъ, связалъ ихъ и въ надлежащемъ видѣ препроводилъ къ преосвященному въ другой городъ, гдѣ онъ тогда находился.

Въ Одессѣ архіепископъ Димитрій провелъ лѣта полнаго мужества и болѣзненной старости. Въ первую половину управленія Херсонской епархіей, съ 11-го іюня 1857 г. по 2 окт. 1871 г., онъ, какъ видно изъ формуляра, Высочайше вызывался въ Петербургъ, для присутствованія въ святѣйшемъ Синодѣ, гдѣ и находился съ 1859 г. по 11 мая 1862 г., предсѣдательствуя по опредѣленію Синода въ комитетахъ 1) сокращенія переписки по духовному вѣдомству, 2) преобразованія духовныхъ семинарій, 3) улучшенія содержанія сельскаго духовенства. 3-го апр. 1860 г., во вниманіе къ отлично-усердному служенію и ревностнымъ пастырскимъ трудамъ всемилостивѣйше пожалованъ саномъ архіепископа; 8-го апр. 1862 г. въ ознаменованіе постояннаго служенія церкви, сопричисленъ къ ордену св. равноапостольнаго князя Владиміра,— 2-й степ. большаго креста; 16 апр. 1867 г. сопричисленъ къ ордену св. Благовѣрнаго князя Александра Невскаго при замѣчательномъ Высочайшемъ рескриптѣ. Текстъ этого рескрипта гласитъ слѣдующее: «Въ многолѣтнемъ вашемъ святительскомъ служеніи Мы, къ душевному утѣшенію нашему, видимъ обильные плоды управленія весьма попечительнаго, просвѣщеннаго и благотворнаго для церкви. Вашимъ вчиняніемъ и личными заботами изысканы способы къ возвышенію средствъ содержанія и внутренняго благоустройства духовныхъ училищъ въ епархіи; заведенія для воспитанія и призрѣнія сиротствующихъ семействъ — и дѣтей духовенства получаютъ постепенно бо́льшее и обширнѣйшее развитіе; паства путеводится ко спасенію ревностно, въ духѣ вѣры и истинной любви Христовой,

постоянно назидаемая и вашимъ словомъ и высокими образцами украшающаго васъ благочестія, при отеческомъ участіи къ нуждамъ каждаго изъ духовныхъ чадъ вашихъ. Въ изъявленіе особаго благоволенія Нашего къ столь отличному служенію вашему всемилостивѣйше сопричисляемъ» и проч... 11 іюля 1870 г., по всеподданнѣйшему докладу г. оберъ-прокурора св. Сунода, Государь соизволилъ разрѣшить принять и носить архіепископу Димитрію пожалованный ему Его Величествомъ королемъ Эллиновъ большой крестъ ордена Спасителя I степ. и, наконецъ 28 марта 1871 г. за доблестное служеніе отечеству и церкви пожаловалъ алмазные знаки ордена св. благовѣрнаго князя Александра Невскаго.

Жизнь архипастыря въ Одессѣ памятная и теперь еще очень многимъ, полна глубокаго значенія, а въ будущемъ составитъ одну изъ блестящихъ страницъ въ исторіи Русской іерархіи. Не обладая такимъ выдающимся административнымъ творчествомъ, какимъ отличался Иннокентій, преосвященный Димитрій оставилъ по себѣ имя великаго народнаго пастыря, благостнаго безсребренника, кроткаго изъ самыхъ кроткихъ, богомудраго среди мудрыхъ.

Прежде всего это былъ святитель съ величайшимъ благоговѣніемъ совершавшій службы Божіи. Одаренный величественнымъ видомъ, сильнымъ и пріятнымъ голосомъ, ясной дикціей, онъ совершалъ богослуженіе такъ, что невольно располагалъ къ молитвѣ всѣхъ. Въ его движеніяхъ, въ его взглядѣ, въ его поступи, въ его поклонахъ, хожденіи было столько высокой простоты, естественности и благоговѣнія, сколько можно встрѣтить лишь у самаго даровитаго съ богатымъ эстетическимъ развитіемъ художника. Качества эти составляли прямой плодъ его глубочайшей искренности, правдивости и благочестія. Тутъ не было ничего дѣланнаго, никакой рисовки, желанія показать себя, импонировать; было одно желаніе - быть яснымъ и внятнымъ при выраженіи молитвъ церкви. Около престола, въ

алтарѣ не замѣчалось ни суеты, ни бѣготни низшаго клира, боящагося сдѣлать какое нибудь упущеніе. Сдѣлано незначительное упущеніе,—на него, повидимому, не обращаютъ вниманія, чтобы не нарушить благоговѣйнаго настроенія служащихъ. Сдѣлано болѣе значительное упущеніе, — архіепископъ вздохнетъ только и молитвенно подниметъ глаза къ небу. А съ какимъ благоговѣніемъ онъ самъ молился, повергался предъ престоломъ по освященіи св. Даровъ, при пѣніи «Отче нашъ», во время, такъ называемой, выкличи, когда протодіаконъ произноситъ, что св. Дары приносятся «о спасеніи Благочестивѣйшаго Государя нашего и всего царствующаго дома»!... И молитвы архипастыря имѣли силу предъ Богомъ. Не можемъ не припомнить такой замѣчательный случай. Въ одинъ изъ 60-хъ годовъ въ Одессѣ была страшная засуха; на небѣ ни облачка; растенія и посѣвы погибали; барометръ не обѣщалъ дождя цѣлыя недѣли. Святитель приглашенъ былъ служить литургію въ кладбищенской церкви. Послѣ обычнаго облаченія, онъ распорядился служить молебенъ о дарованіи дождя. Къ удивленію и радости присутствовавшихъ въ половинѣ литургіи надъ самымъ куполомъ кладбищенской церкви вдругъ образовалось густое облако, разросшееся въ тучу, которая покрыла горизонтъ и разрѣшилась обильнымъ дождемъ. Кромѣ благодарнаго умиленія предъ Богомъ, на лицѣ архіепископа нельзя было замѣтить и тѣни самодовольства, торжества.

Считая проповѣдь одной изъ главныхъ обязанностей пастыря, преосвященный Димитрій проповѣдывалъ очень часто. Послѣ его кончины нашли цѣлые ящики въ столахъ, наполненные его проповѣдями. Печаталъ ихъ онъ крайне неохотно, не придавая имъ по своей скромности почти ни какой цѣны. Тѣмъ не менѣе эти проповѣди въ исторіи русскаго проповѣдничества займутъ весьма почтенное мѣсто. Содержательныя, изложенныя языкомъ оригинальнымъ, но въ высшей степени обработаннымъ, онѣ дышатъ такой сер-

дечностью и святостью, какія можно найти только развѣ у святителя Димитрія Ростовскаго.

На обязанности своей службы архипастырь смотрѣлъ совершенно по-евангельски. Для службы онъ не щадилъ себя, доводя труды до самоотверженія. Его приглашаютъ служить,—онъ отправляется, хотя силы и слабы. Продолжительный обморокъ, случившійся съ нимъ однажды въ 70-хъ годахъ за службой въ Одесской Успенской церкви, ясно показываетъ, до какой степени мало преосвященный Димитрій щадилъ себя. Вообще, что онъ считалъ своимъ долгомъ, то выполнялъ искренно, аккуратно, съ неподражаемымъ самоотреченіемъ. Сильные лѣтніе жары для него ничего не значили. Онъ каждый день выѣзжалъ на экзамены въ учебныя заведенія и просиживалъ на нихъ далеко за полдень. Съ вниманіемъ выслушивая отвѣты, онъ самъ много говорилъ въ дополненіе и разъясненіе того, о чемъ шла рѣчь отвѣчавшихъ. И тутъ спеціалисты, годами изучавшіе свой предметъ, часто выслушивали такія свѣдѣнія мысли и взгляды, которые представляли имъ давно извѣстный предметъ въ совершенно новомъ и гораздо болѣе правильномъ освѣщеніи.

Не щадя себя для службы, преосвященный Димитрій крайне щадилъ другихъ. Личнымъ оскорбленіямъ и нарушенію своего личнаго права онъ не придавалъ никакого значенія. Его неисчерпаемой добротой иногда злоупотребляли, его величавую душу не всѣ достойно цѣнили,—онъ все прощалъ, все терпѣлъ, онъ понималъ силу раздраженія... Не было, кажется, такого дѣянія, которое онъ не забылъ-бы, если видѣлъ раскаяніе. Имѣвшіе несчастье совершить непохвальные поступки въ другихъ епархіяхъ иногда обращались къ его отзывчивому сердцу,—онъ не отказывалъ. И зло не увеличивалось, и число несчастныхъ дѣлалось меньше.

Великая сила самоотреченія и любви сказалась особенно въ его дѣлахъ милосердія. Границъ послѣднему онъ никогда

не ставилъ и не зналъ. Такія границы являлись или когда у него вовсе не оставалось средствъ, или когда къ нему недопускали просителей. Разъ, выѣзжая изъ Кіева, онъ обратился къ митрополиту съ просьбой дать ему на дорогу 400 рублей; митрополитъ далъ 200, сказавъ, что остальныя «пришлетъ въ вагонъ», — и прислалъ. Пріѣзжалъ онъ однажды изъ Кіева въ Орелъ по одному порученію, оттуда заѣхалъ на свою родину, въ Рязанскую губернію и отдалъ тамъ все, что было, забывъ,—какъ доѣдетъ до Кіева. Во время финляндскаго голода приходятъ къ владыкѣ Димитрію съ книгой по сбору на голодающихъ и просятъ благословить доброе дѣло. «Да что, братъ, отвѣчаетъ владыка,—благословенія одного мало, надо дать что нибудь, но повѣрите-ли: гроша нѣтъ за душой; приходите перваго числа и я что нибудь дамъ». Взявъ книгу, онъ написалъ въ ней 25 руб., которые и были получены перваго числа.— «И то, что захватилъ, — замѣтилъ преосвященный, передавая деньги, — пошло-бы на уплату моихъ долговъ, изъ которыхъ я какъ-то не выпутаюсь».

«Идя разъ по Софійской улицѣ (въ Одессѣ), — вспоминаетъ Палимпсестовъ,—встрѣчаю каѳедральнаго протоіерея И. М. Знаменскаго, который во всю свою жизнь пользовался общимъ глубокимъ уваженіемъ. Онъ только что вышелъ отъ преосвященнаго Димитрія и, встрѣтивъ меня, вѣроятно, подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ только что видѣннаго и слышаннаго, не могъ не удержаться, чтобы не сказать: «что за дѣтски-простая душа у нашего Владыки»!

— А что?

— «Покончивъ со мною дѣла по консисторіи, обращается онъ ко мнѣ съ просьбой: о. Іоаннъ дайте мнѣ до перваго числа рублей пятьдесятъ въ займы; приходятъ, просятъ, а въ карманѣ и гроша мѣднаго нѣтъ».

— Я съ удовольствіемъ дамъ Вамъ, Владыка, но у Васъ должны быть деньги; возвратившись изъ Петербурга

Вы еще хвалились, что привезли съ собой много золотыхъ, даже показывали ихъ намъ.

— «Были о. Іоаннъ, и золотые и серебряные, да всѣ спылили.»

— Да куда-же они улыли отъ Васъ въ такое короткое время?

— «Право не знаю; я положилъ ихъ въ этотъ ящикъ, (при чемъ владыка выдвинулъ одинъ изъ ящиковъ своего письменнаго стола), замѣчалъ, что ихъ становится меньше; а нынѣ хватился—ни одного нѣтъ; вѣрно пѣвчурки мои все растащили; ребятки молодые: то орѣшковъ, то пряничковъ захочется.»

— Но Вы бы, Владыко, запирали ящикъ съ деньгами.

— «Да развѣ, о. Іоаннъ, такія нужныя для всѣхъ вещи запираются?» —сказалъ владыка и засмѣялся своимъ добрѣйшимъ смѣхомъ.

— Конечно, продолжалъ о. Іоаннъ, — я отнесу ему 50 рублей; но на долго-ли?

Однажды къ преосвященному явилась бѣдная женщина, прося вспомоществованія. Владыка безъ лишнихъ словъ вручилъ ей конвертъ съ деньгами, только что полученный за погребеніе купца Посохова. Поблагодарила просительница, вышла изъ архіерейскаго дома, вскрыла пакетъ, видитъ: тысяча рублей. Въ испугѣ бѣжитъ обратно. «Святой Отецъ, ты должно быть ошибся, здѣсь цѣлая тысяча»?! — «Нѣтъ, отвѣчаетъ преосвященный Димитрій съ своей добродушной улыбкой,—иди, дочь моя! Это не я далъ тебѣ, это тебѣ Богъ послалъ».

Широта и всеобъемлемость духа мира, о которомъ всѣ пастыри и архипастыри громко заявляютъ, въ Святителѣ Димитріѣ сказалась особенно выпукло въ 1871 году. Напечатанное имъ тогда и распространенное среди народа тысячами экземпляровъ «Пастырское воззваніе къ православнымъ жителямъ Одессы», по поводу нападенія на евреевъ, произ-

вело сильное впечатлѣніе на взбунтовавшіяся массы. Преосвященный горько плакалъ, составляя это «Посланіе». «Съ тяжкой скорбью,—писалъ онъ,—слышали мы въ дни святой Пасхи, какъ цѣлыя толпы людей, именующихъ себя православными сынами церкви, не взирая на святость настоящихъ дней, якобы во имя св. вѣры и церкви, а на самомъ дѣлѣ къ поруганію ихъ, буйствовали на площадяхъ и городскихъ улицахъ, заводя драки и побоища съ согражданами своими—евреями, разбивая окна еврейскихъ домовъ, разрушая ихъ торговыя лавки и проч.... Мы по священной обязанности нашей должны объяснить ослѣпленнымъ, какой сдѣлали они тяжкій грѣхъ предъ православною вѣрою и церковью, предъ Господомъ Іисусомъ Христомъ и предъ благочестивѣйшимъ Царемъ нашимъ... Истинная честь вѣры Христовой состоитъ въ томъ, когда исповѣдывающіе ее сіяютъ яко свѣтила въ мірѣ, возвѣщая своею жизнью и дѣлами, добродѣтели Призвавшаго ихъ отъ тьмы въ чудный свой свѣтъ... Святѣйшее имя Божіе прославляется не поруганіемъ надъ невѣрующими, а дѣлами добрыми и святою богоугодною жизнью... Сознайте же, что ваше буйство и неистовство есть посрамленіе вѣры Христовой, безчестіе Православной Церкви, тяжкое оскорбленіе имени Христова, осквернение святыхъ дней свѣтлаго торжества церковнаго. Теперь всѣ невѣрные и иноземцы будутъ, дѣйствительно, насмѣхаться надъ нами и говорить: вотъ какова ихъ вѣра; на словахъ они—христіане; а по дѣламъ хуже язычниковъ! Вотъ какова эта Русь православная, что и между дикими не встрѣтишь такого самоуправства, своеволія, непослушанія властямъ, какъ у нихъ! Чего-же смотрятъ ихъ духовные пастыри! Вѣрно и они такіе же слѣпые вожди слѣпцевъ, которые, не разумѣя ни силы слова Божія, ни духа вѣры Христовой и сами идутъ и ихъ ведутъ въ пропасть погибели.... И восплачется о насъ Святая Церковь... И опечалится о насъ тяжкою скорбью чадолюбивое сердце Отца

нашего Благочестивѣйшаго Государя... Умоляемъ Васъ, братія, именемъ воскреснаго Господа: изгоните изъ сердецъ вашихъ всякую злобу, гнѣвъ и огорченіе; престаньте отъ злыхъ начинаній вашихъ и отъ беззаконныхъ дѣлъ неразумной ревности».

Неудивительно, что пастыря съ такими высокими качествами, съ такой рѣдкой душой оплакивала Одесса, когда онъ былъ переведенъ на дальній сѣверъ — въ Ярославль. Неудивительно, что, когда преосвященный Димитрій проѣздомъ изъ Одессы въ Ярославль былъ въ Москвѣ и имѣлъ тамъ въ Чудовомъ монастырѣ служеніе, то на это служеніе поспѣшили всѣ торгующіе въ Москвѣ ярославцы, а нѣкоторые купцы пріѣхали на встрѣчу своему новому архіерею изъ Ярославля. И вотъ, когда потомъ объ его служеніи между ярославцами и москвичами былъ разговоръ, послѣдніе свое мнѣніе о преосвященномъ Димитріѣ выказали такое: «мы бы за этого архіерея отдали всѣхъ трехъ своихъ», т. е. своего митрополита съ его викаріями.

26-го апрѣля 1876 года Высочайше утвержденнымъ докладомъ Сунода владыка перемѣщенъ былъ на Волынскую архіерейскую каѳедру. Надѣялись, что мягкій климатъ юга будетъ для него болѣе благопріятенъ, чѣмъ суровый сѣверный. Надежды, однако, не оправдались. Давняя болѣзнь его—ревматизмъ ногъ здѣсь сверхъ ожиданія осложнилась: къ ревматическимъ болямъ присоединились страданія сердца. Представилась преосвященному возможность возвратиться на службу въ Одессу 20 февраля 1882 года. Онъ съ радостью принялъ это перемѣщеніе; но съ грустью и съ смиреніемъ указалъ на свои угасающія силы въ первомъ-же, вступительномъ по возвращеніи въ Одессу, словѣ. «Вамъ извѣстны,—говорилъ онъ,—и наши немощи и наша скудость духовная, къ которымъ прибавились еще новые недуги отъ долгаго странствованія по другимъ мѣстамъ и отъ естественной дряхлости, порождаемой преклонностью лѣтъ...

Чѣмъ, думалъ я могу утѣшить дорогую для меня паству Херсонскую?... Увы! Земная храмина моя приходитъ въ разрушеніе и я приношу съ собой одинъ ея развалины. Мои силы и душевныя и тѣлесныя постоянно ослабѣваютъ и угасаютъ и слабое ихъ мерцаніе не можетъ замѣнить того свѣта, который по заповѣди Христовой, въ лицѣ пастыря долженъ свѣтить всѣмъ. Эта горькая для меня мысль невольно приводила меня въ смущеніе и недоумѣніе. Я съ горестью спрашивалъ себя: какую пользу можетъ принести паствѣ Херсонской мое возвращеніе къ ней? И не лучше-ли и для себя и для нея оставить совсѣмъ свое служебное поприще иному, могущему паче мене и позаботиться о спасеніи своей души въ уединеніи и неизвѣстности»? Честь возвращенія на каѳедру, ранѣе занимаемую, была, дѣйствительно, безпримѣрна; видно, что архипастыря всѣ безъ исключенія любили и заботились поддержать его угасавшія силы; но и сердце сжалось отъ боли у одесситовъ, издавна архипастыря знавшихъ, когда они увидѣли предъ собой сгорбленнаго, съ трудомъ передвигавшаго ноги, старца, болѣзненнаго, лишившагося силъ и здоровья. Радовало одно: духъ преосвященнаго по прежнему оставался бодрымъ, могучимъ. Ни въ управленіи, ни въ проповѣднической дѣятельности его не замѣчалось упадка. Правда, архипастырь не могъ служить литургію два дня сряду; но служилъ часто и до послѣднихъ дней проповѣдывалъ. И проповѣди эти были не краткія, не сжатыя, не непродуманныя, но обширные трактаты о существенныхъ предметахъ вѣры и жизни, составляющіе плодъ долгихъ размышленій, глубокаго убѣжденія. И писалъ ихъ онъ по прежнему собственноручно, наканунѣ произнесенія; и легко выливались онѣ изъ глубины его духа, такъ легко, что въ оригиналѣ почти не встрѣчается поправокъ.

Свѣтлое настроеніе, ясность мысли, твердость памяти теперь даже какъ-будто стали сильнѣе, отчетливѣе. Воспро-

изводимъ два характерныхъ въ этомъ отношеніи случая. По поводу рѣчи, читанной на одномъ актѣ на тему «порабощеніе женщины на Руси», заведенъ былъ разговоръ съ преосвященнымъ Димитріемъ о современныхъ бракахъ по любви и свободному выбору. Архіепископъ, вздохнувши, замѣтилъ: «тѣмъ не менѣе теперь, кажется, больше несчастныхъ браковъ и супружествъ, чѣмъ было прежде. Нынѣ все дѣло предоставляютъ собственному благоразумію, или собственному сердцу; много на себя полагаются и выходитъ худо. Скоро надоѣдаютъ другъ другу, разочаровываются и разрываютъ священный союзъ. Прежде смотрѣли на дѣло иначе. Вступали въ бракъ такъ-же, какъ давали обѣты монашества; смотрѣли на супружескій союзъ, какъ на подвигъ самоотреченія,—и выходило лучше. Бывали неудовольствія иногда, но считая брачный союзъ святыней, скоро мирились,—и были счастливѣе». — Другой разъ разговоръ перешелъ на оцѣнку направленія 60-хъ годовъ. Рисуя картину положенія современной интеллигенціи и видя, что слова его вызываютъ морщины на лицахъ слушателей, владыка вдругъ мѣняетъ рѣчь и обращается къ одному изъ нихъ съ вопросомъ: «вы помните стихи графа Толстаго, котораго по нѣкоторымъ произведеніямъ нельзя не поставить выше Пушкина?»

— «Какіе, владыка?» спрашиваетъ тотъ.

— «Это тѣ, гдѣ мы—какъ въ зеркалѣ,—Русь отъ начала до сего дня».

— «Я читалъ ихъ. Помню содержаніе, но не могу прочитать наизусть ни одного стиха».

— «А я помню».

Сказавъ «помню», преосвященный Димитрій читаетъ почти всю вторую половину стихотворенія «Потокъ—богатырь» и во время чтенія самымъ добродушнымъ образомъ смѣется.

— «Какъ это, владыка, нашлось у васъ время выучить эти стихи?!» удивляется одинъ изъ собесѣдниковъ.

— «Выучить? да развѣ такіе стихи надо учить? достаточно и прочитать разъ, много два».

— «Но вѣдь съ тѣхъ поръ, какъ они напечатаны, времени прошло достаточно; можно и забыть».

— «Хорошія вещи не забываются».

Послѣднюю литургію преосвященный Димитрій совершилъ 8-го ноября въ Одесскомъ Михайловскомъ женскомъ монастырѣ; послѣдній акаѳистъ предъ чудотворною Касперовскою иконою читалъ онъ въ каѳедральномъ соборѣ 11-го ноября, читалъ, какъ говорили очевидцы, съ особенной выразительностью. 14-го ноября онъ готовился совершить литургію по случаю дня рожденія Ея Величества Государыни Императрицы; съ вечера совершилъ правило, прилегъ отдохнуть, но всю ночь не уснулъ. Вставъ утромъ, онъ не чувствовалъ никакого особеннаго утомленія, читалъ молитвы къ св. причащенію и собирался въ церковь. Раздался благовѣстъ къ литургіи. Архіепископъ совершенно одѣлся и выходилъ уже изъ внутреннихъ покоевъ, чтобы отправиться въ соборъ. Вдругъ онъ почувствовалъ слабость и, сомнѣваясь, въ состояніи-ли будетъ совершить литургію, послалъ сказать, чтобы служили безъ него; самъ возвратился въ спальню и прилегъ. Чрезъ нѣсколько минутъ, безъ всякой агоніи, въ 9 часовъ 35 минутъ утра онъ скончался.

Сочиненія преосвященнаго Димитрія, архіепископа Херсонскаго и Одесскаго.

1) «Пути Промысла Божія въ спасеніи грѣшниковъ». Собраніе сочиненій студентовъ Кіевской духовной академіи, т. I.

2) «Слова, бесѣды и рѣчи» — печатались въ Воскресномъ Чтеніи, Православномъ Обозрѣніи, въ Волынскихъ и Херсонскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ. Особыя изданія «Словъ, бесѣдъ и рѣчей»: Кіевское въ двухъ томахъ (типографія Кіево-Печерской лавры); вышелъ I т., II т. сгорѣлъ въ типографіи; Тульское и Ярославское.

«Слова, бесѣды и рѣчи». СП. 1885 г., т. I. Рецензъ. В. Ѳ. Пѣвницкаго. Б. Б. Л. 1885, № 4, 97—114.

Полное собраніе проповѣдей Димитрія, архіепископа Херсонскаго, т. I—V. Москва 1889—1890 г. Изд. Карцева.

Литература о преосвященномъ Димитріи. Некрологъ его въ Запискахъ Одесскаго Общества Исторіи и Древностей, т. XIV, стр. 781—786. Лебединцева. — Памяти святителя Димитрія. Изданіе редакціи Херсонск. Епарх. Вѣдом. Од. 1883 г. — Палимпсестовъ: Мои воспоминанія. СП. 1888, стр. 204—214. — Послѣднее слово преосвященнаго архіепископа Димитрія къ Одесской паствѣ и прощаніе съ нимъ Херсонской паствы и Одессы. Брош. Одесса, 1875 г. Памяти архіепископа Димитрія Одесскаго К. Б. Истор. Вѣст. 1884, 2, стр. 341.

Архіепископъ Леонтій Лебединскій.

25 октября 1874 г.—19 ноября 1875 г.

Въ ноябрѣ 1891 года на Московскую митрополичью каѳедру возведенъ, а въ августѣ слѣдующаго года скончался преосвященнѣйшій Леонтій, архіепископъ Холмско-Варшавскій (съ 1875 г. по 1891 г.).

Если воспроизведемъ предъидущее служеніе преосвященнаго Леонтія православной церкви и государству, то предъ умственнымъ взоромъ пройдетъ цѣлый рядъ важныхъ заслугъ его на поприщахъ учебномъ, пастырскомъ и административномъ, оказанныхъ въ разныхъ предѣлахъ отечества въ томъ числѣ и въ Херсонской епархіи.

Преосвященный Леонтій, въ мірѣ Иванъ Алексѣевичъ Лебединскій, уроженецъ Воронежской епархіи; окончилъ курсъ наукъ въ Воронежской семинаріи, высшее образованіе получилъ въ С.-Петербургской духовной академіи. Преданіе сохранило отъ его учебныхъ юношескихъ лѣтъ не незнаменательный разсказъ о фактѣ, бывшемъ въ 1843 г. и лично его касающемся. Фактъ слѣдующій: въ 1843 году на публичный экзаменъ въ Воронежской семинаріи прибылъ мѣстный архіепископъ Антоній, личность высокой христіанской жизни, извѣстная среди іерархіи своимъ живымъ уча-

стіемъ въ открытіи мощей Святителя Митрофана Воронежскаго. Пѣвчіе пропѣли: «Днесь благодать Св. Духа насъ собра»; владыка занялъ свое мѣсто. И вотъ предъ него выступаетъ молодой, стройный, высокій семинаристъ и звучнымъ голосомъ, съ необыкновеннымъ воодушевленіемъ говоритъ привѣтственную рѣчь. Растроганный владыка съ особымъ чувствомъ благословилъ, наклонившаго предъ нимъ голову, оратора и, возложивъ на нее свои руки, замѣтно для всѣхъ прочиталъ какую-то молитву. Эта минута, эта святительская молитва, совершенная публично, произвела на всѣхъ присутствующихъ необычайно сильное впечатлѣніе. Всѣ отъ губернатора до послѣдняго семинариста невольно переглянулись между собой, какъ-бы задавая другъ другу вопросъ: сей-же что? У многихъ тутъ-же запала въ сердце дума, что ораторъ непремѣнно будетъ современемъ свѣтильникомъ русской церкви. Этотъ Воронежскій ораторъ 1843 года и былъ Иванъ Алексѣевичъ Лебединскій, впослѣдствіи (48 лѣтъ спустя) Московскій митрополитъ.

По окончаніи академическаго курса въ 1847 году, со степенью магистра и по постриженіи въ томъ-же году въ монашество съ именемъ Леонтія, И. А. Лебединскій выступилъ на общественное служеніе. Первыя 12 лѣтъ службы его были посвящены воспитанію и образованію духовнаго юношества въ среднихъ и высшихъ учебныхъ заведеніяхъ. Іеромонахъ Леонтій, первоначально профессоръ С.-Петербургской духовной семинаріи и помощникъ ректора, былъ переведенъ потомъ въ Кіевъ, гдѣ послѣдовательно занималъ должности инспектора семинаріи и академіи. 15-го февраля 1853 г. онъ возведенъ въ санъ архимандрита. Въ 1856 г. назначенъ на должность ректора, сначала Владимірской, затѣмъ Новгородской и С.-Петербургской семинарій. Въ 1860 г., по Высочайше утвержденному 5-го марта опредѣленію Св. Синода, ему повелѣно быть викаріемъ С.-Петербургской епархіи, съ рукоположеніемъ въ санъ епископа ревельскаго. Такимъ обра-

зомъ, преосвященный Леонтій профессоромъ и руководителемъ разныхъ учебныхъ заведеній пробылъ 12 лѣтъ; по себѣ онъ оставилъ, повсюду гдѣ служилъ, слѣдъ серьезнаго ученаго, опытнаго педагога, спокойнаго, твердаго правителя.

Въ 1861 году, будучи викаріемъ С.-Петербургской митрополіи, епископъ Леонтій совершилъ путешествіе въ Парижъ, для освященія, созданнаго въ столицѣ Франціи протоіереемъ І. В. Васильевымъ, православнаго храма. Онъ былъ первый русскій архіерей, побывавшій въ иновѣрной Европѣ и, по свидѣтельству очевидцевъ, произвелъ тамъ какъ на русскую колонію, такъ и на французовъ, имѣвшихъ случай быть съ нимъ въ одномъ обществѣ, самое выгодное впечатлѣніе своимъ умомъ, обаятельнымъ обхожденіемъ и другими качествами.

Епархіальная дѣятельность преосвященнаго Леонтія, начатая въ Петербургѣ подъ руководствомъ митрополита Исидора, проявилась въ полномъ своемъ блескѣ сперва въ Подольской епархіи, затѣмъ Херсонской и Холмско-Варшавской.

Въ Каменецъ-Подольскъ епископъ Леонтій прибылъ 13 февраля 1864 г. Существенная черта его дѣятельности здѣсь —самобытность. Органически соединившись съ паствой, онъ заботился какъ о духовенствѣ, такъ и о народѣ. Заботы о духовенствѣ начиналась тамъ, гдѣ оно подготовлялось къ своей жизни и дѣятельности, т. е. съ семинаріи, училищъ; продолжались въ сферѣ церковно-приходской практики; заканчивались, гдѣ требовалась помощь вышедшему за штатъ духовенству, безпомощнымъ вдовамъ, безпріютнымъ сиротамъ. Заботы о народѣ выразились въ широкомъ устройствѣ братствъ, попечительствъ, церковно-приходскихъ школъ, пріютовъ, въ фактахъ духовно-просвѣтительнаго вліянія (на народъ).

Чтобы улучшить матерьяльную сторону духовно-учебныхъ заведеній, прекратить частые выходы наставниковъ изъ семинаріи, дать возможность учащимся безпрепятственно заниматься своимъ дѣломъ и не тратить напрасно

силъ на борьбу съ нуждой, преосвященный Леонтій расположилъ Подольское духовенство къ епархіальнымъ взносамъ, которые при немъ достигли крупной суммы—57850 р. На взносы духовенства постепенно увеличено было содержаніе наставниковъ, улучшены школьный бытъ и обстановка казенно-коштныхъ воспитанниковъ, построенъ новый семинарскій корпусъ. Въ этомъ корпусѣ скоро появилась обширная домовая церковь. Чрезъ пять лѣтъ послѣ постройки новаго семинарскаго зданія сооруженъ былъ еще корпусъ для интерната и всѣ воспитанники семинаріи поставлены въ наилучшія условія, самыя благопріятныя и для ихъ жизни и для воспитанія и для образованія. Средствомъ къ улучшенію учебной части въ семинаріи главнымъ образомъ послужило то, что старая система экзаменовъ не по всѣмъ предметамъ была оставлена. Обращено особенное вниманіе на сочиненія, изъ которыхъ лучшія, особенно проповѣди, предетавлялись на разсмотрѣніе самого владыки. Для развитія вкуса въ церковной живописи открытъ былъ классъ иконописи.

Въ 1864 году Преосвященный Леонтій открылъ въ Каменцѣ училище для дѣвицъ духовнаго званія и также лично наблюдалъ за его благосостояніемъ.

Своимъ нравственнымъ вліяніемъ и энергичнымъ воздѣйствіемъ Преосвященный, можно сказать, пересоздалъ нравственное состояніе Подольскаго духовенства. Послѣднее до его управленія, живя сельской жизнью, занимаясь главнымъ образомъ хозяйствомъ въ широкихъ размѣрахъ, а пастырской дѣятельностью лишь отчасти, не знало никакихъ идеаловъ, не имѣло никакихъ другихъ интересовъ, кромѣ интересовъ наживы. Объ архіереѣ слыхали, когда наступала ревизія. Благочинные или злоупотребляли властью, или ничего не дѣлали. Въ консисторіи царило взяточничество. Дома священники не стѣснялись разговаривать по-польски; по внѣшнему виду съ трудомъ отличались отъ

мѣщанъ, крестьянъ: большинство вмѣсто шляпъ носило картузы, вмѣсто рясъ — бурки. Между тѣмъ 60-ые годы были временемъ всеобщаго возбужденія. Въ государствѣ шли реформы одна за другой. Крестьяне получили свободу, почувствовали нужду въ просвѣщеніи, потребовали отъ пастырей живаго слова, назиданія. Преосвященному Леонтію пришлось будить духовенство, звать его къ новой жизни, указывать, разъяснять новыя задачи. Съ своей энергіей онъ въ этомъ дѣлѣ успѣлъ. Переработавъ прежде всего вопросъ о благочинныхъ, онъ провелъ въ жизнь мысль, что лица носящія эту должность, должны быть посредствующимъ звеномъ между епархіальной властью и духовенствомъ; должны наблюдать, чтобы архіерейскія распоряженія духовенствомъ исполнялись и слѣдить за тѣмъ, чтобы въ жизни и дѣйствіяхъ послѣдняго не было ничего такого, что можетъ ранять высокое пастырское званіе. Въ видахъ безпристрастнаго рѣшенія благочинными дѣлъ на мѣстѣ и представленія духовенству значительной доли самоуправленія, преосвященный учредилъ (1870 г.) благочинническіе совѣты, допустилъ выборы благочинныхъ духовенствомъ и вводилъ эту мѣру постепенно, давая всякій разъ, когда открывалась новая вакансія, особое разрѣшеніе на избраніе благочиннаго посредствомъ закрытой баллотировки.

По мысли и волѣ преосвящ. Леонтія подольское духовенство узнало, что такое церковныя и окружныя библіотеки, какъ надо вести лѣтописи, что въ нихъ записывать.

Сильны были и свѣжи въ Подоліи преданія уніатской старины. Владыка, заботясь о чистотѣ православнаго обряда, издалъ рядъ распоряженій касательно этихъ остатковъ уніи, напр.: чтобы хоругви въ храмахъ были православныя, а не латинскія знамена; чтобы богослужебныя книги были всѣ православной печати; чтобы крещеніе совершалось чрезъ погруженіе, а не чрезъ обливаніе; чтобы въ церквахъ были крестики какъ для возложенія на крещаемыхъ, такъ и для

продажи желающимъ; чтобы свѣчи стеариновыя въ церквахъ отнюдь не употреблялись вмѣсто восковыхъ и т. д.

Для заштатнаго духовенства епархіи, для вдовъ и сиротъ духовнаго званія, по мысли владыки возникли окружныя попечительства, съ ежегоднымъ сборомъ отъ 9 до 10 тысячъ рублей, получила начало и благоустройство эмеритура, которая уже въ 1881 г. располагала капиталомъ въ 218.000 р.

Наконецъ за 10 лѣтъ управленія преосвященнымъ Леонтіемъ, Подольская епархія покрылась храмами, старыя церкви были повсюду обновлены; раскинулись густою сѣтью церковно-приходскія школы, въ которыхъ число учащихся дѣтей обоего пола къ 1874 году достигло до 19800 человѣкъ.

25 октября 1874 г. преосвященный Леонтій, возведенный годомъ ранѣе въ санъ архіепископа, перемѣщенъ былъ на каѳедру Херсонской епархіи. Коротко было его служеніе здѣсь,—всего только годъ, но тѣмъ не менѣе весьма плодотворно. Какъ-бы предчувствуя скорую разлуку, онъ поспѣшилъ сообщить свои архипастырскія воззрѣнія въ посланіи отъ 25 декабря 1874 года. Этотъ памятникъ, излагающій руководительныя начала жизни и дѣятельности православныхъ пастырей, можетъ считаться показателемъ громадной практической опытности, прямыхъ взглядовъ архіепископа на вещи и благороднаго довѣрія къ духовенству.

Первые полгода преосвященный знакомился съ Одессой, то совершая богослуженіе и проповѣдуя (въ недѣлю 29 и 30 по пятидесятницѣ, при освященіи теплой церкви въ Успенскомъ Одесскомъ храмѣ, при освященіи придѣла въ честь св. великомученика Димитрія въ греческой церкви, въ мясопустную недѣлю, въ 4 недѣлю св. Пасхи и 25 марта), то выступая при посѣщеніи учебныхъ заведеній и благотворительныхъ учрежденій, то бесѣдуя въ общественныхъ собраніяхъ и частныхъ домахъ. 23 апрѣля 1875 г. имъ предпринято было обозрѣніе епархіи, продолжавшееся 37 дней.

Владыка посѣтилъ до 116 храмовъ, Бизюковъ монастырь, имѣлъ случаи видѣть жизнь сельскаго духовенства, (ему представлялось до 280 причтовъ) и самые отдаленные пункты своей епархіи (въ 37 дней сдѣлано около 2000 вер.).

Результатомъ изученія церковной жизни края и его религіозныхъ нуждъ были мѣры, коснувшіяся духовноучебной области и епархіальнаго управленія. Консисторія получила рядъ предписаній 1) о составленіи новаго распредѣленія благочинническихъ округовъ; 2) объ учрежденіи церковн. и окружныхъ благочинническихъ библіотекъ; 3)объ учрежденіи окружныхъ депутатовъ и избраніи кандидатовъ на эти должности; 4) о пріобрѣтеніи и продажѣ при церквахъ крестиковъ; 5) о веденіи церковно-приходскихъ лѣтописей; 6) объ открытіи въ Одессѣ иконно-книжной лавки съ цѣлью изысканія средствъ для содержанія предположеннаго къ открытію при семинаріи класса иконописи. Самыми важными были среди этихъ распоряженій, конечно, мѣропріятія, направленныя на ослабленіе, распространившейся по Херсонской епархіи, штунды. Изъ нихъ учрежденіе внѣ-богослужебныхъ собесѣдованій привилось съ замѣчательнымъ успѣхомъ, примѣняется 20 лѣтъ и приноситъ плодъ не только Херсонской православной паствѣ, а и далеко за ея предѣлами.

Личныя отношенія архипастыря къ духовенству отличались здѣсь, какъ и повсюду, гдѣ онъ служилъ, доступностью, обходительностью, прямотой и ласковостью въ обращеніи. Одна изъ прощальныхъ рѣчей говоритъ, что онъ обладалъ рѣдкимъ даромъ «располагать сердца». Въ другой проводится мысль, что каждый имѣлъ полную возможность высказывать предъ нимъ свои мысли откровенно, безъ всякаго стѣсненія. «Не разъ приходилось видѣть» —говорилъ ораторъ,— какъ трепещущій проситель выходилъ отъ Васъ радующимся, восторгающимся какъ дитя отъ того ласковаго обращенія, какое онъ встрѣчалъ въ своемъ высокомъ начальникѣ; не разъ приходилось слышать восторженныя надежды сель-

скихъ священниковъ, что мы имѣемъ въ лицѣ вашемъ начальника, друга и отца, видящаго въ каждомъ священникѣ важнаго себѣ сотрудника, въ которомъ Вы съ такою нѣжною любовью цѣнили проявленіе честной дѣятельности и ревность къ своему долгу».

Свою память въ Одессѣ преосвященный Леонтій увѣковѣчилъ постройкой двухъ училищъ (женскаго епархіальнаго и мужскаго-духовнаго) и консисторскаго архива.

Онъ оставилъ Одессу 12-го декабря 1875 года, оставилъ не безъ сожалѣнія, чтобы еще разъ приложить свои силы, знанія и опытъ въ Холмско-Варшавской епархіи такъ-же капитально, какъ прилагалъ ихъ въ Подоліи, чтобы затѣмъ, совершивъ все доброе, что могъ онъ совершить на пользу русской окраины, возсіять на свѣщницѣ средоточной въ Россіи церкви Московской.

Сочиненія архіепископа Леонтія:

1) Слова, поученія и рѣчи. С.-П. 1876 г. т. I—II Рецензія: а) Н. К. Херс. Еп. Вѣд. 1877. № 8, 180—184; б) Арх. Іосифа. Странникъ 1876; IV, отд. III, 1—8; в). П.-З-на Р. С. П. 1877. I, № 9. стр. 251—265.

2) Слова и рѣчи Холмско-Варшавской паствѣ. Варшава. 1881. Рец.: а) Арх. Іосифа Ц. В. 1881, № 33, 5—6; б) к. Думитрашкова. Р. С. П. 1881. II, № 36, 17—23.

3) 7 словъ на разные дни и случаи Х. Е. В. 1875 г. ч. III и IV.

Литература. Некрологи: въ Богословскомъ Вѣстникѣ 1873 года № 8, 9; Церк. Вѣд. № 31, Ц. Вѣстн. № 31. 1893 г. Москов. еп. вѣд. № 31, Москов. Вѣдом. и проч. Прибытіе въ Одессу Архіеп. Леонтія Х. Е. В. 1874 г. № 23, 465—471; 1875; № 24. Ѳ. Ч—нъ.—Высокопреосвященнѣйшій Леонтій митрополитъ Московскій и Коломенскій. С.-П. 1892 г.

Архіепископъ Іоанникій Горскій.

16 ноябр. 1875—28 февр. 1877 г.

Преосвященный Іоанникій (въ мірѣ Іоаннъ Симеоновичъ Горскій) родился въ 1811 году въ селѣ Богородскомъ, Даниловскаго уѣзда Ярославской губерніи. По окончаніи курса въ Ярославской семинаріи и Петербургской академіи со степенью магистра, онъ постригся въ монашество 3-го іюля 1837 года. На службу опредѣленъ сперва въ Нижегородскую семинарію наставникомъ, потомъ въ Кіевъ инспекторомъ. 19-го іюля 1841 года его перевели инспекторомъ въ Кіевскую академію, сдѣлали баккалавромъ богословскихъ наукъ и возвели въ санъ архимандрита. Съ 10-го октября 1846 года по 3 апрѣля 1850 года, онъ — ректоръ Ярославской духовной семинаріи: съ 1850 года, ректоръ Петербургской семинаріи, цензоръ при С.-Петербургскомъ цензурномъ комитетѣ и членъ конференціи духовной академіи. 30-го декабря 1854 года именнымъ Высочайшимъ указомъ повелѣно быть ему викаріемъ Новгородской епархіи съ саномъ епископа Старорусскаго; а 16-го апрѣля 1856 г. онъ назначенъ на самостоятельную епископскую каѳедру въ Саратовъ.

«Безспорно,—пишетъ архіепископъ Херсонскій Никаноръ въ своихъ «воспоминаніяхъ» *),—Іоанникій былъ изъ весьма благонадежныхъ, изъ благонадежнѣйшихъ между благонадежными, каковыми естественно считать всѣхъ архіереевъ». Самыя обстоятельства его назначенія въ Саратовъ ручаются за это. «Когда, по заключенному съ Римомъ соглашенію, открыта была въ Саратовѣ римско-католическая, такъ называемая Тираспольская каѳедра епископа, которому подчинена была громаднѣйшая территорія, начиная отъ Крыма и Кавказа и оканчивая Камчаткою чрезъ всю Сибирь, открыта была въ Саратовѣ по давнему домогательству еще отцевъ-іезуитовъ, водворившихъ было свое гнѣздо еще въ Астрахани, потому-что въ Саратовской губерніи предполагалось довольно густое населеніе католиковъ, тысячъ до 50; то въ ту пору,—помнится въ 1856 году,—Государь Императоръ Александръ II вопросилъ правившаго тогда должность оберъ-прокурора св. Сунода Карасевскаго: «А хорошъ-ли въ Саратовѣ православный архіерей»? на что г. Карасевскій, во время оно преклонявшійся предъ звѣздой Саратовскаго Аѳанасія, ничто же сумняся, отвѣтилъ: «Нѣтъ, Ваше Величество, не совсѣмъ благонадеженъ».—«Ну, конечно, послать болѣе благонадежнаго».—Вотъ и послали Іоанникія, удаливъ его предшественника по Саратову—Аѳанасія въ Астрахань. Былъ Іоанникій человѣкъ самый мнительный, самый осторожный, самый осмотрительный въ каждомъ шагѣ, въ каждомъ дѣлѣ, словѣ и, конечно, даже помыслѣ, какого только я зналъ между русскими архіереями, а всѣ они призваны и обстоятельствами вынуждаются быть крайне осмотрительными, чтобы не полагать претыканія не только другимъ, но и самимъ себѣ, такъ какъ каждый изъ нихъ посредѣ сѣтей минуетъ, посредѣ капкановъ ступаетъ на каждомъ шагу. Сотни и тысячи очей глядятъ на

*) Наша свѣтская и духовная печать о духовенствѣ. Воспоминанія бывшаго альта солиста А. Б—а. С.-П. 1884 г. стр. 47—67.

нихъ, готовыя соблазняться; сотни языковъ высунуты, готовые глумиться; тысячи зубовъ оголены, чтобы скалозубить. Никто другой не гнулся такъ подъ этимъ бременемъ архіерейства, какъ Іоанникій. Характеръ его дѣятельности въ Саратовѣ опредѣлился обстоятельствами, какія сдѣлали его предшественника неудобнымъ.... Это—нареканія на нѣкоторыя шероховатости въ образѣ жизни Аѳанасія, зазираемыя старовѣрческимъ ригоризмомъ. Это—нѣкоторая размашистость въ поведеніи духовенства; это—щекотливое отношеніе къ расколу при новыхъ правительственныхъ вѣяніяхъ, гдѣ архіерей поставляется между двухъ огней: между ревностью въ исполненіи долга... и нуждой прилаживаться къ наклону свѣтской власти..... Извѣстно, что въ эту пору изданы такъ-называемыя правила 1858 г., отмѣнявшія прежнюю вѣковую практику воздѣйствія власти на всякія отпаденія отъ господствующаго вѣроисповѣданія. Наконецъ, новая, конечно,—на первыхъ порахъ,—вздутая ложными страхами,—однако-же весьма пугавшая задача,—оградить Саратовское общество отъ воздѣйствія новаго опаснаго фактора—римско-католической іерархіи и вообще латинскаго духовенства. Въ личномъ поведеніи Іоанникій не только внималъ себѣ вообще, но внималъ каждому своему поступку, каждому слову, каждому взгляду, и пугливо относился ко всякой возникавшей около него о немъ самомъ молвѣ.... Его самобереженіе въ отношеніи къ внѣшности, чтобы не подать претыканія и соблазна другимъ, простиралось до того, что однажды, когда водворился въ Саратовѣ римско-католическій епископъ съ капитуломъ и когда по внушенію свыше свѣтскимъ Саратовскимъ властямъ—ласкать ихъ по возможности, городское общество давало обѣдъ, на который во главѣ пригласило обоихъ епископовъ, православнаго и латинскаго, а дѣло происходило въ одинъ изъ постовъ,—Іоанникій, прочитавъ предобѣденную молитву и призвавъ благословеніе Божіе на тотъ столъ, гдѣ стояли постныя

закуски, вдругъ совершенно сдержанно обращается къ католическому епископу и, указывая на столъ съ скоромными яствами, серьезно приглашаетъ его: «А это благословите, ваше преосвященство, вы для нихъ, — вашъ уставъ разрѣшаетъ». Свѣтскія власти и общественники отсюда поняли, что не слѣдуетъ православнаго епископа звать на публичные обѣды въ пость, когда подаются скоромныя яства, которыя церковь запрещаетъ, значитъ, и архіерей благословить не можетъ,—что наше православно-русское общество, такъ-называемое интеллигентное, по образу жизни, отшатнувшись отъ свято-отеческихъ уставовъ народа и церкви, приблудилось къ обычаямъ латинскаго костела и что на общественныхъ обѣдахъ, на глазахъ всѣхъ соблазняющихся, особенно же старовѣровъ, вредно и не безопасно сажать рядомъ, во главѣ русскаго общества, архіереевъ православнаго и латинскаго. Вообще, это былъ одинъ изъ самыхъ тяжеловѣсныхъ, изъ самыхъ буквально импозантныхъ характеровъ. Онъ отяготѣвалъ надъ обществомъ, направляя его въ сторону собственнаго тяготѣнія, не шумя и гремя, не ораторствуя, не говоря чаще ни слова, молча, въ молчаніи только шевеля своимъ усомъ, да вскидывая туда — сюда своимъ взглядомъ. И наружность его была превнушительная: высокій, тонкій, частью согбенный станъ, часто преклоненный долу взоръ, прямой носъ, темно-карій отливъ глазъ, темный длинный волосъ на головѣ, тонкій дребезжащій голосъ, чуть-чуть пришепеливающій голосъ, выцѣживаніе рѣчи по слову изъ-за полусжатыхъ зубовъ. Явно, что обдумываетъ человѣкъ каждое слово, запикаясь и нервно-покашливая, поводя нервнымъ холодкомъ и дрожью по спинѣ собесѣдника. Дамы высшаго полета и тогда не вывѣтрившагося пока еще французскаго говора называли его «кардиналъ Мазарэнь» (Мазарини), «монсиньеръ Жанисъ» (Іанишкій). Да, похожъ, очень похожъ на портреты кардинала Ришелье, за исключеніемъ того, что Ришелье держался гордо и прямо, а нашъ

Іоаникій собственно, смиренно, угрюмо, тѣмъ не менѣе для слабонервныхъ грозно. Разсказывали, что когда изъ Саратова прибылъ онъ въ Варшаву Варшавскимъ и Новогеоргіевскимъ архіепископомъ, на встрѣчу его высокопреосвященству, новоприбывшему архіепископу, на первую предъ Варшавой станцію, выѣхали два монаха Варшавскаго архіерейскаго дома, со шляпами на головахъ, вмѣсто клобуковъ, а при первомъ представленіи его высокопреосвященству со шляпами въ рукахъ и обнаженными головами; вдругъ его высокопреосвященство тихо, однако-же пристально поглядывая, вопрошаетъ: «вы кто-же такіе?» — «Монахи вашего дома», — тѣ отвѣчаютъ развязно.— «Монахи.... монахи.... монахи»..., изволитъ тихо повторять его высокопреосвященство, шевеля усомъ и пристально глядя. Тѣхъ не только морозъ подралъ по кожѣ, но чуть параличъ не ударилъ тутъ-же на мѣстѣ. Конечно другу — не другу съ тѣхъ поръ заказали выставляться предъ новоприбывшимъ его высокопреосвященствомъ, въ качествѣ полупольскихъ ксендзовъ, русскихъ монаховъ, забывающихъ даже наружное уставное благоприличіе.

Отношенія къ расколу въ Саратовѣ его тяготили и огорчали... Привлечь къ себѣ саратовскихъ общественниковъ, тяготѣвшихъ къ старинкѣ, ему не удавалось. По селамъ и деревнямъ полу-раскольники, полу-православные начали отпадать массами, сотнями и даже тысячами... Появились представители австрійской лжеіерархіи. Не освободившись ни отъ старыхъ воззрѣній, ни отъ стародавнихъ пріемовъ воздѣйствія на расколъ, онъ былъ подавленъ заботой, какъ-бы похватать ихъ, всѣхъ этихъ лже-архіереевъ, запереть и тревогою, что всѣ эти неудачи будутъ поставлены ему высшею властью въ вину. Вообще, онъ былъ мученикъ собственной мнительности и внутреннихъ тревогъ. Надъ консисторскимъ дѣлопроизводствомъ онъ сидѣлъ денно-ночно, никому не довѣрия, держа всѣхъ своихъ ближайшихъ сотрудниковъ вдали, на почти-

тельномъ разстояніи, ни съ кѣмъ изъ нихъ не совѣтуясь, очень рѣдко удостоивая подѣлиться съ кѣмъ нибудь изъ нихъ своими думами, заботами, тревогами. Зато онъ преусердно искалъ опоры своему мятущемуся духу въ высшихъ сферахъ, постоянно сносясь съ носителями высшей духовной власти, постоянно обращаясь къ руководственнымъ совѣтамъ святителя Московскаго Филарета, зная, что въ эту пору Филаретъ и изъ Москвы, чрезъ совершенно преданнаго ему оберъ-прокурора графа А. П. Толстаго, давалъ высшее направленіе дѣламъ православнаго духовнаго вѣдомства. Саратовское духовенство при немъ крѣпко сжалось, въ своей разудало-широкой русской размашистости. Охало въ его время сильно, хотя онъ и не принималъ суровыхъ мѣръ. Страшила всѣхъ, даже ближайшихъ, эта его замкнутость, эта таинственная недоступность, непроницаемость. «Богъ его вѣдаетъ, что онъ думаетъ; не разгадаешь, чего онъ хочетъ», шептали сжатыя сердца тихими устами самыхъ близкихъ къ нему, самыхъ благонадежныхъ и степенныхъ людей изъ саратовскаго духовенства.

Такой-же, нѣтъ, еще большій страхъ нагналъ онъ и на мѣстное католическое духовенство. Нужно замѣтить, однакоже, что онъ умѣлъ привлечь къ себѣ симпатію свѣтскаго общества, какъ никто изъ его предмѣстниковъ и преемниковъ. Правда онъ и искалъ этихъ симпатій, впрочемъ, съ безупречной сановитостью... Каждый день къ нему ѣхали, бывало, съ визитами десятки баръ и барынь. Все это у него сидѣло по нѣскольку часовъ и выкладывало въ разговорахъ всѣ саратовскія новости до послѣдней тонкости. А онъ, въ особыхъ видахъ, претерпѣливо выносилъ это высиживанье, исполняя этотъ трудъ, какъ бы долгъ службы. Изъ этихъ то ежедневныхъ разнообразныхъ бесѣдъ онъ вызналъ каждый шагъ католическаго епископа и его свиты...

Но, наигрывая умѣлою заботливою рукою на струнахъ искусно отвращенной будто-бы страшной опасности со сто-

роны латинской пропаганты въ Саратовѣ, преосвященный Іоанникій выдвигалъ себя изъ общаго уровня епархіальныхъ архіереевъ въ рангъ политическихъ дѣятелей, сколько ревностныхъ, столько-же и искушенныхъ опытомъ и благоуспѣшныхъ. И вотъ, когда по возведеніи на Кіевскую митрополію тонкаго и благодушнаго политика Варшавскаго, архіепископа Арсенія, понадобилось найти ему благонадежнаго достойнаго преемника, то избраніе и пало прямо на Саратовскаго епископа Іоанникія, причемъ онъ возведенъ былъ въ санъ архіепископа Варшавскаго. Онъ былъ радъ и многіе около него, если только не всѣ, были рады такому великому его повышенію. Помню 21-го или 22-го іюля, онъ подзываетъ меня къ себѣ послѣ причащенія св. таинъ въ алтарѣ и говоритъ: «поздравляю, въ Варшаву назначается высокопреосвященный Платонъ (тогда архіепископъ Рижскій). Это постъ высокій. Оттуда все митрополиты выходятъ». А 31-го іюля, вечеромъ, мы всѣ узнали, по частному, но вѣрному извѣстію, что архіепископомъ Варшавскимъ назначенъ онъ самъ... Къ сожалѣнію для насъ, въ Варшаву онъ уѣхалъ такимъ-же неразгаданнымъ, какъ и жилъ. На прощаньи онъ давалъ духовенству нѣсколько обѣдовъ, не менѣе трехъ. Но когда предложили ему обѣдъ отъ духовенства, категорически отказался. Отслуживъ прощальную литургію въ каѳедральномъ соборѣ, онъ, можно сказать, до послѣдняго часа скрывалъ день и часъ своего отъѣзда. По нашимъ собственнымъ, крайне заботливымъ наказамъ, насъ буквально разбудили кличемъ: се женихъ не грядетъ, но отходитъ... Проводили его однакоже не ранѣе 7—8 часовъ утра, отслуживъ ему въ крестовой напутственный молебенъ. А слышали впослѣдствіи, что огорчился якобы на нашу холодность, однако-же всячески не по нашей винѣ: мы не смѣли... Усердія, котораго онъ не видѣлъ, которое отклонялъ и охлаждалъ, было довольно.

Въ Варшавѣ онъ поставилъ себя съ великимъ достоин-

ствомъ и сперва дѣлалъ блистательные успѣхи по службѣ. Звѣзды на него такъ и ниспадали сверху: сперва Владиміра 2 ст.; скоро и Александра. Очень скоро алмазные знаки Александра. Скоро и крестъ на клобукъ. Правда и положеніе его въ Варшавѣ было исключительное, критическое, трагическое. Выѣхалъ онъ въ Варшаву въ концѣ 1860 года. 1863 г. былъ не за горами, а за плечами. Смятенія въ царствѣ Польскомъ начались уже съ 1861 г. Тамъ, въ Варшавѣ архіепископъ видѣлъ вокругъ себя цѣлый рядъ трагедій. Пережилъ злостное покушеніе на жизнь великаго князя Константина Николаевича. Пережилъ выстрѣлъ въ намѣстника Людерса. Пережилъ покушеніе на Ламберта и загадочное самоубійство генералъ-губернатора Герштенцвейна. Пережилъ выстрѣлы въ графа Берга, рѣзню 1863 года, и всѣ ужасы, которые ей предшествовали, сопутствовали и послѣдовали. Тамъ онъ,—естественная мишень вражескихъ попытокъ, держалъ себя въ эту пору съ величайшимъ самодостоинствомъ, тактомъ и видимою отвагою. Образъ своей замкнутой жизни онъ не измѣнилъ ни на іоту. Отъ исполненія своихъ обязанностей онъ не уклонялся ни на іоту. Говорили, будто въ его карету кидали чѣмъ-то. Но это не подтверждается записанными воспоминаніями очевидцевъ. То несомнѣнно, что онъ одинъ разъ и поразилъ и умилилъ своихъ поляковъ. Когда скончался римско-католическій Варшавскій митрополитъ Дмоховскій, съ которымъ архіепископъ Іоанникій состоялъ въ почтительно пріязненныхъ отношеніяхъ,—это было въ самый разгаръ бунта,—архіепископъ сѣлъ въ карету и внезапно появился въ палацѣ католическаго митрополита; молча, прошелъ во внутреніе покои до самаго покойника; по-русски три раза перекрестился большимъ крестомъ, низко кланяясь предъ святыней, затѣмъ поклонился сановному духовному покойнику и, не говоря ни слова, направился къ выходу. Присутствующіе разступились съ глубокимъ уваженіемъ и умиленіемъ. Между тѣмъ

въ эту пору напускное раздраженіе поляковъ противъ русскихъ было такъ велико, что преемникъ Дмоховскаго, молодой архіепископъ Фелинскій не посмѣлъ сдѣлать визитъ старому, давно въ Варшавѣ осѣдлому и благорасположенному русскому архіепископу. Высокопреосвященный Іоаникій въ посланіи, котораго пишущій имѣлъ честь удостоиться отъ него впослѣдствіи, самъ выразился объ этомъ предметѣ такъ: «архіепископъ Фелинскій не имѣлъ чести познакомиться со мной».

Въ отношеніи къ подчиненнымъ русскимъ, архіепископъ Іоаникій поставилъ и все время держалъ имя свое грозно и честно, по старинѣ, хотя и безшумно. Такъ какъ въ Варшаву поступали на духовную службу лица исключительно только съ академическимъ образованіемъ; такъ какъ по дѣламъ, на мѣстѣ службы они постоянно попадались на глаза свѣтскимъ часто и высокимъ сановникамъ, до намѣстника включительно; такъ какъ въ не русскомъ городѣ они естественно напитывались не русскимъ же духомъ не русской вольности и нѣкоторой независимости отъ мѣстнаго архіерея,—то бѣлое духовенство сначала отнеслось къ новому архіепископу съ развязностью, къ какой онъ въ Россіи не привыкъ. Такъ какъ при его сдержанности и замкнутости отъ этого выросталъ духъ взаимныхъ недоразумѣній и напряженности, то бѣсъ и смутилъ нѣкоего мужа изъ Варшавскихъ духовныхъ,—такъ разсказывалось,—выкинуть нѣчто непозволительное, что я и назвать не умѣю. Съѣздивъ зачѣмъ-то за границу, онъ пріобрѣлъ тамъ между другими заграничными, запретными и вредными, одно изданіе, направленное спеціально противъ чести архіереевъ и, по возвратѣ домой, при первомъ-же предстaвленіи, вручилъ эту мерзость его высопреосвященству. Изумленный архіепископъ попросилъ себѣ аудіенціи у великаго князя намѣстника и представилъ полученную отъ своего подчиненнаго дерзкую книгу его высочеству. Послѣдовало распоряженіе,

достойное великаго князя: выслать изъ Варшавы въ 24 часа. Разсказывали еще случай такого-же характера. Умеръ въ Варшавѣ какой-то генералъ инославнаго исповѣданія. Конечно, современной намъ интеллигенціи, при жизни, Богъ и христіанство и церковь не особенно нужны. Но чуть умри кто-либо, сейчасъ поднимается вопросъ о парадѣ, о парадныхъ поминкахъ, нарядныхъ панихидахъ и похоронахъ, конечно, съ «попами»,—какъ быть иначе? Случилось тоже и тутъ при смерти генерала инославнаго. Кинулись туда-сюда по духовному вѣдомству. Имъ отвѣчаютъ, что по закону дозволяется духовенству только проводить въ облаченіяхъ съ пѣніемъ: «Святый Боже», но безъ панихиды, безъ внесенія въ церковь, безъ литургіи, безъ отпѣванія по церковному уставу. Военные, конечно, церковнаго устава не знаютъ и знать не хотятъ и настаиваютъ на своемъ—на внесеніи въ церковь, на полномъ погребеніи. Епархіальное духовенство не смѣетъ. А военный священникъ возьми, да и вызовись: я-де все исполню. Вызвался, да и сробѣлъ, какъ-бы бѣды не случилось. Идетъ къ архіепископу, которому не подчиненъ: «Такъ-то и такъ-то, просятъ, молъ, требуютъ, трудно отказать. Я вызвался». Согбенный архіепископъ посмотрѣлъ на струсившаго смѣльчака, поднялъ палецъ до высоты своего и его носа, тихо пошевелилъ пальцемъ и усомъ, изрекъ одно слово «попробуй», повернулъ спину и вышелъ. Это разсказывалъ, съ восторгомъ, свѣтскій русскій генералъ на Дону, только что воротившійся изъ Варшавы. «Представьте,—разсказывалъ онъ, не стѣсняясь, двумъ архіереямъ вмѣстѣ,—постановка богослуженія примѣрная. Входитъ въ соборъ, самъ высокій, согбенный,—видъ сосредоточенный, строгій; крестится большимъ размашистымъ русскимъ крестомъ, таково истово, по-русски; кланяется низко, пренизко; ни на кого, ни на что не глядитъ. Сослужащее духовенство вышколено престрого. Пѣвчіе настроены прекрасно. Ну, я скажу тоже,

выслушавъ эту обѣдню, что послы Владимировы, отстоявъ службу въ св. Софіи: не знаю, гдѣ былъ я, на небѣ, или на землѣ». Разсказывали о немъ еще одно характерное обстоятельство. Строилась въ Варшавѣ рус. православная церковь на казенныя деньги. Постройкою завѣдывали, конечно, свѣтскіе. Но и архіепископъ былъ въ строительномъ комитетѣ или предсѣдателемъ, или членомъ. Повидимому, предсѣдателемъ былъ самъ намѣстникъ, Бергъ. Чтобы не всякій разъ являться въ засѣданія строительнаго комитета, архіепископъ назначилъ своимъ замѣстителемъ въ комитетъ мѣстнаго соборнаго ключаря. Свѣтскіе члены творили, конечно, что хотѣли. Но вотъ нѣмцы выдумали заморскую новость—освѣтить новостроющуюся церковь посредствомъ газа. Заказали и люстру такую и уже повѣсили. Ключарь доноситъ объ этой выдумкѣ архіепископу. Тотъ отвѣчаетъ: «пускай-де ихъ, посмотримъ, увидимъ». Постройка шла своимъ чередомъ и пришла къ концу. Просятъ архіепископа освятить. По нашимъ уставамъ новопостроенную церковь слѣдуетъ освидѣтельствовать духовнымъ чинамъ, годна-ль она къ освященію. Свидѣтельствовать ее поѣхалъ самъ архіепископъ. При осмотрѣ останавливается своимъ вниманіемъ на люстрѣ. — «Это что-же такое?» — «Люстра» — отвѣчаетъ ключарь, какъ ни въ чемъ не бывало. — «Отчего-же она имѣетъ необычный видъ?» — «Это для освѣщенія газомъ такъ она устроена». — «Газомъ, да?» — «Газомъ, а не свѣчами. Такъ угодно его сіятельству, намѣстнику». — «Ну, такъ я святить церковь не стану», — рѣшилъ архіепископъ и отбылъ. Конечно, дѣло на томъ остановиться не могло. Архіепископъ донесъ объ этомъ Св. Синоду; а намѣстникъ отъ себя писалъ даже будто-бы Государю. Св. Синодъ разъяснилъ,

что вопросъ объ освѣщеніи церкви въ Варшавѣ газомъ, а не восковою свѣчкою, имѣетъ значеніе не только экономическое, но и каноническое и что исполненіе желанія намѣстника могло-бы имѣть весьма важныя послѣдствія для всего строя православной церкви въ Россіи. Такъ этотъ вопросъ и похороненъ, хотя многіе и силятся воскресить и оживить его, стараясь ввести въ церковь освѣщеніе уже не отсталымъ газомъ, а прогрессирующимъ электричествомъ. И первый отпоръ этимъ нѣмецкимъ тенденціямъ далъ Варшавскій архіепископъ Іоанникій.

Но видно эта-же самая непреклонность его стала преградою на пути мѣрнаго и мирнаго восшествія его если не отъ славы въ славу, то отъ отличія къ отличію. Въ началѣ 70-хъ годовъ говорилось въ Петербургѣ, что онъ теперь вѣрнѣйшій кандидатъ на митрополію. Но человѣкъ предполагаетъ, а Богъ располагаетъ. Возникло историческое дѣло возсоединенія холмскихъ уніатовъ къ православію. Вѣроятно, тихо-сдержанный, но непреклонный святитель требовалъ, чтобы новоприсоединившіеся къ православію принадлежали ему на дѣлѣ, а не на бумагѣ только. Возникли затрудненія, которыя отразились было и въ газетахъ. Безъ сомнѣнія, сколько отъ лѣтъ при крѣпкомъ тѣлосложеніи, столько и отъ скопившихся огорченій, Холмско-Варшавскій архіепископъ Іоанникій занемогъ; сокрушило его новое титло Холмско-Варшавскаго, тогда какъ прежде онъ назывался Варшавскимъ и Новогеоргіевскимъ. Послѣдовалъ неожиданный внѣшній ударъ — перемѣщеніе его въ Одессу. Около полугода отъ тѣлесной немощи онъ не могъ и двинуться изъ Варшавы на новую, хоть и именитую-же

каѳедру. А въ Одессу онъ прибылъ только умереть и сложить свои кости бокъ-о-бокъ съ костями великаго Херсонскаго святителя—витіи Иннокентія».

«Мало мы знали его, еще менѣе онъ узналъ насъ», говорилъ одинъ изъ Одесскихъ проповѣдниковъ надъ гробомъ архіепископа Іоанникія 4-го марта 1877 года. Да, узнать было некогда. 7-го февраля 1876 года прибылъ изъ Варшавы; 28 февраля 1877 года скончался; прибылъ изнуреннымъ болѣзнью, едва дышущимъ; постоянно жаловался на слабость силъ, головокруженіе, недостатокъ сна. Тѣмъ не менѣе и тутъ въ промежутки, когда силы вспыхивали, на краю гроба занимался по привычкѣ дѣлами съ такой-же точностью, аккуратностью, какъ и всегда. Постановленія консисторіи прочитывалъ всѣ самъ, докладныя части журналовъ и протоколовъ во всѣхъ подробностяхъ разсматривалъ, цифры провѣрялъ. Служилъ довольно часто, проповѣдывалъ весьма рѣдко. Скорбѣлъ душой, между прочимъ о томъ, что немногіе изъ учениковъ семинаріи посвящаютъ себя изученію богословскихъ наукъ и служенію церкви. 30-го января 1877 года нашелъ въ себѣ силы освятить семинарскую церковь и отслужить четырехъ-часовую литургію. Въ началѣ поста у него оказался сильный катарръ легкихъ и открылась водянка ногъ. Понимая безнадежность положенія, пріобщался, собирался сдѣлать духовное завѣщаніе, но не успѣлъ, — скончался въ ночь предъ тѣмъ самымъ днемъ, когда завѣщаніе рѣшено было составить.

Преосвященный архіепископъ Іоанникій избѣгалъ печатать свои проповѣди и вообще въ литературѣ мало из-

вѣстенъ. Произнесенныя имъ въ Одессѣ — привѣтственная рѣчь къ паствѣ по прибытіи, слово въ недѣлю крестопоклонную, поученіе къ воспитанницамъ института и рѣчь при освященіи семинарской церкви, — также нигдѣ не напечатаны.

Свѣдѣнія о немъ встрѣчаются въ Херсонскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ 1877 г., стр. 98—134, и въ «Воспоминаніяхъ» А. Б—а. СП. 1884 г.

Архіепископъ Платонъ Городецкій.

15 апрѣля 1877—6 февраля 1882 года.

Преосвященный архіепископъ Херсонскій и Одесскій, впослѣдствіи митрополитъ Кіевскій и Галицкій, Платонъ родился въ посадѣ Погорѣломъ Городищѣ Тверской губерніи и въ мірѣ назывался Николаемъ Ивановичемъ Городецкимъ. Отецъ его, священникъ, былъ добрый и образованный пастырь, котораго любили и уважали не только всѣ погорѣльскіе прихожане, но даже и окрестные жители за его простоту, ласковость, привѣтливость отеческую внимательность къ каждому и сердечное расположеніе. Николай Ивановичъ наслѣдовалъ отъ отца кромѣ всѣхъ этихъ качествъ церковность, тактъ, любовь къ простому народу и рѣдкую ласковость въ обращеніи съ кѣмъ-бы-то ни было. До 8-ми лѣтъ онъ жилъ дома; научился читать, пѣть. Такъ какъ способности у ребенка были бойкія, то отецъ, не стѣсняясь годами, отдалъ его въ Ржевское духовное училище. Тяжела была въ 1811—1814 годахъ школьная жизнь. «Ректоръ былъ совсѣмъ не ученый,—вспоминаетъ преосвященный Платонъ,—классы обогрѣвались собственнымъ дыханіемъ учениковъ. Жили по нѣскольку человѣкъ вмѣстѣ на своихъ сельскихъ скудныхъ харчахъ, а занимались не со свѣчками и лампами,

а съ ночникомъ четверо около одного стола. И ночничекъ-то былъ дешевый, свой импровизированный: старая банка изъ-подъ помады, до половины насыпанная песочкомъ, а сверхъ наливали масла конопляного, съ какимъ бли и кашу, а свѣтильничекъ-то дѣлали не изъ ваты, а изъ простаго льну. За квартиру платили 8 руб. ассигнаціями въ годъ, да привозили солоду по мѣркѣ на квасъ, и за эту благостыню хозяйка должна была не только давать квартиру, но и варить пищу изъ доставляемыхъ самими школярами домашнихъ продуктовъ, давать своей капусты, соли, мыть бѣлье и топить баню». Въ первые годы своего ученья Николай Ивановичъ получалъ отъ своего родителя 25 коп. серебр., на цѣлую треть $3^1/_2$ мѣсяца) и на всѣ ученическія потребности: на чернила, бумагу, масло и на лакомства. Да еще изъ этой суммы надо было сдѣлать сбереженіе копѣекъ на 15, чтобы добраться домой на праздникъ Рождества Христова, или Пасхи. Домой-же хаживалъ Городецкій нерѣдко пѣшкомъ, а идти надо было верстъ 40, да еще весною по грязи, а зимою въ большія мятели. Кончился курсъ ученія въ Ржевскомъ училищѣ и Н. Городецкаго, одно изъ лучшихъ учениковъ, перевели въ Тверскую семинарію. Въ 1823 г. онъ, какъ самый способный и трудолюбивый изъ выпускныхъ студентовъ, былъ посланъ въ С.-Петербургскую академію, четыре года провелъ здѣсь подъ руководствомъ такихъ отечественныхъ знаменитостей какъ (впослѣдствіи митрополиты) Григорій, Аѳеній и Исидоръ, архіепископъ Иннокентій Борисовъ и протоіереи Павскій. Изъ академіи Городецкій вышелъ магистромъ въ 1827 г.

Съ этого времени началась его учебная, пастырская и церковно-административная дѣятельность.

7-го сентября 1827 года Николай Ивановичъ былъ назначенъ преподавателемъ въ Орловскую семинарію. Талантливый, предпріимчивый, энергичный, онъ съ первыхъ же шаговъ своей преподавательской дѣятельности былъ при-

званъ ближайшимъ начальствомъ къ исполненію чуть не десятка административныхъ и другихъ порученій, былъ и профессоромъ физико-математическихъ наукъ и библіотекаремъ и лекторомъ французскаго языка и и. д. инспектора и секретаремъ семинарскаго правленія. Вездѣ онъ обнаружилъ разнообразіе знаній, серьезность, тактъ, сообразительность и дальнозоркость. Съ 24 октября 1829 года Городецкаго видимъ профессоромъ С.-Петербургской академіи. Интересно, что онъ первый изъ русскихъ духовныхъ-ученыхъ рѣшилъ измѣнить вѣковымъ научнымъ традиціямъ, сбросивъ цѣпи схоластики въ изложеніи наукъ на мертвомъ латинскомъ языкѣ; первый сталъ излагать студентамъ уроки нравственнаго богословія на русскомъ языкѣ и внесъ въ лекціи жизненность содержанія, увлекательность изложенія. Ему также одному изъ первыхъ принадлежитъ честь разработки науки о русскомъ расколѣ и что болѣе важно—честь указанія того принципа гуманныхъ мѣръ и средствъ духовно-миссіонерскаго воздѣйствія на загрубѣлую совѣсть раскольниковъ и сектантовъ, который отстаивается всѣми высокими умами настоящаго столѣтія.

Въ 1830 году Николай Ивановичъ принялъ монашество. Наканунѣ постриженія, инспекторъ С.-П. академіи, архимандритъ Иннокентій спрашиваетъ его, какое имя желаетъ онъ носить въ монашествѣ. Николай Ивановичъ говоритъ, что рѣшилъ назвать себя Никандромъ, такъ какъ это имя имѣетъ почти тоже значеніе, что и мірское его имя—Николай. «У монаха своихъ желаній не должно быть, — отвѣчаетъ Иннокентій,—а вотъ мы сейчасъ узнаемъ, какое тебѣ имя назначаетъ Промыслъ Божій». Нарѣзалъ нѣсколько бумажекъ, свернулъ ихъ, положилъ въ клобукъ. На вынутой Николаемъ Ивановичемъ бумажкѣ было написано «Платонъ». «Вотъ и имя тебѣ», дружески сказалъ Иннокентій. Есть намеки, что новопостриженному иноку, а потомъ іеромонаху Платону на первыхъ порахъ, жилось не легко.

Начальство возымѣло мысль отправить его подальше, напр. въ Архангельскъ, и этого лестнаго назначенія (конечно ректоромъ семинаріи) Платонъ избѣжалъ только благодаря случаю. 11-го іюля 1831 года онъ говорилъ въ одномъ изъ столичныхъ соборовъ проповѣдь по поводу холеры. Оригинальность мыслей въ связи съ сановитостью оратора, съ его звучнымъ голосомъ произвели глубокое впечатлѣніе. О проповѣди заговорилъ весь Петербургъ. Чрезъ митрополита Серафима ее потребовали къ Государю. Императоръ прочиталъ и приказалъ: «обратить вниманіе на молодаго проповѣдника». Вниманіе обратили: оставили при академіи, произвели въ архимандрита, но шесть лѣтъ спустя назначили на должность ректора Костромской семинаріи.

Двѣнадцатилѣтній періодъ службы Платона по духовно-учебному вѣдомству (съ 1827 по 1839 г.) послужилъ подготовительной ступенью къ обширной церковно-административной его дѣятельности, которая началась съ Виленскаго Свято-Духова монастыря. Сюда на мѣсто настоятеля былъ перемѣщенъ онъ изъ Костромы 28-го апрѣля 1839 г. Чтобы оцѣнить значеніе новой его службы сперва какъ архимандрита въ Вильно, а потомъ съ 1844 по 1848 г. какъ Литовскаго викарія въ Ковно, надо имѣть въ виду историческія обстоятельства этой эпохи и положеніе церковныхъ дѣлъ въ Литовскомъ краѣ. 40-вые годы были для западнаго края временемъ исторической важности: церковныя реформы шли непрерывно одна за другой, періодъ сближенія Литовской уніатской церкви и народности съ православіемъ и русской народностью достигъ зенита; только что совершился переходъ въ лоно православія знаменитаго Іосифа Сѣмашко съ его двухмилліонной паствой. Вотъ волей-неволей прибылъ въ край новый образованный дѣятель, молодой, энергичный, богато одаренный духовными силами. Сѣмашко, вопреки ожиданіямъ тѣхъ, что сдѣлали изъ Платона архимандрита—ректора, только архимандрита, быстро оцѣнилъ его непризнанныя

способности и приблизилъ къ себѣ. А Платонъ изъ благодарности, изъ личной симпатіи, изъ жажды примѣнить свои силы къ дѣлу сталъ самымъ дѣятельнымъ, самымъ преданнымъ сотрудникомъ Литовскаго митрополита. И услугъ церкви, русскому дѣлу, русскому духовенству онъ оказалъ не мало. Виленскій Свято-Духовъ монастырь обязанъ ему своимъ внѣшнимъ и внутреннимъ устройствомъ, возсоединенное духовенство — преданностью православной церкви, общество—любовью къ Россіи и престолу.

6-го ноября 1848 г. епископу Платону Высочайше поручено было новое, болѣе сложное, отвѣтственное и въ высшей степени трудное дѣло защиты православія въ Остзейско-нѣмецкой окраинѣ. Какой-бы моментъ изъ періода, употребленнаго преосвященнымъ Платономъ на осуществленіе этой задачи, мы ни взяли,—время-ли его служенія въ качествѣ викарія Псковской епархіи, или пору его церковно-административной дѣятельности, какъ Рижскаго архіепископа, — вездѣ за 18 лѣтъ пастырской службы западному краю поражаютъ его система и тактъ въ управленіи, зрѣлая опытность, цѣлесообразность мѣропріятій, прогрессивно возрастающая предпріимчивость и инициатива. Надо знать, что преосвященный Платонъ вступилъ въ управленіе Псковской епархіей послѣ архіепископа Наѳанаила, при обстоятельствахъ крайне невыгодныхъ. Безпорядковъ и злоупотребленій въ епархіи было безъ счета. Надзоръ за духовенствомъ упалъ; явились искательства, протекторатъ, пошли въ ходъ ложь, обманъ, взяточничество, растраты казенныхъ суммъ. При Наѳанаилѣ изъ Петербурга слали ревизора за ревизоромъ, мѣняли членовъ консисторіи, секретарей, чиновниковъ: самого архіерея и по смерти не пощадили: не было у него ни денегъ, ни имущества для пополненія растраченныхъ консисторскихъ суммъ, — продали съ аукціона въ губернскомъ правленіи его клобуки, трости, четки... Въ семь лѣтъ управленія Псковской епархіей преосвященный Платонъ

успѣлъ смыть это лежавшее на ней темное пятно. Началъ онъ свои реформы съ подчиненныхъ учрежденій и властей, чрезъ которыя приходилось дѣйствовать на епархію — съ консисторіи, духовныхъ правленій и благочинныхъ. Отъ консисторіи онъ потребовалъ, чтобы дѣла велись правильно, точно, безъ замедленія, съ осторожностью, безпристрастіемъ и разсудительностью, чтобы она ничего не допускала несправедливаго по недосмотру, а тѣмъ болѣе съ умысломъ, обращала вниманіе на законы и т. п. Когда требованія его исполнялись консисторіей худо, онъ дѣлалъ новыя указанія, съ рѣдкимъ терпѣніемъ замѣчалъ и исправлялъ въ представляемыхъ бумагахъ каждую мысль, каждое выраженіе, часто на протоколахъ писалъ весь ходъ веденія дѣла и требовалъ, чтобы къ новому протоколу, составленному вслѣдствіе его замѣчаній, былъ приложенъ и протоколъ прежній, на которомъ были написаны архипастырскія замѣчанія. Особенно строго слѣдилъ преосвященный за производствомъ слѣдствій по дѣламъ судебнымъ и за безпристрастнымъ рѣшеніемъ этихъ дѣлъ. Замѣтимъ, что онъ едва-ли не первый пришелъ къ той мысли, что духовныя правленія совѣмъ слѣдуетъ закрыть, такъ какъ, составляя лишнюю инстанцію въ епархіальномъ управленіи, они болѣе замедляютъ, чѣмъ ускоряютъ дѣлопроизводство; онъ и закрылъ ихъ въ Псковѣ, а лежавшія на нихъ обязанности передалъ благочиннымъ. Самый институтъ благочинныхъ былъ имъ освѣженъ благонадежными по уму, поведенію и усердію къ службѣ людьми; дѣлателей вѣрныхъ владыка видимо отличалъ своимъ вниманіемъ, а нерадивыхъ лишалъ довѣрія и замѣнялъ лицами болѣе благонадежными. Но кто разъ былъ выбранъ такимъ образомъ на должность, того никогда не стѣсняли въ правахъ службы, закономъ ему предоставленныхъ.

Самая важная забота для преосвященнаго Платона предстояла въ матерьяльномъ и нравственномъ устройствѣ пріютовъ. Прежде всего онъ позаботился, при опредѣленіи

на священно- и церковно-служительскія мѣста, имѣть въ виду не выгоду частныхъ лицъ, а пользу церкви. Такимъ образомъ, на мѣста стали поступать люди, имѣвшіе законное право, достойные и по образованію, и по жизни, причемъ старшимъ по службѣ оказывалось предпочтеніе. Не зависимо отъ свидѣтельствъ и аттестатовъ, производились особые экзамены, чрезъ особыхъ экзаменаторовъ. Заботы преосвященнаго Платона объ улучшеніи матерьяльнаго быта духовенства выразились въ цѣлой серіи распоряженій и указовъ. Владыка сократилъ напр. лишнее число духовенства въ епархіи, пропитывавшагося на счетъ наличнаго причта, училъ духовенство правильно-выгодно пользоваться тѣми средствами содержанія, какія ему предоставляла власть, смотрѣлъ, какъ отдаютъ землю въ аренду, неудобныя угодья старался замѣнить удобными, требовалъ, чтобы каждое лицо въ причтѣ получало отъ церкви свою законную часть, чтобы благочинные не вызывали къ себѣ причетниковъ для разноса указовъ, потерпѣвшимъ отъ какихъ-нибудь несчастій спѣшилъ оказать помощь и т. д. Многихъ трудовъ стоило ему улучшить нравственную сторону псковскаго духовенства. Памятникъ этихъ трудовъ — резолюціи. «Умоляю — писалъ преосвященный Платонъ въ своемъ посланіи — умоляю духовныхъ вести себя, какъ можно лучше, особенно удаляться проклятаго пьянства, не увлекаться корыстолюбіемъ и всемѣрно избѣгать ссоръ и тяжбъ, помня пословицу: худой миръ лучше доброй ссоры». Доносовъ онъ терпѣть не могъ; за духовенство, когда на него несправедливо нападали люди съ вѣсомъ, вступался. Доселѣ мѣстное Псковское преданіе хранитъ трогательный разсказъ объ его заступничествѣ за бѣднаго дьячка, котораго уголовная палата приговорила къ строгой карѣ, не смотря на его невинность.

Мы намѣренно остановились на нѣкоторыхъ подробностяхъ церковно-административной дѣятельности Платона въ

Псковѣ. Его жизнь здѣсь составляетъ превосходную подготовительную школу къ знаменитому рижскому періоду, который по исключительности, оригинальности, разнообразію и широтѣ, многотрудности и благоплодности дѣяній преосвященнаго безспорно долженъ быть названъ миссіонерскимъ подвигомъ. Владыка Платонъ на русской западной окраинѣ—въ Псковѣ и архіепископъ Платонъ въ остзейско-лютеранскомъ краѣ одно и тоже по характеру, по убѣжденіямъ, по направленію дѣятельности лицо, но въ Псковѣ онъ, какъ администраторъ только окончательно формируется, въ Ригѣ — закаляется; въ Псковѣ онъ возстановитель попраннаго законнаго строя церковной жизни, въ Ригѣ—мудрый и мужественный защитникъ народныхъ, религіозныхъ и государственныхъ интересовъ: архипастырь и государственный дѣятель. Какъ эти 18 лѣтъ архіепископствованія Платона въ Ригѣ были славны и вмѣстѣ съ тѣмъ тяжелы, показываетъ сопоставленіе ихъ съ мѣсяцами Севастопольской осады, сдѣланное на 50-лѣтнемъ юбилеѣ Платона однимъ изъ непосредственныхъ свидѣтелей его рижской дѣятельности. «Не годъ за годъ службы Богу и царю, —говорилъ рижскій депутатъ,—слѣдовало-бы считать Вамъ, а мѣсяцъ за годъ».

Главная задача архипастырской дѣятельности Платона въ Ригѣ сосредоточивалась въ укрѣпленіи и углубленіи православія среди эстовъ и латышей, на успленіи и развитіи миссіонерскаго дѣла, на расширеніи предѣловъ паствы, не говоря, конечно, о томъ, что постоянно приходилось думать какъ-бы козни, интриги и распри иновѣрцевъ не подорвали кредитъ православія и не уронили-бы знамя русской народности. Пересчитывать и описывать труды преосвященнаго Платона во всѣхъ этихъ отношеніяхъ, значило-бы писать обширную монографію, пришлось-бы затронуть слишкомъ много вопросовъ несвоевременно, коснуться мѣропріятій по времени свѣжихъ, борьбы полонизма съ великорусскими ин-

тересами, далеко не кончившейся... Ограничимся сопоставленіемъ того, что въ 1850 г. преосвященный Платонъ въ Рижской епархіи нашелъ, съ тѣмъ, что въ 1867 году онъ здѣсь оставилъ. Перемѣна общей картины слишкомъ характерна и по ней можно судить о сложности и исторической цѣнности административной дѣятельности архіепископа Платона.

Къ 1850 году Рижская православная паства состояла частью изъ русскихъ, которые были у нѣмцевъ въ загонѣ и пренебреженіи, какъ ненавистные незванные пришельцы, безъ всякаго права голоса въ общественныхъ дѣлахъ, частью изъ эстовъ и латышей, умственно и религіозно неразвитыхъ, забитыхъ, стѣсненныхъ матерьяльной и земельной зависимостью отъ бароновъ. Съ учрежденіемъ самостоятельной епархіи нападки нѣмцевъ на православіе и православныхъ сдѣлались еще ожесточеннѣе и направлялись къ тому, чтобы воспрепятствовать настойчивымъ планамъ и стремленію церковной власти объ обращеніи эстовъ, а, если удастся, то и оторвать отъ православія уже обратившихся. Сильная сама по себѣ и по условіямъ быта, поддерживаемая притомъ сильнымъ покровительствомъ русской администраціи, противодѣйствующая Православію партія не стѣснялась ничѣмъ: пускались въ ходъ и клевета, и ложь, и подкупъ, и лесть... Оскорблялось и поносилось и имя церкви и храмы, и священники православные и самъ архіепископъ Платонъ. Въ виду такого порядка дѣлъ цѣнно уже и то одно, что преосвященный безсмѣнно занималъ свою каѳедру 17 лѣтъ: всякій другой дѣятель — не онъ — на подобномъ постѣ, одинокій какъ одинокъ былъ Платонъ, съ помощниками безсильными, неискусными не выдержалъ-бы и — самое счастливое—ушелъ-бы въ заштатъ. Но Платонъ, не только вынесъ на своихъ могучихъ плечахъ все, но и вышелъ изъ борьбы побѣдителемъ.

Обрусѣніе края онъ началъ устройствомъ храмовъ. Въ 50-хъ годахъ сельскія православныя церкви здѣсь имѣли большею частью только временное помѣщеніе: то въ домахъ военныхъ постовъ, то въ частныхъ строеніяхъ, даже въ кузницахъ, сараяхъ, хлѣвахъ. Убожество облаченій было страшное: многихъ необходимыхъ церковныхъ вещей вовсе не имѣлось; иконостасы часто встрѣчались тесовые, съ развѣшанными безпорядочно, попорченными иконами разной величины и разнаго письма. Преосвященный повелъ дѣло такъ, что каждый сельскій приходъ устроилъ у себя постоянную церковь, снабженную всѣмъ необходимымъ; при участіи генералъ-губернатора сталъ производиться отводъ земли подъ храмы. Въ послѣдній годъ его служенія, постоянныхъ храмовъ въ Рижской епархіи насчитывалось вдвое болѣе, чѣмъ сколько ихъ было въ началѣ временныхъ.

Отъ храмовъ сдѣланъ былъ переходъ къ реорганизаціи духовенства. До преосвященнаго Платона православные священники Рижской епархіи не шли дальше элементарнаго образованія. 1-го октября 1851 года Платонъ открылъ въ Ригѣ семинарію, съ спеціальнымъ курсомъ нарѣчій латышскаго и эстскаго. Въ 1855 г. эта семинарія дала уже епархіи выпускъ хорошо образованныхъ и развитыхъ кандидатовъ на священническія должности. Для наиболѣе удобнаго и усиленнаго выполненія миссіонерскихъ задачъ въ краѣ, привлечены были къ обученію природные латыши и эсты. Въ средѣ духовенства владыка усиленно распространялъ книги, устроивалъ библіотеки, слѣдилъ за служебной и нравственной сторонами жизни духовенства, внушалъ ему избѣгать непріятной переписки съ лютеранами, совѣтовалъ обращаться съ иновѣрцами какъ можно скромнѣе и вѣжливѣе, не вмѣшиваться въ сторонніе дѣла, даже не допускать ни въ проповѣдяхъ, ни въ сочиненіяхъ обидныхъ для лютеранъ выраженій. Результатъ его заботъ—тотъ, что за 17 лѣтъ

управленія не было ни одного слѣдственнаго дѣла по дѣламъ собственно духовенства.

Въ 1850 году матерьяльное благосостояніе Рижскаго духовенства исчерпывалось 300 руб. годоваго казеннаго жалованья на каждый причтъ. Платонъ выхлопоталъ новый болѣе приличный окладъ—русскимъ священникамъ 500 руб. въ годъ, эсте-латышскимъ — 650; кромѣ того основалъ въ Ригѣ попечительство о бѣдныхъ духовнаго званія, эмеритуру, капиталъ которой въ 1887 г. доходилъ до 85.000, устроилъ богадѣльню для вдовъ и сиротъ духовнаго званія и т. д.

Народный школьный вопросъ до 1850 года былъ нѣмцамъ-лютеранамъ также ненавистенъ, какъ и церковный; русская администрація проэктировала открыть приходскія и областныя школы, по одной на 500 душъ мужескаго населенія, но медлила. Архіепископъ въ первый же годъ управленія учредилъ 28 школъ на казенный счетъ при приходскихъ церквахъ, образовалъ особый школьный капиталъ, открылъ при семинаріи причетническій классъ, который долженъ былъ подготовить образцовыхъ народныхъ учителей. Въ 1867 году всѣхъ школъ въ епархіи насчитывалось 359, учащихся 9500 человѣкъ.

Бѣдственный житейскій и общественный бытъ эстовъ и латышей, когда преосвященный Платонъ занялъ Рижскую каѳедру, былъ болѣе чѣмъ ужасенъ. Безправіе, беззащитность, невѣжество, произволъ и гнетъ со стороны нѣмцевъ царили повсюду. Стойкость архіепископа, который въ теченіи 15 лѣтъ отстаивалъ свою мысль объ исходатайствованіи Высочайшаго повелѣнія объ отводѣ земли православнымъ крестьянамъ въ Остзейскомъ краѣ, который имѣлъ даже аудіенцію у Государя по этому поводу, спасла коренное населеніе, а съ нимъ и православіе, а съ православіемъ 60-хъ годовъ и всю будущность, теперешнюю современность Рижскаго края. Съ другой стороны та же стойкость архіепископа положила прочныя основы православному просвѣ-

щенію вообще среди западнаго населенія, латышей въ — частности. Никакихъ правильно организованныхъ начинаній до 1850 года по этой части не замѣчается. Преосвященный Платонъ открылъ въ 1850 году особый комитетъ, который печаталъ книги Св. Писанія въ противовѣсъ Библейскому лютеранскому Обществу, переводилъ богослужебныя книги на эстскій и латышскій языки, печаталъ катихизисы на томъ и другомъ языкахъ, распространялъ журналъ «Училище благочестія», сочиненія о православной вѣрѣ, о постахъ, о молитвахъ, о почитаніи св. иконъ и проч.

Многозначителенъ, наконецъ, и ростъ православнаго населенія въ Рижской епархіи за періодъ дѣятельности здѣсь преосвященнаго Платона. Въ 1848 году паства состояла изъ 138,416 душъ, въ 1866 году — доходила до 180,846 душъ; разница на 40.000. Цыфра, конечно, не колоссальная и результатъ повидимому не особенно блестящій за такой долгій промежутокъ, но чтобы оцѣнить вѣрно результатъ, надо знать, какъ онъ полученъ. А обращеніе въ православіе лютеранъ давалось православному Рижскому духовенству при всемъ его стараніи не легко. Приходилось считаться съ чудовищными мѣрами. Подъ опасеніемъ быть обвиненнымъ въ агитаторствѣ не допускалось предлагать эстамъ и латышамъ бесѣды о вѣрѣ, хотя-бы тѣ и выражали желаніе православную вѣру узнать; священники могли принимать къ себѣ только лицъ, получившихъ на обученіе письменное дозволеніе отъ сельскаго начальства. По правиламъ-же такое заявленіе дѣлалось при полицейскомъ чиновникѣ, съ составленіемъ акта, послѣ чего выдавалось свидѣтельство на право перехода въ православіе по истеченіи 6 мѣсяцевъ.

9-го марта 1867 г. преосвященный Платонъ былъ перемѣщенъ въ Новочеркасскъ на Донскую епархію. Какъ Рижскіе православные прощались съ своимъ владыкой, какъ, оказалось, — они его цѣнили и любили, хорошо извѣстно.

Донская епархіальная дѣятельность преосвященнаго представляетъ фотографическое воспроизведеніе Рижской, —если можно такъ выразиться,—въ уменьшенныхъ размѣрахъ. По цвѣтистому выраженію анонимнаго автора книги «Шестидесятилѣтіе дѣятельности высокопреосвященнаго митрополита Платона» (Кіевъ 1887 г. стр. 78—79) «маститый архипастырь Донскую епархію нашелъ полемъ дѣвственнымъ, едва тронутымъ до него духовными оратаями, мало еще засѣяннымъ сѣятелями слова Божія, — въ которомъ находятся цѣлыя заброшенныя, забытыя пространства съ дикими безплодными смоковницами». Короче и проще: преосвященный Платонъ въ Донской епархіи нашелъ козаковъ полуграмотныхъ, по-козацки вѣровавшихъ, до 80000 раскольниковъ и громадное количество калмыковъ-язычниковъ. Церквей было мало; духовенство не имѣло авторитета и не обнаруживало никакой дѣятельности; о семинаріи не помышляли, объ улучшеніи матерьяльнаго быта духовенства не заботились. Отсюда все, что преосвященный Платонъ для Донской епархіи сдѣлалъ, оказывается только отвѣтомъ на вопіющія нужды. Какъ частность, подробность, интересную для характеристики его особы не лишне отмѣтить простоту, задушевность, общедоступность, которыя развернулись на Дону во всемъ своемъ блескѣ. Чтобы административныя распоряженія были цѣлесообразны, соотвѣтствовали мѣстнымъ условіямъ, надо было основательно и близко познакомиться со всѣми подробностями быта, жизни и состоянія своеобразной Донской паствы. Архіепископъ и шелъ къ конечной цѣли прямыми шагами. Всякій часъ дня, даже поздняго вечера отдавался каждому посѣтителю, имѣвшему возможность познакомить съ какой нибудь интересной стороной мѣстной жизни. Принимали безразлично и заслуженнаго протоіерея и бѣднаго священника изъ дальней глухой станицы и простаго казака. Случалось и такъ, что владыка и часъ и два бесѣдуетъ съ какой нибудь невзрачной ста-

рухой или странникомъ, а чиновные особы ждутъ и переглядываются.... Бесѣды, разсказы, свидѣтельства очевидцевъ, карта, клировыя вѣдомости, ежегодныя, продолжительныя тысячеверстныя путешествія были обычными способами войти во всѣ нужды края. Раскольниковъ архіепископъ принималъ у себя на Дону за чашкой чая, бывалъ и у нихъ нерѣдко. Не удивительно, что при такомъ рѣдкомъ вниманіи самые закоренѣлые изъ нихъ спѣшили посмотрѣть и послушать архіерея — никоніанина; а въ 1877 году, когда въ Одессѣ праздновался его 50-лѣтній юбилей, бывшіе старообрядцы поручили депутатамъ отъ Донской епархіи выразить преосвященному Платону «ихъ вѣчную благодарность, какъ избавителю отъ пагубы духовной». Неудивительны также и восторженные пріемы, которые въ 1875 году были устроены въ разныхъ мѣстахъ Донскому архіепископу калмыками. (Въ одномъ напр. мѣстѣ бакша выслалъ за 10 верстъ отъ хорула почетную депутацію, а предъ своимъ жилищемъ встрѣтилъ владыку со всей своей свитой; въ другомъ архіепископу предложенъ былъ стулъ въ передней части хорула, около бурхановъ; или въ одномъ напр. мѣстѣ калмыки и калмычки становились на колѣна предъ каретой преосвященнаго, выходили и выѣзжали встрѣчать его за 40 верстъ, просили его молитвъ и т. д.). Владыка Платонъ имѣлъ рѣдкій даръ очаровывать собой всякаго, открывать въ человѣкѣ самыя лучшія чувства, цѣнить человѣка. Онъ не гнушался сближаться и съ калмыками и съ ихъ бакшей (главный духовный представитель), принималъ ихъ, велъ бесѣды, по временамъ угощалъ. Такихъ сановныхъ простыхъ, доступныхъ обычнымъ смертнымъ, лицъ и всегда было немного, въ XIX вѣкѣ и того меньше. Вполнѣ понятно поэтому, что съ переводомъ преосвященнаго Платона въ Одессу Донъ потерялъ крупную живую, могучую силу, которая все согрѣвала, всему давала ходъ. «Одинъ Богъ знаетъ, чѣмъ-бы мы отплатили Вамъ за ласки и то счастье духовное, какими

Вы дарили насъ, еслибы Вы долѣе здѣсь прожили», писалъ архіепископу Платону въ 1877 г. калмыцкій бакша.

Назначеніе преосвященнаго на Херсонскую каѳедру послѣдовало 25 апрѣля 1877 года. Жребій занять ее выпадалъ ему и раньше,—въ 1857 году, по смерти знаменитаго Иннокентія Борисова, но воля Государя Императора удержала Платона въ Ригѣ, а Одессѣ дала Димитрія Тульскаго. 1877 годъ: восточная война; громъ побѣдоноснаго русскаго оружія... Приморская Одесса—средоточный пунктъ, куда стекались и особы царствующаго дома, и знаменитые герои, и полки побѣдоносные, и транспорты раненыхъ... Столѣтній юбилей Херсона... Потомъ, послѣ войны, цѣлый рядъ злодѣйскихъ покушеній... Кончина Государыни царицы... Ужаснѣйшее неслыханное злодѣяніе: смерть Государя Императора Александра II... Восшествіе на престолъ Александра III.... Осмыслить всѣ эти явленія великой исторической важности, освѣтить ихъ свѣтомъ вѣры, одухотворить интересами патріотизма, направить на вѣрный путь душу, мысли, чувства и мнѣнія разнохарактернаго, застывшаго въ узкой эгоистической сферѣ дѣятельности одесскаго общества—составляло слишкомъ отвѣтственную, сложную задачу, справиться съ которой могъ только мужъ испытанный, крѣпкій, закаленный исполинской борьбой въ предшествующей жизнедѣятельности. Такимъ мужемъ и былъ, такимъ и явилъ себя въ Одессѣ архіепископъ Платонъ. Пять лѣтъ онъ руководилъ общественнымъ мнѣніемъ Одессы и юга; ни одно событіе не прошло мимо его, не найдя отклика въ его душѣ, не осталось невыясненнымъ, не давшимъ толчка общественной мысли, совѣсти. Ему грозили, находя его вліяніе на народъ разрушительнымъ для нигилистическихъ затѣй; — онъ продолжалъ говорить и вліять. Его укоряли, критиковали, — однако толпой собирались, когда онъ служилъ, слушали и, выслушавъ, начинали глубоко чтить. Учреждалось-ли какое благотворительное общество, онъ первый несъ свою жертву;

нуждался-ли кто въ матерьяльной поддержкѣ, нравственномъ ободреніи,—онъ никому не отказывалъ. Просили защитить отъ неправды, помочь въ бѣдѣ,—преосвященный обращался по начальству, настаивалъ, ходатайствовалъ. Не лишенный внутренняго смысла случай: при первомъ вступленіи въ Одесскій соборъ архіепископъ, прикладываясь къ чудотворному Касперовскому образу Богоматери, нечаянно тронулъ клобукомъ лампаду и облилъ себя масломъ. Присутствующіе сильно смутились, но владыка нашелъ въ бѣдѣ утѣшительное знаменіе: «это дастъ мнѣ знать, что мое служеніе здѣсь будетъ полно Божіей милости ко мнѣ». Дѣйствительно, оно такимъ и было. Одесса придала блескъ и сіяніе его прежнимъ заслугамъ и открыла путь къ высшему сану, къ высшему служенію. Въ Одессѣ владыка имѣлъ случай сблизиться съ многими выдающимися дѣятелями. Здѣсь онъ отпраздновалъ свой 50-лѣтній юбилей службы церкви и отечеству. Въ Одессѣ, наконецъ, Платонъ, не смотря на кратковременность пребыванія, оставилъ рядъ капитальныхъ памятниковъ, благодаря которымъ память о немъ и понынѣ жива, понынѣ полна интереса. Вотъ главнѣйшее изъ всего того, что онъ сдѣлалъ за одесскій періодъ.

Въ интересахъ поднятія религіозно-нравственнаго уровня, оживленія церковно-общественной жизни населенія и для руководства миссіонерской дѣятельностью духовенства по обращенію въ православіе старообрядцевъ, штундистовъ, шалапутовъ и другихъ сектантовъ епархіи преосвященный Платонъ исходатайствовалъ разрѣшеніе на учрежденіе въ Одессѣ втораго викаріатства.

Для успѣшной борьбы со штундой архипастырь учредилъ, въ память 25-лѣтія царствованія Государя Императора Александра II, братство св. апостола Андрея Первозваннаго и въ основаніе капитала братства внесъ крупное пожертвованіе—тысячу рублей.

Открылъ и докончилъ устройство учебной и экономической сторонъ Одесскаго епархіальнаго женскаго училища. Эта дѣятельность преосвященнаго была особенно благотворна въ годы либеральныхъ вѣяній, коснувшихся и молодаго женскаго поколѣнія въ духовенствѣ, которое, часто получивъ воспитаніе въ свѣтскихъ учебныхъ заведеніяхъ, потомъ или не хотѣло возвращаться къ своимъ,—выходить замужъ за лицъ духовнаго званія, или же если и мирилось съ долей, «то съ скрежетомъ зубовнымъ», на всю жизнь отравляя существованіе ни въ чемъ неповинной другой половины человѣческаго рода. И въ училище владыка сдѣлалъ крупный вкладъ—1500 рублей, съ тѣмъ, чтобы проценты шли въ награду и на первоначальное обзаведеніе при выходѣ лучшимъ воспитанницамъ.

Мужское духовное училище обязано заботѣ, содѣйствію и жертвѣ преосвященнаго Платона устройствомъ прекрасной домовой церкви, во имя славянскихъ первоучителей, и постройкой казенныхъ квартиръ для учащаго персонала.

Семинарію архіепископъ особенно любилъ. Для пріученія воспитанниковъ къ церковной службѣ при немъ вышло распоряженіе по очереди присутствовать семинаристамъ на богослуженіи въ Крестовой архіерейской церкви и исполнять на глазахъ преосвященнаго всѣ причетническія обязанности. Въ капиталъ семинаріи владыка внесъ также 1000 рублей, съ тѣмъ, чтобы проценты шли на пособія бѣднымъ ученикамъ по окончаніи курса.

Для пользы религіозно-нравственнаго просвѣщенія народа въ Елисаветградѣ были открыты религіозно-нравственныя чтенія.

Въ системѣ управленія главное вниманіе было обращено на тѣ служебныя силы, которыя по самой своей цѣли призваны помогать архіерею административнымъ образомъ. О протекторатѣ тутъ, конечно, не могло быть и рѣчи.

«Мѣста даются священникамъ, — писалъ однажды владыка, — по просьбамъ и заслугамъ, а не по ходатайству женщинъ».

Относительно улучшенія матерьяльнаго быта духовенства сдѣлано также не мало. Тонъ и здѣсь всегда давалъ самъ преосвященный. Являясь въ полномъ смыслѣ заботливымъ отцомъ духовенства, готовымъ во всякое время раздѣлить и горе и радость, Платонъ стоялъ въ самой тѣсной, органической связи съ духовенствомъ епархіи, никогда не отстранялъ его, не обходилъ, тѣмъ болѣе, конечно, не оставлялъ безъ поддержки и защиты.

Къ 1877 году на архіерейскомъ домѣ былъ долгъ до 15.000, въ 1882 году онъ дошелъ до 3—2 тысячъ. Одновременно съ уплатой произведены довольно капитальныя работы, напр. обновлено все зданіе архіерейскаго дома; домовая крестовая церковь расширена и поновлена, прибавленъ къ старому новый Владимірскій придѣлъ; во дворѣ выстроенъ флигель, улучшены архіерейское помѣщеніе и иконостасъ домовой церкви въ Бизюковомъ монастырѣ и т. д.

6-го февраля 1882 года состоялось новое назначеніе Владыки Платона на Кіевскую митрополію. Представители всѣхъ сословій Одессы торжественно засвидѣтельствовали свою любовь къ отбывающему іерарху. 15-го марта онъ оставилъ Одессу, провожаемый массами населенія, которое за пять лѣтъ успѣло крѣпко къ нему привязаться.

Въ Кіевѣ 8-го сентября 1887 года Владыка митрополитъ праздновалъ свой 60-лѣтній юбилей. Скончался 1-го октября 1891 года.

Литературные труды. «Поученія и бесѣды» печатал. въ повременныхъ изданіяхъ, напр. въ Донскихъ Еп. и Херсон. Еп. Вѣдомостяхъ за 1875, 1876,—1882 гг. Отдѣльное изданіе: «Слова и рѣчи» Платона архіепископа Херсонскаго (съ 1877—1880) Одесса. (196 стр.) Реценз. архим. Іосифа. Ц. В. 1880. № 30, 7.

Литература о преосвященномъ Платонѣ.

Князевъ:—Псковская и Рижская епархія подъ управленіемъ преосвящ. Платона (Христ. чтеніе 1878 г. кн. I). Князевъ.—Управленіе преосвящен. Платономъ Херсонскою епархіею съ 1877—1882 г. (Христ. чтеніе 1884 г. кн. 9—10). Снѣсаревъ.—Донская епархія и десятилѣтнее управленіе ею архіепископа Платона; вып. I. Новочерк. 1877 г. вып. II. Одесса 1880 г. изд. второе вып. I. Одесса 1881 г.—Пятидесятилѣтній юбилей служенія св. церкви и отечеству высокопреосвящ. Платона. (Изъ Херсон. епарх. вѣдом. за 1877 г.) Одесса 1877 г. (198 стр.). Новый архипастырь Кіевскій и Галицкій высокопреосвящ. митрополитъ Платонъ. Кіевъ 1882 года.—Пребываніе митрополита Платона въ Новочеркасскѣ. Новочеркасскъ, 1886 г. —Шестидесятилѣтіе должностной дѣятельности Платона митрополита Кіевскаго и Галицкаго. Кіевъ 1887 г. –Памяти Платона митрополита Кіевскаго и Галицкаго. Изд. Од. Андр. братствы 1891 г. Мелкія статьи, напр. Прибытіе архіепископа Платона въ Одессу Х. Е. В. 1877 г. 13, 328; 340; 15, 379; Свѣдѣнія о жизни и дѣятельности арх. Платона ibid. 15; 393; Благословеніе Херсонской паствѣ Донскою иконою Божіей Матери ibid. 17, 481; Посѣщеніе преосв. Платономъ Николаева и Херсона ibid. 23, 801; Х. Е. В 1879, № 8, 9, 17, 20, 23 и проч. Дон. област. вѣд. 1877 г. май—іюнь. Крыловъ.—Воспоминанія о высокопреосвящ. Платонѣ, бывшемъ Донскомъ и Новочеркас. архіепископѣ. Пастырскій собесѣдникъ, 1893 года, іюнь; — Крыловъ.—Отношенія викарія Донской епархіи еписк. Никанора къ архіепископу Платону.

Архіепископъ Никаноръ Бровковичъ

12 декабря 1883—27 декабря 1890 г.

Высокопреосвященный Никаноръ, въ мірѣ Александръ Ивановичъ Бровковичъ, былъ родомъ изъ Могилевской губерніи и родился 20 ноября 1826 года. Отецъ его, сельскій священникъ (жилъ и священствовалъ въ селѣ Высокомъ, потомъ въ с. Бѣлой церкви), принадлежалъ къ дворянской фамиліи, но дворянскіе документы рода сгорѣли въ Шиловѣ въ домѣ генерала Зорича, родъ обѣднѣлъ и отецъ Александра Ивановича, о. Іоаннъ Петровичъ жилъ обычной въ 20 — 30-хъ годахъ простой сельской или деревенской жизнью. «Дорогое дѣтство, — пишетъ въ одномъ изъ своихъ сочиненій преосвященный,—сколько оно навѣваетъ чисто поэтическихъ, высоко-идиллическихъ воспоминаній. И эти воспоминанія, какъ свѣтлый туманъ подъ лучами утренняго солнца, поднимаются особенно съ обрабатываемыхъ полей, луговъ, лѣсовъ, среди которыхъ родились, жили, трудились и померли наши отцы. Мы сами въ дѣтствѣ работали собственными руками, возили и складывали снопы, раскидывали навозъ, ѣздили въ лѣсъ за дровами, на пастьбу коней и т. д. Мой отецъ дѣлалъ по дому все собственными руками, чинилъ телѣги, сбрую, ходилъ за ульями, возилъ

навозъ, дралъ лядо (расчищалъ чищобу изъ лѣса подъ пашню), сѣялъ жито, только не молотилъ по слабости силъ и не ходилъ съ сохой—не было обычая. Помню, въ свободный часъ отецъ со мной, уже гостемъ баричемъ, воспитанникомъ образцовой семинаріи, выѣзжалъ на большое озеро въ лодочкѣ-душегубкѣ, съ сѣтями—ловить рыбу, самъ чуть-чуть не въ натурѣ. Домой возвращались мы измоченные до нитки, съ котомками рыбы, которая прямо изъ воды, живая, попадала на сковороду. А въ воскресный день, въ праздничекъ тотъ же отецъ, первый работникъ на семью, надѣвалъ чистый подрясникъ, приличную рясу и шелъ въ церковь служить свою обѣдню, свою утреню, а мы (дѣти) шли пѣть и читать на клиросѣ. Вмѣстѣ съ дѣдомъ онъ училъ насъ грамотѣ; нѣжить не любилъ; употреблялъ иногда розгу, заставлялъ писать; самъ былъ очень уменъ и дѣятеленъ; кончилъ курсъ воспитанія въ Могилевской семинаріи во второмъ разрядѣ, хотя шелъ во всѣхъ предыдущихъ классахъ въ первомъ и даже въ числѣ первыхъ; молился Господу Богу иногда пламенно; такъ при совершеніи для меня напутственнаго молебна и о просвѣщеніи, когда отправлялся я въ Петербургъ въ первый разъ, онъ истекалъ въ слезахъ; никогда этого не забуду; не забуду какъ онъ благословлялъ меня молитвенникомъ. Мать моя учила меня молиться Богу, женщина нрава была самаго кроткаго, степенная, разсудительная, терпѣливая, въ высшей степени милостивая, попечительная; въ жизни испытала горя много; вообще во многихъ отношеніяхъ, особенно въ нравственномъ женщина образцовая. Помню и бабку мою, —мать моего отца, старушку слабую, воспитанную нѣсколько въ католическомъ духѣ; разсказывала она мнѣ нѣкоторыя священныя исторіи, пріучала къ молитвамъ и богослуженію, любила пѣть псалмы; она много содѣйствовала развитію въ душѣ моей чувства религіознаго; помню и теперь, какъ мы молились съ нею въ саду, обратясь лицомъ къ

церкви; она читала тогда молитвы предъ св. причастіемъ; помнится, тогда исповѣдывался я чуть-ли не въ первый разъ. Семья была большая, но пять человѣкъ дѣтей умерло, а въ 1847 г. скончался и отецъ, оставя по себѣ жену—мать нашу и насъ четверо сыновъ. Ясно помню, какъ моего старшаго брата—Павла взяли въ пѣвческую; но отецъ, вслѣдствіе слезъ матери, выкланялся, вымолилъ свободу своему сыну — первенцу. Когда пришла моя очередь, я крѣпко-же плакалъ, не хотѣлось мнѣ поступать въ пѣвческую. У насъ въ семьѣ существовали печальныя о ней преданія. Двое моихъ родныхъ дядей пѣвчими-же, одинъ исключенъ изъ семинаріи, другой умеръ въ дѣтствѣ. У меня и дѣдъ былъ пѣвецъ и отецъ былъ пѣвецъ, не помню былъ-ли также пѣвчимъ; но я и еще двое меньшихъ братьевъ были. Насъ тогда вербовали въ пѣвчіе, какъ въ старину въ рекруты. Меня лишь только привезли въ училище, сейчасъ-же вербовщики, старые пѣвчіе, послушавъ мой голосъ, объявили, чтобъ я шелъ въ пѣвческую. Я по дѣтской неопытности пустился было бѣжать, чтобы скрыться, но за мной пустились въ погоню: «а, мальчонка, нѣтъ! нѣтъ»! Я сталъ плакать. Отецъ ходилъ было къ регенту отпрашивать меня, какъ отпросилъ и старшаго брата. Но воротившись отъ регента, говоритъ, что кланялся, просилъ; о. регентъ сначала отговаривалъ, потомъ пересталъ и говоритъ. «Я кланяюсь, прошу, а онъ молчитъ». Отецъ уѣхалъ домой; я со слезами поступилъ въ хоръ. Помню, уже живя въ хорѣ, я сперва часто плакалъ, тосковалъ постоянно. Нѣкто Іовлевъ, инженерный офицеръ, такъ себѣ диллетантъ, любитель и знатокъ пѣнія, часто посѣщавшій пѣвческую во время моихъ спѣвокъ, видя мои слезы, тогда 9-лѣтняго мальчика, говоритъ; «перестань, Сашка, плакать. Попомни ты мое слово, никогда никакое знаніе не виситъ у насъ тяжелой ношей на спинѣ. Богъ Святый знаетъ, чѣмъ придется тебѣ въ жизни хлѣбъ ѣсть». И я тысячи разъ вспоминалъ потомъ,

дѣйствительно, это слово молодаго свѣтскаго, но умнаго офицера. Тѣмъ не менѣе глубокую дѣтскую тоску вырвешь изъ сердца не вдругъ; тѣмъ болѣе, что она, бывало, растравлялась приближеніемъ всякаго вакаціоннаго праздника, Рождества, Пасхи, лѣтнихъ каникулъ. Всѣ радости дѣтскаго сердца у всѣхъ насъ группировались около этихъ веселыхъ дней. Боже! Радости свѣтлыхъ рождественскихъ дней! Боже! Восторги Свѣтлаго Христова Воскресенья! красныя яица, весна.... Лѣтняя вакація съ 15 іюля по 1 сентября, сѣнокосъ, жнитво, всѣ лѣтнія игры и развленія. Всѣ эти радости существуютъ для всѣхъ другихъ дѣтей, но не для насъ, жалкихъ, оторванныхъ отъ роднаго гнѣзда, дѣтей. Бывало, лѣтомъ выйдешь за огородъ, увидишь колосящуюся гонимую волнами вѣтра рожь, идешь одинъ 10-лѣтній мальчикъ, и тихо слезы льешь... Или забьешься куда-либо въ скирды дровъ, вспомнишь дома братьевъ, сестеръ,—дѣтей меньше меня,—которыхъ не видишь вотъ цѣлые годы, кромѣ старшаго брата, который уѣхалъ домой въ отпускъ изъ училища, и рыдаешь горькими слезами. Или засядешь гдѣ нибудь въ тѣхъ-же дровахъ, или на чердакѣ, къ какомъ-либо глухомъ углу и пожираешь Библію отъ доски до доски, или Четь-Минеи отъ доски до доски и т. п. Меланхолія, фантазія развивались до крайности. Уже въ тѣ годы съ пѣвчимъ товарищемъ А. Г—мъ мы сговаривались бѣжать въ пустынный Чонскій монастырь, спасаться. Этотъ монастырь поразилъ наше воображеніе, когда мы посѣтили его при объѣздѣ епархіи съ преосвященнымъ Смарагдомъ, такъ какъ монастырь былъ расположенъ въ дремучемъ, сосновомъ лѣсу, на совершенно пустынномъ берегу р. Сожи и тамъ мы въ первый разъ увидѣли ветхаго старца, схимника, въ его черномъ облаченіи, обшитомъ бѣлыми крестами, съ адамовой головой, съ костями, съ священными надписями. Съ какихъ-либо 11 лѣтъ, вслѣдствіе того-же одиночества, я сталъ пожирать и свѣтскую всю выходившую тогда журнальную

литературу—повѣсти, письма Карамзина, романы Загоскина, Лажечникова, Брамбеуса, Марлинскаго, Булгарина, стихи и прозу Жуковскаго, Пушкина, Кукольника, Полеваго и наконецъ первые выпуски Гоголя, Лермонтова и т. д. по мѣрѣ выхода.... На Рождество, на Пасху насъ не отпускали потому, что тутъ-то и пѣть надо. Бывало подходятъ праздники, Боже! Сколько радости у этихъ сотенъ мальчиковъ, сотоварищей — учениковъ, которые съ шумомъ и гамомъ разъѣзжаются по домамъ. А у насъ слезы, у насъ усиленные труды, ученье особенно напряженное, у насъ хмурая безпріютность, казенная служба.... Праздники Рождества, Пасхи, принося много труда, приносили сами въ себѣ и свою духовную, отчасти даже и тѣлесную праздничную радость, поздравленія, лакомства, свои праздничныя игры. Но вакація—это было время самаго усиленнаго пѣвческаго ученья. Бывало, мы еще въ постеляхъ, еще спимъ крѣпкимъ утреннимъ сномъ, а въ комнатѣ, гдѣ спѣвались, обыкновенно, уже раздаются рѣзкіе звуки скрипки регента. За это время мы, пѣвчуры, выучивали всю массу концертовъ, трехголосныхъ, четырехголосныхъ и семиголосныхъ, какіе пѣлись во весь годъ и множество другихъ пьесъ — херувимскихъ, задостойниковъ, ирмосовъ и т. п. А мы на каждый воскресный и праздничный день готовили и пѣли свой особый концертъ. Было множество концертовъ, которые пріурочивались только къ одному дню въ году, напр. рождественскіе концерты, на день Православія, на Благовѣщенье, на недѣлю Ваій и т. д. Все это мы заучивали, а кто зналъ, тѣ повторяли все это съ недоучками за лѣтнюю вакацію. Выучивали мы это такъ, что ничего въ жизни я такъ твердо не зналъ, не изучалъ и не помню такъ твердо, какъ нотныя пьесы!

Жилось намъ пѣвчимъ не дурно. Помѣщеніе было хотя и не просторно, но удобно. Каждый имѣлъ свою особую кровать. Каждый имѣлъ тюфякъ, простыню, одѣяло и подушку и все это содержалось въ опрятности... Видъ комнатъ пѣвческой

былъ даже наряденъ, потому что на карманныя деньги, которыя хоръ же и доставлялъ намъ, мы любили покупать картины религіознаго и патріотическаго содержанія и ими обвѣшивали всѣ стѣны. Покупалъ положительно каждый изъ пѣвчихъ. Кромѣ того каждый-же имѣлъ собственную лампадку, одну или двѣ, которыми также увѣшивали стѣны, поближе къ образамъ. И когда, бывало, въ праздникъ засвѣтимъ свои лампады, то видъ въ нашихъ комнатахъ былъ и прекрасный, и трогательный. Съ восторгомъ, долго вспоминались ночи страстной недѣли, особенно ночь Страстей Господнихъ, когда мы около полуночи, бывало, возвращались изъ собора, или ночь на св. Пасху, когда мы зажигали всѣ свои лампадки отъ звона къ дѣяніямъ и до 11 часовъ, до ухода всѣхъ въ соборъ на свѣтло-пасхальную заутреню. Нѣтъ, наше дѣтство прошло поэтически прекрасно, и педагогически назидательно.... Кто заболѣвалъ изъ насъ, къ тѣмъ ѣздилъ врачъ, одинъ или даже два, и это бывало. Надъ больнымъ регентъ сидѣлъ почти неотступно, самъ наблюдая за питаніемъ, за діэтой, за подаваніемъ микстуръ, за уходомъ. Надо было пережить и почувствовать дѣтскимъ сердцемъ общій переполохъ, какой пережилъ и перечувствовалъ я, когда меня разъ чуть не убило въ день Крещенія. Когда мы воротились съ водосвятія, съ Днѣпра, и въ торопливости становились на клиросъ, а дѣло происходило въ теплой довольно тѣсной церкви,—то пѣвчіе, тискаясь на клиросъ, сильно толкнули одну изъ рѣзныхъ колоннъ иконостаса. Колонна пошатнулась и полетѣла, но была поддержана руками взрослыхъ пѣвчихъ. Корона-же съ нея сверху полетѣла внизъ; счастье, что также была задержана въ паденіи руками-же другихъ, но упала мнѣ прямо на голову и ударила своимъ угломъ въ выдающійся уголъ лба. Сгоряча, съ нечаянности я и не почувствовалъ ровно ничего, кромѣ того, что мгновенно мнѣ залѣпило глаза кровью. Въ ту-же минуту меня схватили, закутали, обвя-

зали платками всю голову и унесли домой. Я даже не понималъ ясно, что такое со мной и случилось. Но бѣгутъ изъ церкви всѣ ко мнѣ, не говорю—своя братія пѣвчіе, не говорю регентъ. Еще прежде ихъ прискакалъ докторъ. Входитъ ректоръ семинаріи, архимандритъ. Разъ только въ этотъ случай онъ и посѣтилъ архіерейскую пѣвческую. А всему этому главный виновникъ, владыка Смарагдъ. Говорили, что когда произошло смятеніе въ церкви,—мальчика-де убило,—то владыка, говоря отпустъ, хотя предъ тѣмъ и раскраснѣлся было отъ ходьбы и холода, попавъ въ тепло, но тутъ поблѣднѣлъ какъ мертвецъ. Отъ него приходили посолъ за посломъ: «что, какъ?», пока не успокоили его, что никакой серьезной опасности нѣтъ. Съ тѣхъ поръ у меня на самомъ углу лба и остался шрамъ на полверика, довольно толстый... Когда, выздоровѣвъ совсѣмъ, явился я вмѣстѣ съ другими къ владыкѣ, онъ, грубовато лаская меня, т. е. гладя концами пальцевъ отъ лба по носу, но съ трогательной отеческой улыбкой, стоя въ полъ-оборота, говоритъ: «Ну, ну, мальчонокъ, а ужъ я думалъ, что ты тово... отправишься ad patres. Ужъ подумалъ было — да, да...», повторялъ онъ жалостливо нѣсколько разъ... Такъ,—за нами и призирали лучше, чѣмъ за родными дѣтьми, почти какъ за барчатами, и одѣвали чуть не роскошно и кормили сытно. И тѣмъ не менѣе положеніе наше, какъ дѣтей, въ архіерейской пѣвческой было подневольное — крѣпостное, трудовое, неестественно оторванное отъ семьи въ нѣжномъ дѣтствѣ и потому глубоко-грустное, отражавшееся на всю жизнь даже на нашихъ характерахъ, да и на судьбѣ. По крайней мѣрѣ эта оторванность отъ семьи въ дѣтствѣ, для службы въ архіерейской пѣвческой, имѣла глубокое вліяніе и на развитіе моего смысла и на складъ характера и на весь укладъ всей дальнѣйшей моей судьбы».

Александръ Бровковичъ былъ воспитанникомъ Могилевскаго духовнаго училища и семинаріи и въ то-же время

альтомъ-солистомъ Могилевскаго архіерейскаго хора 7 лѣтъ, до 1842 года.

«Томившійся безотчетнымъ томленіемъ по Петербургу, я самымъ неожиданнымъ ни для кого образомъ былъ вызванъ въ Петербургъ». Въ 1842 году, когда въ Петербургъ для такъ называемой образцовой семинаріи потребовались лучшіе воспитанники изъ провинціальныхъ семинарій, Могилевское семинарское правленіе въ качествѣ такихъ отправило А. Бровковича и И. Заркевича (впослѣдствіи Николай, епископъ Новомиргородскій).

Въ Петербургской семинаріи Ал. Бровковичъ сразу же оказался однимъ изъ первыхъ, такъ что ему въ 1843 году было поручено приготовить и произнести праздничную привѣтственную рѣчь митрополиту Серафиму на латинскомъ языкѣ. «Въ Петербургской семинаріи сначала пѣвчій, потомъ пономарь, перечитавшій между множествомъ всякаго рода вещей всѣ богослужебныя книги и съ перваго года въ философіи рѣшительно заявившій, что буду монахомъ, я мечталъ вмѣстѣ съ сыномъ митрополита Иннокентія, Гавріиломъ Ивановичемъ Веніаминовымъ ѣхать монахомъ миссіонеромъ къ его отцу въ Камчатку. Онъ поѣхалъ по окончаніи курса, женившись. А другой субъектъ? Случилось обстоятельство,—отъ оберъ-прокурора графа Протасова чрезъ К. Ст. Сербиновича, чрезъ профессора, священника Вас. Петр. Полисадова было объявлено, не желаетъ-ли изъ насъ кто-либо ѣхать въ миссію послушникомъ въ Іерусалимъ, или іеродіакономъ въ Римъ. Служить въ миссіи у гроба Господня, или у гробовъ первоверховныхъ апостоловъ,— и подумалось, что вотъ оно званіе Божіе. Субъектъ изъявилъ свое согласіе. Но ректоръ архимандритъ Θеогностъ выразился: «Жаль. Кончилъ-бы онъ курсъ въ академіи. Былъ-бы баккалавромъ». Послѣ многихъ свиданій съ рѣшителемъ судебъ, К. С. Сербиновичемъ, оный рѣшитель судебъ рѣшившій и мою судьбу быть по моему желанію мнѣ іеродіако-

номъ въ Римѣ, представилъ меня еще высшему рѣшителю судебъ графу Протасову, оберъ-прокурору, вельможѣ, грозѣ всякихъ и даже цвѣтныхъ рясъ. Съ особенностями великаго барина, въ стареньком грязномъ сертучишкѣ, выскочивъ изъ внутреннѣйшаго кабинета въ кабинетъ внѣшній, онъ подставилъ носъ къ моему носу, потомъ къ правой щекѣ, потомъ къ лѣвой; повторивъ этотъ маневръ нѣсколько разъ, онъ заболталъ: «молодъ, молодъ, молодъ, — сколько лѣтъ?» — 19. — «Молодъ, молодъ, молодъ!» Покраснѣвшій Константинъ Степановичъ: «усъ пробивается». — «Молодъ, молодъ, молодъ». Съ тѣмъ графъ убѣжалъ въ кабинетъ. А Константинъ Степановичъ при слѣдующемъ свиданіи: «кончите курсъ магистромъ. Миссіонерство никогда не уйдетъ; только тогда положеніе будетъ другое». Такимъ образомъ, вопреки своему желанію я поступилъ въ Петербургскую академію, по слову о. архимандрита Ѳеогноста. Въ академіи скоро сталъ пономаремъ (съ меня и начался рядъ студентовъ пономарей), къ концу года первымъ по всѣмъ предметамъ, исключая двухъ; кончилъ курсъ первымъ по всѣмъ предметамъ, исключая одного — церковнаго краснорѣчія. За годъ до окончанія курса посвященъ во іеродіакона, тотчасъ по окончаніи во іеромонаха и объявленъ баккалавромъ обличительнаго богословія». «Пять лѣтъ въ академіи занимался я дѣломъ съ усидчивостью, надъ которой товарищи подшучивали такъ: «пишемъ, пишемъ, а похвалъ не слышимъ». А преосвященный Макарій подъ конецъ пятаго года, когда я принесъ ему преувѣсистую тетрадь никому до тѣхъ поръ невѣдомой раскольнической библіографіи, до тѣхъ поръ гнѣвный ко мнѣ, выразился: «ну отецъ Никаноръ, тутъ если взять во вниманіе одинъ механическій трудъ..., то и тутъ слѣдуетъ подивиться». «Пять лѣтъ я читалъ обличительное богословіе и составилъ небывалыя до тѣхъ поръ записки по несторіанству, монофизитству, армянской церкви, католичеству и части протестантства, записки, повто-

рявшіяся въ академіи и въ семинаріяхъ (въ отрывкахъ) еще въ 60-хъ годахъ. Написалъ и издалъ въ свѣтъ сочиненіе: «Разборъ Римскаго ученія,» сочиненіе, заслужившее отличные отзывы митрополита Іосифа, ректора католической семинаріи въ Саратовѣ каноника Жельвовича и другихъ компетентныхъ людей. Оно и продолжено ненапечатаннымъ разборомъ твореній св. Аѳанасія Александрійскаго. По приказанію графа Протасова и К. С. Сербиновича приготовлено было довольно много матерьяловъ для сравнительнаго катихизиса. Съ третьяго года службы въ продолженіи почти трехъ лѣтъ читалъ, въ такъ называемомъ, тогда только что образованномъ, миссіонерскомъ отдѣленіи опроверженіе заблужденій раскола и раскольническую библіографію. По опроверженію составилъ обширныя записки. Написалъ для печати въ Христіанскомъ Чтеніи довольно большое сочиненіе объ Антихристѣ (не было напечатано потому, что было велико, а не будетъ потому, что предварено въ печати сочиненіемъ И. Ѳ. Нильскаго), довольно большое сочиненіе о перстосложеніи, которое одобрено цензурой и Св. Синодомъ, членомъ онаго преосвященнымъ архіепископомъ Евгеніемъ Астраханскимъ—Псковскимъ, но задержано К. С. Сербиновичемъ. По раскольнической библіографіи, предмету до тѣхъ поръ неслыханному, написано сочиненіе (которое продолжалъ частью и въ Ригѣ и въ Саратовѣ) «Описаніе раскольническихъ рукописей Александра Б.», которое надѣлало шуму довольно, а мнѣ надѣлало немало бѣдъ. Въ то же время, почти полтора года, я читалъ «Введеніе въ православное богословіе». Поручилъ словесно этотъ предметъ мнѣ преосвященный Макарій, пригласивши меня съ положительной стороны слѣдовать «Введенію», написанному имъ самимъ, обратить главное вниманіе на отрицательную сторону дѣла, для чего матерьялы я могъ найти у Перроне, Либермана, Клея, Доб-Майера и др. Я и обратилъ вниманіе болѣе на отрицательную сторону, вслѣдствіе чего мои лек-

ціи возбудили между студентами и въ городѣ говоръ. Когда же я въ началѣ другаго курса рѣшился было критически, съ точки зрѣнія Канта, отнестись къ ходячимъ доказательствамъ бытія Божія, то (то было время суровой положительности) меня при весьма тяжелыхъ для меня обстоятельствахъ, съ немалымъ шумомъ низвели съ этой каѳедры.

Работая въ академіи много, я полюбилъ академію и всѣ мои помыслы привязывались къ академіи. Вотъ что писалъ мнѣ въ Казань, по назначеніи меня туда ректоромъ академіи, одинъ остроумный человѣкъ (А. Я. М.): «незабвенный о. ректоръ! Долгомъ сердца считаю поздравить Васъ съ исполненіемъ Вашего *завѣтнаго желанія* — служить въ академіи хотя бы въ послѣднихъ рядахъ просвѣщенныхъ ея дѣятелей. Судьба медлила исполненіемъ Вашего желанія, быть можетъ, потому, чтобы вы, опираясь въ своей дѣятельности на болѣе зрѣлыя лѣта жизни и на обильно, хотя и *больно* собранный жизненный опытъ, сдѣлались достойнымъ принять какъ награду и способнымъ поднять, какъ великій подвигъ науку руководства самыхъ руководителей науки, не только ея питомцевъ, избранныхъ впрочемъ изъ извѣстныхъ Вамъ сотенъ и готовящихся въ избранный десятокъ на цѣлую епархію. Не мало времени съ живымъ и дѣятельнымъ участіемъ смотрѣли Вы на каботажный семинарскій промыселъ науки: теперь Вы въ открытомъ морѣ знанія и зорко, съ ненасытимымъ наслажденіемъ, съ забвеніемъ времени, силъ и трудовъ будете слѣдить и руководить огромными работами великихъ дѣятелей, извлекающихъ изъ глубины наукъ свѣтоносныя сокровища истины.... Богъ — помочь Вамъ».

Когда мнѣ объявили (25 апрѣля 1856 г.), что я назначенъ ректоромъ въ первоклассную тогда Рижскую семинарію, на мѣсто, котораго желателями и искателями были тогда нынѣ преосвященный Макарій епископъ Орловскій, преосвященный Гурій епископъ Таврическій, и—конечно—

другіе, я почувствовалъ, что завѣтнѣйшія привязанности моего сердца къ академіи оборвались. Часа два или три я дрожалъ послѣ первой вѣсти отъ нервнаго раздраженія. А посылали меня въ лестныхъ для меня видахъ. Н. д. оберъ-прокурора А. Н. Карасевскій, любившій повторять: «я знаю его вотъ съ какихъ поръ»..., говорилъ митрополиту Никанору: «нѣмцы могутъ уважать только ученаго, — въ Ригу нужно ученаго,—нѣтъ-ли у Васъ такого?» «Вотъ о. Никаноръ.» —«На что же лучше батюшка?—Я знаю его вотъ съ какихъ поръ». Въ Ригѣ (по 1 декабря 1857 г.) я занимался болѣе живою дѣятельностью, писаньемъ на сердцахъ человѣческихъ; впрочемъ и писалъ—вещь, которая тогда всюду носилась въ воздухѣ—правила для воспитанниковъ семинаріи, по приказанію преосвященнаго архіепископа Платона. Листовъ 100 написалъ, остались.... Имѣли слѣдствіемъ развѣ только то, что частью были препровождены въ комитетъ преобразованія семинарскаго устава; сначала при графѣ Толстомъ I кинули на меня тѣнь — все дышало тогда аскетизмомъ; а послѣ при графѣ Толстомъ II, содержаніемъ своимъ, идеями своими о музыкѣ, гимнастикѣ, вентиляціи и живости, приличіи и проч. и проч. вошли въ составъ нова госсеминарскаго устава. Невпопадъ умствовалъ я только о классическихъ языкахъ. Что въ Ригѣ я былъ безпримѣрный ректоръ, объ этомъ можно судить отчасти по образу дѣятельности моей въ Казани. Но ректоръ академіи я былъ слабымъ отраженіемъ себя, какъ ректора семинаріи. Въ Ригѣ ежедневно и неопустительно бывалъ я на утренней и вечерней молитвѣ съ учениками, на ужинѣ въ столовой съ учениками ежедневно, на обѣдѣ чуть не ежедневно; въ больницѣ бывалъ ежедневно; въ случаѣ тяжкой чьей-либо болѣзни нѣсколько разъ днемъ и ночью (до 16 разъ, сочтено); тяжкимъ, даже заразнымъ больнымъ самъ служилъ (до цѣлодневнаго собственноручнаго оттиранія холерныхъ). Всякій ученикъ померъ на моихъ глазахъ; всякій мною, при мнѣ

обмытъ, положенъ на столъ, во гробъ, чуть не всякій при мнѣ-же исповѣданъ, всякій мною отпѣтъ, провоженъ и опущенъ въ могилу. Въ Ригѣ въ 1857 г., вслѣдствіе тѣсноты помѣщенія, холерою и холериною поражена была вся семинарія; больныхъ заразъ имѣли по нѣскольку десятковъ.... Умеръ одинъ, первый заболѣвшій, который самъ запустилъ поносъ, не сказывалъ; прочихъ мы отстояли. Я чуть не жилъ въ больницѣ. Въ Витебскѣ одинъ (Цитовичъ) прибылъ съ вакаціи, пораженный холериною; въ два часа дня открылась злѣйшая холера. Я провозился съ нимъ до 4 — 5 час. утра. Совсѣмъ умиралъ; врачи сказали: послѣднее средство —обернуть нѣсколько разъ въ простыни, намоченныя во льду. Какъ продѣлали эту штуку нѣсколько разъ, уже по утру на другой день и уложили въ сухую постель, — смотримъ у него и дыханіе прекратилось и глаза вывернулись. Горячій самоваръ! Грѣть! Хоть жечь, все равно умираетъ. Какъ пустили мы еще горячую струю пара въ трубы въ желудокъ,—чу! проговорилъ: ноги! Грѣть ноги. И отогрѣли. Поутру,—а утро такое прелестное — ученики говорятъ: «у Васъ лицо темнѣетъ! Отдохните!» Я и пошелъ, съ часъ времени соснулъ, и ничего не случилось. У нашего холернаго долго была горячка.... По моимъ указаніямъ, подъ моимъ непосредственнымъ надзоромъ переставлена была Рижская семинарія; перестроенной она и оставалась послѣ меня лѣтъ 20, пока не построили новое зданіе; впрочемъ и теперь твердо не знаю, построено-ли новое зданіе. Знаю, что я самъ составлялъ его планъ. Въ Саратовѣ я также переставилъ всю семинарію и духовное училище, всюду гонясь за просторомъ, чистотою и порядкомъ; просилъ я крѣпко, не давали; а выпросилъ 10000 р. уже когда выбылъ изъ Саратова на череду въ Петербургъ. Въ Витебскѣ я напотличнѣйшимъ образомъ обновилъ, украсилъ и обогатилъ церковь; составлялъ проэкты перестройки семинаріи, устроилъ гимнастику, какой подобной не видалъ нигдѣ. Развелъ цѣ-

лый садъ. Хлопоталъ о насажденіи деревъ въ Саратовѣ, но безплодно. Въ Казани проэктировалъ устройство библіотеки, канцеляріи, залы, ректорской квартиры, церкви, на что исходатайствовалъ до 70000 руб. Самъ-же и заложилъ эти зданія. Построить не пришлось. Въ Саратовскомъ монастырѣ передѣлалъ всѣ три церкви, устроилъ и открылъ большое кладбище (что дало хорошій источникъ доходовъ), построилъ двѣ часовни, одну каменную затѣйливую надъ кладязями. Всего не перечтешь. Въ Уфѣ мужское духовное училище построилъ, женское перестроилъ; тутъ-же передѣлалъ и освятилъ церковь; отлично благоустроилъ красивую церковь въ архіерейскомъ домѣ; безпримѣрно благоукрасилъ росписью большой уфимскій соборъ, при чемъ самъ чуть не ежедневно лазилъ по подмосткамъ подъ самые своды, а въ духовномъ училищѣ на верхъ большаго зданія. Я первый ввелъ общее пѣніе всею семинаріею,—пѣли не часть службы, а всю службу какъ обѣдню, такъ и всенощную; такъ и великопостную службу. Я дѣлалъ самолично общія спѣвки, и на недѣлѣ и предъ каждою всенощною, и обѣднею. Самъ и училъ пѣть и читать; самъ-же объяснялъ нерѣдко и дневныя чтенія изъ апостола и евангелія. Въ Саратовѣ-ли, вездѣ-ли (т. е. въ Ригѣ и Витебскѣ) за утренней молитвой прочитывалась глава изъ библіи, которую я же и объяснялъ. Въ Витебскѣ послѣ вечерней молитвы тутъ-же въ столовой открыты были общія чтенія, которыми я-же и руководилъ, противъ чего возражала инспекція, какъ въ Казани возражала противъ ежедневнаго хожденія моего на утреннія и вечернія молитвы. («Вы-де налагаете на инспекцію необязательный трудъ» — это говорилось въ Витебскѣ; «Вы унижаете инспекцію»—говорено въ Казани и прямо требовано, чтобы я пересталъ ходить на молитву, но я не послушался.) Я—horribile dictu,—въ Ригѣ и Витебскѣ самъ училъ всю семинарію гимнастикѣ; самъ-же и ломался съ учениками; это ежедневно.... Да, въ Ригѣ, Витебскѣ и Саратовѣ я стано-

вился въ церквахъ, съ воспитанниками, когда не служилъ и управлялъ общимъ пѣніемъ. Въ монастырѣ въ Саратовѣ и въ Казани становился на клиросѣ и дирижировалъ пѣвчими, какъ регентъ. Я ходилъ въ классы за больныхъ наставниковъ въ семинаріяхъ вездѣ и всегда; а въ Саратовѣ преподавалъ за другаго математику чуть не годъ и держалъ съ учениками экзаменъ по математикѣ при Іоанникіѣ I (Варшавско-Херсонскомъ). Въ Саратовѣ я ѣздилъ и по квартирамъ. Вездѣ въ семинаріяхъ и всегда ученики входили въ церковь и выходили на моихъ глазахъ. Въ Саратовѣ, на моихъ-же глазахъ предъ богослуженіемъ происходила всякій разъ перекличка учениковъ; а тамъ учениковъ бывало больше 400 человѣкъ. Въ Ригѣ лѣтомъ я-же самолично выводилъ учениковъ за городъ на прогулку, тоже ежедневно. Въ Витебскѣ мы съ учениками самолично спасли квартиру одного протоіерея отъ пожара, очистивъ ее до нитки въ какую-либо четверть часа; а пожаръ былъ во дворѣ на разстояніи полуторы сажени. Разъ также выступили было на спасеніе архіерейскаго дома и собора отъ сосѣдняго пожара (ночью), но услуга наша не понадобилась. Собора потому и не выбирали, что стояла масса учениковъ, которая въ случаѣ прямой опасности могла вычистить его въ полчаса. И въ Саратовѣ лѣтомъ я-же самолично выводилъ учениковъ въ горы на прогулку. Я же неотлучно былъ съ учениками во время тогдашнихъ маёвокъ, или рекреаціи, заботясь крѣпко, чтобы ученики были сыты и имѣя даже нѣкоторое излишнее угощеніе. Самъ-же и возвращался съ учениками пѣшкомъ по ночамъ чуть-чуть не къ утру. Оттого я и любилъ учениковъ семинаріи, что дѣлалъ для нихъ безпримѣрно много. Студентовъ я уже конечно не любилъ оттого, что они бывали грубы и дерзки, не выносили присутствія начальства, не разъ меня безсловно, но грубо обижали. Я увидѣлъ, что они чуждаются меня, какъ ректора и я сталъ

держаться отъ нихъ подальше. Сами-де возрастъ имутъ и очень горды.

Въ Ригѣ изъ сторонних кромѣ лучших изъ духовенства, я ни съ кѣмъ не знался. Въ Ригѣ я пробылъ съ 16 мая 1856 г. по февраль 1858 г. Къ 16-му февраля, по желѣзной дорогѣ только отъ Петербурга до Москвы, я прискакалъ (ѣдучи днемъ и ночью) въ Саратовъ, гдѣ и прожилъ по 4-е сентября 1864 года. На Саратовъ пала самая кипучая пора моей жизнедѣятельности. Туда я прибылъ 30-лѣтнимъ архимандритомъ. Я поразилъ очи и воображеніе и сердца сколько своимъ—увы!—даже видомъ, столько-же—да—и разнообразіемъ способностей. Первую проповѣдь на вечернѣ въ первый день Пасхи я произнесъ такъ, что... не скажу, нужно хвалить себя. На меня накинулось свѣтское вниманіе.... Я многихъ отталкивалъ, какъ и въ Казани оттолкнулъ свѣтскія знакомства, написавъ письмо Г—ву, какъ предводителю тогда дворянства, что мнѣ недосужно возиться съ свѣтскими, изъ коихъ нѣкоторые домогались моего знакомства. Въ Саратовѣ я однакоже сблизился... съ Николаемъ Ивановичемъ Костомаровымъ, многосвѣдущее его я не встрѣчалъ людей, и Николаемъ Александровичемъ М—мъ.... Костомаровъ не говорю, что онъ зналъ исторію и литературу безпримѣрно широко; онъ отлично, чуть не наизусть, зналъ библію, и перечиталъ многое если не все отрицательное по части библейской критики. Вѣры былъ разрушенной, но глубокосердечной. Ходилъ въ церковь чуть не ежедневно, далеко не во все вѣруя. М—въ былъ величайшій, какого я зналъ, музыкантъ, крѣпкій мыслитель гегельянецъ, образецъ изящества и свѣтскаго лоску, необычайно многосвѣдущій, учился въ университетѣ и въ медицинской академіи, прилекательнѣйшій баричъ; въ личнаго Бога и безсмертіе не вѣрилъ.... Я вращался между Сциллой и Харибдой. Время было необычайно, небывало возбужденное, время Герцена, Чернышевскаго, Добролюбова и tutti quanti..., время Бюхнера,

Ренана, Дарвина, Бокля,—время пропаганды Штрауса, всяческихъ естественнонаучныхъ изданій и чего-чего тамъ еще.... Все это я перечиталъ. О всемъ этомъ перетолковано съ друзьями. Дарвина я проглядѣлъ въ первомъ выпускѣ,—на англійскомъ языкѣ. Бокля имѣю въ первомъ изданіи. Первые труды Костомарова имѣю отъ него самого. Особенно много я перечиталъ геологій,—должно быть всѣ, какія были на русскомъ языкѣ. Бюхнера, Ренана читалъ въ литографіяхъ. Герцена—всего. Ренанъ—романъ; но Штраусъ,—читалъ на французскомъ и Гфрерéръ,—проглядывалъ на нѣмецкомъ, — капитальнѣе. Нѣмецкій языкъ въ семинаріи и сперва я зналъ по школьному хорошо, въ аттестатѣ имѣю —отлично; въ Ригѣ изучалъ чрезъ домашняго лектора; а впослѣдствіи кинулъ и почти забылъ. Французскій мнѣ дался легче и помнится крѣпче, ближе къ латинскому, наиболѣе знакомому. Писалъ-ли я что-либо въ Саратовѣ? Писалъ постоянно. Написалъ странную вещь подъ заглавіемъ «Патерикъ Саратовскаго Спасо-Преображенскаго монастыря», это были мои личныя записки, въ которыхъ я собралъ, было, много, конечно, и трагедій, но еще больше черноты, подмѣченной мною въ разныхъ концахъ Россіи, гдѣ Богъ привелъ мнѣ проживать. Читавшіе говорили, что это сочиненіе замѣчательное. И я по моему чувству говорю тоже: оно произвело-бы огромную сенсацію... Изъ этихъ записокъ составилось, было, четыре большихъ отлично переписанныхъ и переплетенныхъ тома. Матерія не была еще исчерпана. Матерьяловъ въ головѣ и даже въ бумагахъ была масса. Но я сжегъ этотъ пропитанный страданіями, кровью и желчью трудъ 17 апрѣля 1866 г., послѣ тяжкихъ колебаній. Такъ Богу угодно...: Подъ конецъ моего пребыванія въ Саратовѣ я сталъ изучать мѣстный расколъ по особымъ обстоятельствамъ, т. е. налегъ крѣпко на это изученіе, хотя такъ любительски я изучалъ его постоянно. Кромѣ того по порученію Св. Синода чрезъ правленіе Ка-

занской академіи, я писалъ «Троякое развитіе въ нашей церкви и въ школѣ катихизическихъ бесѣдъ», проэктъ который схороненъ въ Казанскомъ академическомъ архивѣ... По предписанію г. оберъ-прокурора графа А. П. Толстаго писалъ «Проэктъ преобразованія нашихъ семинарій», писалъ тогда съ рискомъ, вопреки извѣстному мнѣ аскетическому направленію,—но такъ, какъ впослѣдствіи семинаріи наши преобразованы. Не совпалъ я съ совершившимися преобразованіями только въ трехъ пунктахъ: 1) относительно постановки классическихъ языковъ; 2) усиленія естествовѣдѣнія и 3) организаціи въ нашихъ заведеніяхъ эстетическаго образованія, которое у насъ вовсе пренебрежено. По порученію преосвященнаго Саратовскаго Евфимія отъ его имени писалъ «Проэктъ преобразованія духовенства», который за смертію преосвященнаго Евфимія остался у меня въ бумагахъ. А написана сотня листовъ,—не менѣе. Болѣе рѣзкая часть этого проэкта подъ именемъ «Записки въ Бозѣ почившаго преосвященнаго епископа Евфимія, бывшаго Саратовскаго», представлена въ 1864—1865 г. духовнику Ихъ Величествъ, а отъ него Государемъ передана военному секретарю князю Урусову, отъ которыхъ послѣдовалъ отзывъ: «это писалъ святой человѣкъ», не угадали совсѣмъ, писалъ грѣшный человѣкъ. Тогда-же въ Саратовѣ по порученію оберъ-прокурора А. П. Ахматова я писалъ «о современномъ состояніи Саратовскаго раскола», на основаніи дѣлъ Саратовской консисторіи, написалъ не одну сотню листовъ. Двѣ части этихъ записокъ представлены Ахматову, но онъ низвергся и трудъ мой похороненъ. Но если-бы онъ былъ напечатанъ въ ту пору, то произвелъ бы огромную сенсацію. А теперь можетъ быть и останется только сборникомъ матерьяловъ, которые современемъ могли бы пригодиться. Этимъ трудомъ я занимался и въ Петербургѣ, когда былъ на чередѣ въ 1864—1865 годахъ.

Пребываніе въ С.-Петербургѣ на чередѣ показало мнѣ, что мнѣ нечего смотрѣть

«выспрь быстро,
«какъ птицъ царь,
«порхъ вверхъ
«на Геликонъ»,—

что нечего заглядываться на геликоны, а нужно беречь сытный кусокъ хлѣба и теплый уголъ.... Но и тутъ подъ конецъ моего почти трехлѣтняго пребыванія въ Витебскѣ я побужденъ былъ заняться: 1) «Записками по основному Богословію», которыя читалъ и въ Казанской академіи; 2) «Разборомъ и переводомъ Филона», 3) разбиралъ и рѣшалъ самыя многосложныя дѣла Полоцкой духовной консисторіи. Тутъ-же кромѣ посильнаго труда по отправленію моихъ обязанностей я напечаталъ свое довольно простанное сочиненіе (9 печатныхъ листовъ): «Разборъ Римскаго ученія о главенствѣ на основаніи твореній Св. Аѳанасія» и докончилъ обширное сочиненіе «О перстосложеніи».

---

29 Іюля 1868 г. архимандритъ Никаноръ былъ переведенъ на должность ректора Казанской духовной академіи. Въ Казань онъ пріѣхалъ 25 августа. «Для Казанской академіи,—пишетъ профессоръ П. Знаменскій въ своей исторіи Казанской духовной академіи вып. I стр. 252–266,—было большимъ счастьемъ, что она получила такого ректора, какъ архимандритъ Никаноръ. Въ Казанскую академію онъ поступилъ въ полномъ мужествѣ своихъ силъ, и въ лучшую пору жизни для приложенія этихъ силъ къ научной и административной дѣятельности и сразу твердою ногою сталъ на полной высотѣ своего положенія. Академія не имѣла еще ни одного ректора, такъ универсально образованнаго, въ полномъ смыслѣ человѣка науки, высокаго богослова и философа и вмѣстѣ съ тѣмъ знатока нѣсколькихъ спеціальностей изъ области свѣтскихъ наукъ, сильнаго мы-

слителя и вмѣстѣ эстетика, съ замѣчательно развитымъ вкусомъ, особенно въ музыкѣ и въ общей литературѣ. На первыхъ порахъ, знакомясь съ состояніемъ учебной части въ академіи и входя въ близкія учебныя сношенія съ преподавателями во время бесѣдъ съ ними и посѣщенія ихъ аудиторій, онъ ясно показалъ, что будетъ не начальственно только завѣдующимъ учебной частью академической жизни, но вмѣстѣ личнымъ и живымъ участникомъ въ ея теченіи, даже главнымъ работникомъ въ достиженіи ея цѣлей, стоящимъ во главѣ прочихъ ея работниковъ. Непосредственно по пріѣздѣ онъ занялъ каѳедру основнаго богословія и съ первыхъ же мѣсяцевъ своей службы сталъ усиленно работать для академическаго журнала. Рядомъ ученыхъ статей, помѣщенныхъ имъ въ этомъ журналѣ въ 1868 и 1869 г.г., онъ значительно восполнилъ прежнее изданіе своего извѣстнаго богословскаго труда противъ католичества «О видимомъ главенствѣ въ церкви» и въ 1869 году получилъ за него степень доктора богословія. Это былъ первый и единственный докторъ богословія, получившій эту степень въ Казанской академіи при дѣйствіи прежняго академическаго устава.

Состояніе учебной части въ академіи онъ зналъ во всѣхъ подробностяхъ. Не было науки, за преподаваніемъ которой онъ не слѣдилъ-бы изо дня въ день, то по журнальнымъ записямъ, то по отчетамъ студентовъ, то по частымъ личнымъ посѣщеніямъ аудиторій. Ежедневно по одному изъ студентовъ младшаго и старшаго курсовъ должны были утромъ являться къ нему съ отчетами и передавать содержаніе прослушанныхъ наканунѣ лекцій по всѣмъ предметамъ. Это было нужно ему, какъ онъ самъ высказалъ одному изъ студентовъ, для того, чтобы ориентироваться въ своемъ положеніи и видѣть въ какомъ состояніи находится академическая наука; въ тоже время такая передача лекцій давала ему возможность знакомиться съ

самими студентами. Не разъ онъ вступалъ съ наставниками въ личныя бесѣды объ ихъ преподаваніи, откровенно высказывалъ при этомъ свои собственныя взгляды на научные вопросы, и свои желанія относительно постановки той или другой науки въ академическомъ курсѣ, дѣлалъ откровенныя замѣчанія касательно того, что въ лекціяхъ ихъ ему не нравилось, никого впрочемъ не обижая и отдавая трудамъ каждаго должную честь по достоинству.... Многосторонне развитый, много испытавшій и много потерпѣвшій на своемъ вѣку, хорошій психологъ и вмѣстѣ человѣкъ вполнѣ сердечный и искренній, умѣвшій и понимать другихъ и сочувствовать имъ, онъ невольно вызывалъ на откровенность и искренность и самъ до экспансивности былъ открытъ душой для всѣхъ. По самому своему характеру онъ не любилъ дѣлать что нибудь въ одиночку, единолично своей властью, а всегда въ каждомъ дѣлѣ стремился заинтересовать и другихъ, поставить это дѣло непремѣнно въ значеніе дѣла общаго и вершить его общими единодушными усиліями. Эта почтенная и крайне еще рѣдкая въ тогдашнее время черта его административной дѣятельности, какъ нельзя лучше сходилась съ новыми потребностями его времени, наканунѣ академической реформы и установленія совѣтскаго самоуправленія и особенно дорогой оказалась во время самой реформы, которую потомъ въ 1870 г. пришлось ему-же и осуществлять.

Своимъ живымъ участіемъ въ общемъ дѣлѣ служенія академіи, своимъ симпатичнымъ обращеніемъ со всѣми наставниками и почти товарищескою къ нимъ близостью, онъ въ самое непродолжительное время успѣлъ сдѣлаться живымъ центромъ всей академической корпораціи и соединить ее около себя въ одну дружную и одушевленную семью. Во время разныхъ академическихъ торжествъ она вся собиралась въ его гостепріимный кельѣ на общіе обѣды, или полусемейные, полученые вечера, на

которыхъ господствовала полная искренность добрыхъ отношеній между хозяиномъ и гостями и въ живой бесѣдѣ еще болѣе скрѣплялась общая ихъ связь; это былъ пріятной и вмѣстѣ полезный отдыхъ послѣ обычной будничной работы, съ котораго, кромѣ освѣженія силъ всегда выносилось еще что-нибудь плодотворное и для послѣдующаго будничнаго дѣланія, а главное—выносилось сознаніе единства общихъ интересовъ и общаго служенія. Въ этихъ академическихъ торжествахъ охотно принималъ участіе и владыка Антоній, любившій академическую компанію. Онъ часто откровенно высказывалъ среди нея всѣ свои огорченія отъ неправившихся ему новыхъ порядковъ въ церковныхъ и учебныхъ дѣлахъ и видимо отводилъ здѣсь свою душу.» «Ректоръ былъ великій хлѣбосолъ», разсказываетъ одинъ изъ учившихся при немъ (А. Л. Крыловъ), хорошо его знавшій и впослѣдствіи. «Онъ любилъ соединять у себя людей даже враждебно настроенныхъ другъ къ другу. Такъ дѣлалъ онъ въ Саратовѣ, въ Полоцкѣ, и впослѣдствіи въ Новочеркасскѣ. Самъ онъ не охотникъ былъ ни ѣсть, ни пить, но любилъ, чтобы собравшимся у него гостямъ было весело. Нужно сказать, что у него никогда не было запасныхъ денегъ, это былъ въ собственномъ смыслѣ безсребренникъ, онъ жилъ отъ жалованья до жалованья; ежемѣсячно онъ разсылалъ множество денегъ различнымъ лицамъ, нуждавшимся въ пособіи».

Подчиненные сослуживцы видѣли въ немъ не только умнаго начальника, но и дѣйствительно лучшаго человѣка, который входилъ въ ихъ интересы, умѣлъ ихъ понимать и сочувствовать имъ.... «Въ декабрѣ 1868 г., въ первый-же годъ по пріѣздѣ, всѣ замѣтили, съ какимъ добрымъ участіемъ онъ отнесся къ кончинѣ несчастнаго баккалавра Рудольфова, какъ самъ лично распорядился при себѣ омыть и убрать одинокаго покойника, о которомъ некому было позаботиться родственнымъ образомъ. Въ 1870 г. онъ при-

нялъ горячее участіе въ кончинѣ жены профессора Ивановскаго, молодой женщины, отличавшейся рѣдкимъ образованіемъ и прекрасными душевными качествами и въ утѣшеніе упадавшаго духомъ вдовца, почтилъ усопшую надгробнымъ словомъ и самъ написалъ ея некрологъ и описалъ погребеніе. Осенью того-же года, добрая человѣчная душа ректора Никанора трогательно проявилась при погребеніи одного изъ меньшихъ академическихъ братій—стараго служителя академіи Осипа Самохвалова, прослужившаго при ней свыше 25 лѣтъ съ необыкновенной честностью; знаменитый витія самъ почтилъ погребеніемъ этого маленькаго, но заслуженнаго человѣка и сказалъ надъ его гробомъ глубоко симпатичное слово».

Избранный высокопреосвященнымъ архіепископомъ Донскимъ Платономъ въ викарія, архимандритъ Никаноръ 30-го іюня 1871 г. былъ нареченъ, а 4-го іюля хиротонисанъ во епископа Аксайскаго, викарія Новочеркасской епархіи. Судя по имѣющимся памятникамъ пяти-лѣтняго пребыванія преосвященнаго Никанора въ Новочеркасскѣ, большую часть времени онъ удѣлялъ здѣсь научнымъ работамъ. Въ 1872—1873 г. писалъ первые два тома своего капитальнаго сочиненія «Позитивная философія». 1874, 1875 и 1876 годъ были спеціально посвящены изученію естественно-научныхъ взглядовъ на происхожденіе міра и человѣка. Преосвященный подготовлялъ для печати сочиненіе «о Дарвинизмѣ», намѣреваясь напечатать его въ качествѣ III тома своей «Позитивной философіи». Насколько широко вопросъ былъ имъ поставленъ и разработанъ, можно судить по перечню системъ, подвергнутыхъ критикѣ (правда не конченной). Ляйэлль, Гекели, Циммермэнъ, Катрфажъ, Моръ, Коттъ, Герм. Кредиеръ, Траудшольдъ, Фохтъ, Дю-Прель и др. группируются вокругъ Дарвина, существенныя положенія ихъ выдѣляются и ставятся въ качествѣ тезисовъ, которые подлежатъ критикѣ. Проповѣдей преосвященный, въ санѣ епископа—

викарія, почти совсѣмъ не говорилъ. Къ 1871 и 1873 году относится самое большое число—14 бесѣдъ и рѣчей. Въ 1872 и 1874 г. не произнесено ни одной проповѣди. Въ 1875 г.—пять поученій». Къ этому періоду принадлежатъ также и статьи литературнаго характера, напр. «Іоаннъ и Смарагдъ архіепископы».

25 декабря 1876 г. послѣдовало назначеніе преосвященнаго Никанора на каѳедру епископа Уфимскаго и Мензелинскаго, а 12 декабря 1883 г. онъ за свою блестящую проповѣдническую и административно-миссіонерскую дѣятельность переведенъ въ Одессу и здѣсь во вниманіе къ отличному служенію и особымъ пастырскимъ трудамъ 20 марта 1886 г. возведенъ въ санъ архіепископа.

Служеніе преосвященнаго Никанора на каѳедрахъ Уфимской и Одесской — фактъ самаго недавняго прошлаго. Впечатлѣнія свѣжи, воспоминанія отчетливы. Но пока множество документовъ оффиціальнаго характера, относящихся къ сферѣ его административной дѣятельности остаются въ архивахъ, пока многія изъ работъ его отъ этого 14 лѣтняго періода не обнародованы, всѣ характеристики, всѣ очерки жизни преосвященнаго въ Уфѣ и Одессѣ будутъ носить печать отрывочности, неполноты, недоконченности. Образецъ такихъ біографическихъ работъ—«Воспоминанія о Никанорѣ, архіепископѣ Херсонскомъ»—Зефирова, напечатанныя въ Странникѣ за августъ—декабрь 1893 г. Авторъ описываетъ здѣсь большею частью личныя впечатлѣнія, вынесенныя отъ перваго священнослуженія, обозрѣнія городскихъ церквей, совершеннаго преосвященнымъ Никаноромъ, говоритъ о посѣщеніи имъ причтовъ въ Уфѣ, объ отношеніяхъ его къ консисторіи, семинаріи, духовнымъ училищамъ — мужскому и женскому, о проповѣднической дѣятельности, насколько она связывалась съ Уфимской семинаріей и отчасти съ каѳедральнымъ соборомъ, вспоминаетъ объ обозрѣніи епархіи преосвященнымъ Никаноромъ

и т. д. Правда, и по этимъ воспоминаніямъ видно, что, какъ епархіальный архіерей—преосвященный Никаноръ былъ сила в ликая, личность одаренная богатымъ творчествомъ, неутомимой энергіей, возстановитель святынь, поборникъ древняго православія во всемъ, особенно въ области церковно-богослужебной практики, прозорливый администраторъ и т. д. и т. д.; но авторъ умалчиваетъ о болѣе главномъ, а именно, какъ и насколько служеніе преосвященнаго Никанора въ санѣ епископа Уфимскаго перевоспитало и двинуло впередъ по пути религіозно-нравственнаго и просвѣтительнаго развитія Уфимскую паству; какія мѣры имъ были приняты по миссіонерской части и какихъ результатовъ онъ достигъ, какое участіе словомъ и дѣломъ онъ принималъ въ общей жизни края, хотя-бы напр. въ годы восточной войны; сколько заботъ положилъ, чтобы создать возможно болѣе храмовъ, — опорыхъ пунктовъ православія; насколько широко раскрылся его проповѣдническій талантъ сравнительно съ прошлымъ періодомъ (до 1877 г.).

Эти пробѣлы по возможности и пополнимъ.

Нагляднѣе всего обстоитъ проповѣдническая дѣятельность епископа Никанора въ Уфѣ. Въ 1877 г. имъ произнесено на разные случаи церковной и общественной жизни 40 поученій и рѣчей; въ 1878 г.—14; въ 1879 г.—21; въ 1880 г.—19 поученій и словъ; въ 1881 г.—1882—1883 г.—55. Всѣ эти проповѣди представляютъ не только обширные трактаты, излагающіе и разъясняющіе разнообразные вопросы вѣры и знанія, но вмѣстѣ и собесѣдованія церковно-публицистическаго характера, гдѣ главной темой являются назрѣвшія существенныя задачи и запросы современной жизни. Вмѣстѣ съ проповѣдническими трудами шла впередъ и научная дѣятельность преосвященнаго. Въ 1881—1883 г. онъ работалъ напр. надъ третьимъ томомъ «Позитивной философіи». Въ 1880 г. составилъ памятную записку о жизни ученаго монашества 60-хъ годъ подъ нѣсколько страннымъ

заглавіемъ «Прежде смерти умершій іеромонахъ Валеріанъ». Въ 1879 г.—статью «Памяти преосвященнаго Смарагда»; въ 1883 г.—написалъ апологію «Архіерейскій пѣвческій хоръ при преосвященномъ Смарагдѣ».

О степени и напряженіи просвѣтительнаго вліянія и миссіонерскихъ заботъ самъ преосвященный, подводя итоги дѣятельности въ Уфѣ, говоритъ въ своей отвѣтной рѣчи на привѣтствіе Уфимскаго городскаго головы Волкова слѣдующее. «Скажу смѣло, здѣсь я былъ зрителемъ великой перемѣны. Я объѣхалъ здѣсь не только города и села, не только множество деревень, но много и такихъ пунктовъ, иногда даже безъ названій, куда пока не проникалъ еще никакой культурный экипажъ. Хмуро и узковато многое показалось мнѣ сначала. Даже въ подгородныхъ селахъ, въ первый годъ моего путешествія, меня встрѣчало въ церквахъ точнымъ счетомъ отъ 5 до 11 человѣкъ, включая въ это число и священника со всѣмъ причтомъ; а русское населеніе при моемъ въѣздѣ въ села, случайно постаивало у своихъ избъ, да поглядывало на меня въ полъ-оборота, съ полнѣйшимъ равнодушіемъ и разсѣянностью почесывая обращенныя ко мнѣ свои спины... Но смѣю сказать, что въ томъ-же году, во вторую мою поѣздку, эту разсѣянность, это равнодушіе унесло вѣтромъ не знаю куда, должно быть за Уральскій хребетъ, въ туркестанскія степи. Сряду же я сталъ видѣть всенародныя встрѣчи многотысячныя, гдѣ выходили всѣ отъ стара до мала, со святыми иконами, съ русскою хлѣбомъ—солью, съ пѣніемъ и ликами, съ длинными крестными хожденіями. По ночамъ видывалъ иллюминаціи, которыя освѣщали ночную темень на нѣсколько верстъ кругомъ. Проѣзжалъ съ экипажемъ по путямъ, гдѣ до меня люди перемѣщались то пѣшкомъ, то на лыжахъ, или только верхомъ и цѣлые десятки верстъ этихъ дорогъ нарочно прокладывались къ моему проѣзду вольнымъ трудомъ православнаго и даже

инородческаго населенія, при доброхотномъ, но далеко не принудительномъ участіи полицейскихъ чиновъ... Въ нѣкоторыхъ пунктахъ не одинъ десятокъ верстъ, по прежнимъ едва-едва намѣченнымъ путямъ, прекрасно уложенъ по иниціативѣ единственно мѣстнаго священника, истиннаго миссіонера — цивилизатора, проложенъ въ такихъ лѣсахъ, гдѣ я видѣлъ невиданное, почти немыслимое въ наши дни зрѣлище лѣса почти дѣвственнаго, въ которомъ громадныя деревья умираютъ на корню и обгниваютъ, такъ что всѣ вѣтви уже отвалились, а стоитъ пока одинъ облѣзлый стволъ, заостренною верхушкою подпирая небо... Я не богатырскій кличъ кликнулъ по этимъ пустынямъ, а просто съ тяжкою болью сердца тихо вздохнулъ: «Господи, да эти же люди живутъ безъ церкви и религіи! Да здѣсь-же церкви нужны», — и церкви выросли вездѣ, гдѣ я указалъ, ни въ одномъ пунктѣ я не былъ обманутъ. Въ нѣкоторыхъ-же самыя указанія мои были предварены исполненіемъ, по иниціативѣ самого народа... Я говорилъ народу и повторялъ: «не обременяйте себя, въ 10 лѣтъ можете построить церковь». А глядишь церкви строились меньше, чѣмъ въ 10 мѣсяцевъ —церкви обширныя, совершенно благоустроенныя, всѣмъ нужнымъ вполнѣ обзаведенныя. Отъ крестьянина до купца и боярина всѣ спѣшили нести на Божіе дѣло свои лепты отъ грошей до сотенъ и тысячъ рублей. Недавно построенныя церкви сгораютъ зимой, — къ лѣту вполнѣ готовы новыя и уже освящены... Во многихъ приходахъ не только въ селахъ, но и по деревнямъ, не только въ церквахъ, но и на площадяхъ и полянахъ, насъ встрѣчали всенароднымъ и уже вполнѣ благоустроеннымъ пѣніемъ мужчинъ, женщинъ и дѣтей, пѣніемъ не только нѣкоторыхъ церковныхъ пѣсней, но и всего чина литургіи, какъ и многихъ пѣсней утрени и особенно праздничныхъ. Училища и заводятся и работаютъ повсюду, даже по деревнямъ. Радовали особенно инородческія миссіонерскія училища, питомцы которыхъ

всюду образовали хорошіе хоры, поютъ по-славянски и на инородческихъ языкахъ какъ по церквамъ, такъ и по домамъ и во время крестныхъ хожденій.

Кладбища, которыя по городамъ и селамъ я посѣтилъ почти всѣ, а по деревнямъ многія, которыя прежде поражали меня по мѣстамъ—скажу просто безобразіемъ, теперь принимаютъ повсюду приличный, если и не вездѣ пока еще благолѣпный видъ... Отъ мѣстнаго старообрядческаго населенія и не видѣлъ ни одного случая рѣзкости. Наоборотъ, видѣлъ такія проявленія мягкости и доброхотства, которыя меня изумляли и трогали. Видѣлъ старообрядческихъ дѣтей, которыя въ церквахъ замѣшивались въ толпу православныхъ дѣтей и охотно отвѣчали на мои вопросы по Закону Божію. Во всѣхъ центрахъ старообрядчества, въ училищахъ я находилъ дѣтей, которыя усердно учатся Закону Божію у православныхъ священниковъ. Въ единовѣрческихъ- же поселеніяхъ, какъ и въ монастырѣ, въ церквахъ, кельяхъ и домахъ принимали насъ священнолѣпно, съ пѣніемъ и ликами, кланялись намъ доземно, принимали наше архіерейское благословеніе; радовались, что мы отстаивали въ церквахъ длинныя единовѣрческія службы; въ двухъ мѣстахъ держали къ намъ долгія обдуманныя благодарственныя рѣчи, а просто благодарственныя рѣчи говорились намъ вездѣ... Магометанское населеніе всюду встрѣчало насъ съ радушіемъ, услужливостью, доброхотствомъ, которымъ не могу дать иного названія какъ величайшихъ. Это—запречь лошадей въ пять минутъ десятками и сотнями рукъ, почти снести экипажъ съ горы на рукахъ, на рукахъ-же поднять на крутую гору, хоть подержаться за экипажъ, почти перенести черезъ рѣку, — мусульмане это первые. Съ великимъ радушіемъ во время моихъ путешествій встрѣчали меня всѣ магометанскія общества, выходили муллы съ привѣтствіями; а въ нѣкоторыхъ обществахъ встрѣчали всенародно съ русскимъ хлѣбомъ—солью и обдуманными при-

вѣтственными рѣчами. Встрѣчали привѣтствіями, провожали молитвенными благожеланіями.»

Въ области управленія преосвященный Никаноръ проявилъ въ Уфѣ изумительную дѣятельность, безпристрастіе, правдивость и благородство въ высокой степени. Много истинно отеческихъ заботъ приложилъ онъ къ благоустройству духовно-учебныхъ заведеній епархіи. Епархіальное женское училище при немъ преобразовано изъ трехкласснаго въ шестиклассное, почти вдвое увеличено и въ объемѣ зданій, съ присобленіями ихъ къ новому строю и въ составѣ воспитанницъ, которыхъ въ 1883 г. было 194, а въ 1876 112. Постройка новыхъ и просторныхъ зданій для Уфимскаго (мужскаго) училища при немъ начатая, къ 1883 г. была почти кончена. Въ Уфимской духовной семинаріи съ корнемъ устранены нестроенія мѣшавшія правильному ходу учебно-воспитательнаго дѣла. Въ 1879 г. по иниціативѣ преосвященнаго Никанора и подъ его руководствомъ стали издаваться Уфимскія Епарх. Вѣдомости. Во всемъ духовенствѣ епархіи поднято и развито сознаніе своего достоинства и долга; ни одинъ изъ достойныхъ священнослужителей,—а такихъ при Никанорѣ обнаружилось громадное количество,—не оставленъ безъ той или другой награды...

12-го декабря 1888 года преосвященный Никаноръ перемѣщенъ въ Одессу епископомъ Херсонскимъ и Одесскимъ. Это было послѣднее мѣсто его служенія, гдѣ его талантъ и энергія проявились наиболѣе ярко и блестяще. Здѣсь онъ получилъ санъ архіепископа (20-го марта 1886 года) и многіе знаки отличія греческій Спасителя—5 августа 1887 г., черногорскій Даніила I ст.—23 октября 1889 г., Александра Невскаго—1 апрѣля 1890 г.; въ 1889 г., одновременно съ митрополитомъ Кіевскимъ и Галицкимъ Платономъ, избранъ членомъ Императорской академіи наукъ; отсюда—изъ Одессы онъ былъ вызываемъ въ Петербургъ для присутствованія въ засѣданіяхъ Св. Синода; здѣсь съ особенной силой

и блескомъ проявился его проповѣдническій талантъ, причемъ онъ смѣло и горячо выступалъ съ обсужденіемъ цѣлаго ряда общественныхъ вопросовъ, стараясь внести въ разрѣшеніе ихъ свою мысль, свое слово, свое чувство. Всѣмъ памятны его бесѣды и рѣчи о графѣ Л. Толстомъ и его воззрѣніяхъ, о различіи цивилизаціи нѣмецкой и русской, объ еврейскомъ вопросѣ, о католицизмѣ противъ В. Соловьева, о штундѣ, о дворянствѣ и семинарскомъ образованіи, о назначеніи женщины и женскомъ образованіи, о патріотизмѣ и космополитизмѣ, о собственности и о множествѣ другихъ предметахъ, которые волнуютъ умы, возбуждаютъ полемику, отражаются въ жизни. Всѣмъ хорошо извѣстно также, что въ проповѣднических трудахъ архіепископа Никанора, отъ времени пребыванія его въ Одессѣ, особенно ярко сказался его высокій духъ. По отзыву одной изъ русскихъ газетъ, «отличительными чертами ихъ были смѣлость мысли, самостоятельность взгляда, чрезвычайная простота въ соединеніи съ образностью языка и, наконецъ, необычайность тэмъ, трактуемыхъ съ церковной каѳедры. Всѣ эти особенности проповѣдей высокопреосвященнаго Никанора создали ему популярность, если не совершенно небывалую, то во всякомъ случаѣ рѣдкую въ Россіи» и сдѣлали имя его извѣстнымъ на Западѣ.

Управляя Херсонской епархіей, высокопреосвященный Никаноръ обратилъ особенное вниманіе на борьбу съ распространившимся на югѣ штундизмомъ и въ этомъ дѣлѣ успѣлъ достичь весьма благотворныхъ результатовъ. Церковное пѣніе не осталось также безъ его вниманія: по иниціативѣ владыки во всѣхъ церквахъ Одессы, а затѣмъ и въ храмахъ другихъ городовъ, мѣстечекъ и селъ епархіи было введено церковное пѣніе великознаменнаго древне-русскаго распѣва, переложенное на ноты лично самимъ преосвященнымъ. Не мало трудовъ и энергіи было затрачено имъ и на уничтоженіе укоренившихся въ церковномъ пѣніи отступ-

леній отъ истинно-русскаго общеславянскаго духа церковныхъ пѣснопѣній. Не мало трудился онъ въ Одессѣ и въ области научныхъ богословскихъ, историческихъ и философскихъ изысканій. Здѣсь же въ Одессѣ онъ и заболѣлъ и скончался отъ рака желудка преждевременно, въ ночь съ 26 на 27 декабря 1890 года, найдя въ себѣ еще 25 декабря достаточно душевныхъ и тѣлесныхъ силъ, чтобы написать краткое, но сильное и глубоко трогающее душу «Слово въ день Рождества Христа Спаса нашего».

Литературные труды архіепископа Никанора.

1) Бесѣды и поученія Никанора епископа Уфимскаго. Уфа 1883. (Изд. I.) стр. 1—475. Реценз. Цв. Общ. Вѣстн. 1884, № 10, 5—6; Стран. 1884, I, 370—385; 767—780. Бесѣды и поученія Никанора епископа Херс. и Одес. (изд. II) т. I—1884; II—1885; III—1886; IV—1887 г. Поученія, бесѣды, рѣчи, воззванія и посланія Никанора архіепископа Херсонскаго и Одесскаго. (изд. III) 1890 — 1891 г. въ 5-ти том.; V т. посмертный съ портретомъ и краткой біографіей преосвященнаго.

Свѣтская и духовная печать о духовенствѣ. Воспоминанія бывшаго альта—солиста. С.-П. 1884 Правда противъ хулы (по поводу посмертной клеветы на митрополита Антонія) С.-П 1885. О классицизмѣ въ духовно-учебныхъ заведеніяхъ. (Стран. 1886, № 6—7.). О классицизмѣ. Мысли Филарета Московскаго и Иннокентія Харьковскаго (Стран. 1890. № 4). Кончина преосвященнаго Евоимія епископа Саратовскаго (Стр. 1864. 12).

2) Позитивная философія и сверхчувственное бытіе С.-П. т. I, 1875 г. XIII+401 стр.; т. II, 1876 г. XIV+IV+459 стр.; т. III 1888 г. VI+498.— Можно-ли позитивнымъ философскимъ методомъ доказать бытіе чего-либо сверхчувственнаго—Бога, духовности и безсмертія души? (Прав. Соб. 1871, II 41. III.). Сравнительное значеніе христіанской дуалистической и современной монистичской системы міровоззрѣнія. (Прав. Обозр. 1885 г. № 2). —Философія нигилизма (Прав. Об. 1882, № 5—6). Философія эволюціонизма (Стр. 1884, № 1). О томъ, что вѣра есть знаніе (Прав. Обозр. 1886 г. № 2). Направленіе и значеніе философіи Грота (Пр. Об. 1886, № 10).

3) «Объ антихристѣ». «О крестномъ знаменіи» (ненап.). «О святительскомъ жезлѣ» (Хр. Ч. 1853 г.) «Объ изображеніи св. евангелистовъ въ обличеніе неправды мнимыхъ старообрядцевъ» (Хр. Ч. 1854 г.). —«Описаніе нѣкоторыхъ сочиненій, написанныхъ русскими раскольниками въ пользу раскола». Записки Александра Б. Ч. I и II. С.-П. 1861, изд. Кожанчикова. О перстосложеніи для крестнаго знаменія и благословенія. Бесѣда Никанора архіепископа Херсонскаго. С.-П. 1890, 378 стр. О перстосложеніи для крестнаго знаменія и благословенія въ обличеніе неправды мнимыхъ старообрядцевъ (Прав. Соб. 1869, II. 1, 95, 191, 310, III, 3.). Описаніе иконописныхъ перстосложеній для крестнаго знаменія и благословенія, изображенныхъ въ Псалтири — рукописи XVI в., принадлежащей библіотекѣ Казанской духовной академіи (Пр. Соб. 1869, III, 103, 185, 288.). Вопросъ о перстосложеніи для крестнаго знаменія и благословенія по нѣкоторымъ новоизслѣдованнымъ источникамъ (Прав. Соб. 1870. I, 49, 130, 220. II, 212, 330. III, 29, 83). Цареградская перковь Св. Софіи—свидѣтельница древле православнаго перстосложенія (Прав. Соб. 1870 г. I, 291. II. 46, 144. III, 185, 286.).

4) Разборъ римскаго ученія о видимомъ (папскомъ) главенствѣ въ церкви, сдѣланный на основаніи св. Писанія и преданія первыхъ вѣковъ христіанства до I вселенскаго собора влючительно. Казань. 1871 г. Бесѣда о томъ, есть-ли что еретическое въ латинской церкви? С.-П. 1889. 93 стр.

Литтература о преосвященномъ архіепископѣ Никанорѣ.

а) Некрологъ и краткая біографія Х. Е. Вѣд. 1891 г. № 1—2. Памяти въ бозѣ почившаго Никанора архіепископа Херсонскаго и Одесскаго. М. 1891 г. Памяти высокопреосвящ. Никанора архіеписк. Херсон. и Одесскаго. Составлено и издано подъ редакціей профессора Бѣляева. Казань. 1891 г. Никаноръ архіепископъ Херсонскій и Одесскій и его учено-литературная дѣятельность. Красносельцевъ. Одесса 1893. Памяти въ Бозѣ почившаго архіепископа Никанора. Крыловъ—Новочерк. 1893. Его-же. архіепископъ Никаноръ какъ педагогъ. Новоч. 1893. Его-же. Воспоминаніе о митрополитѣ Платонѣ и викаріи его епископѣ Аксайскомъ Никанорѣ. Паст. соб. 1893 г. май—іюль. Зефировъ. Мои воспоминанія о преосвященномъ Никанорѣ за время его пребыванія на Уфимской каѳедрѣ (1877—1884 г.). Стран. 1893, 7—12. Послѣдніе дни пребыванія въ г. Уфѣ преосвященнаго Никанора. Изд. ред. Уфимск. Епарх. Вѣд. Уфа 1884. Русскій Пал. 1887. № 6. Біографія преосвященнаго Никанора.

б) Отзывы и статьи по поводу его ученыхъ трудовъ. Нильскій. Отзывъ о сочиненіи «Описаніе нѣкоторыхъ рукописей, написанныхъ раскольниками въ пользу раскола» Хр. Чт. 1861. Іюнь, стр. 467. Милославскій.— Позднее слово о преждевременномъ дѣлѣ (страница изъ исторіи русской фи-

лософской мысли). Прав. Об. 1879. 2, стр. 265—292. II, стр. 500 — 522. (о первыхъ двухъ томахъ позитивной философіи). О II т. В. С. Соловьевъ. Опытъ систематической философіи. Прав. Об. 1877, 5, стр. 109 — 119. Ибервегъ. Исторія новой философіи. С.-П. 1890 и въ ней, философія русскихъ. Колубовскаго. стр. 584, 585. Бесѣды и поученія Никанора арх. Херсонскаго и Одесскаго. Отзывъ о IV томѣ Новочерк. 1888.

БИБЛІОТЕКА
МОСКОВСКОЙ ДУХОВНОЙ
АКАДЕМІИ.

2007043252